

- НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ
- КОРМЧИЙ КОРАБЛЯ РЕВОЛЮЦИИ
- ЗОДЧИЙ НОВОГО МИРА
- ЛЕНИН И НАРОД
- ВЕЧНО ЖИВОЙ

# самый человечный человек





# 1870



# 1980

# САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

- 
- НАВСТРЕЧУ ЖИЗНИ
  - КОРМЧИЙ КОРАБЛЯ РЕВОЛЮЦИИ
  - ЗОДЧИЙ НОВОГО МИРА
  - ЛЕНИН И НАРОД
  - ВЕЧНО ЖИВОЙ

НАВСТРЕЧУ  
ЖИЗНИ



**Время —**

начинаю

про Ленина рассказ.

. . . . .

Он земной,

но не из тех,

кто глазом

упирается

в своё корыто.

Землю

всю

охватывая разом,

видел то,

что временем сокрыто.

Он, как вы

и я,

совсем такой же,

только,

может быть,

у самых глаз

мысли

больше нашего морщият кожей,

да насмешливей

и твёрже губы,

чем у нас...

Знал он

слабости,

знакомые у нас,

как и мы,

перемогал болезни.

Скажем,

мне бильярд —

отращиваю глаз,

шахматы ему —

они вождям полезней.

И от шахмат

перейдя

к врагу натурой,

в люди

выведа

вчерашних пешек строй,

становил

рабочей — человеческой диктатурой  
над тюремной  
капиталовой турой.

И ему  
и нам  
одно и то же дорого.  
Отчего ж,  
стоящий  
от него поодаль,  
Я бы  
жизнь свою,  
глупея от восторга,  
за одно б  
его дыханье  
отдал?!  
Да не я один!  
Да что я  
лучше, что ли?!  
Даже не позвать,  
раскрыть бы только рот —  
кто из вас  
из сёл,  
из кожи вон,  
из штолен

не шагнёт вперёд?!  
В качке —  
будто бы хватил  
вина и горя лишку —  
инстинктивно  
хоронюсь  
трамвайной сети.  
Кто  
сейчас  
оплакал бы  
мою смертишку  
в трауре  
вот этой  
безграничной смерти?  
Со знамёнами идут,  
и так.  
Похоже —  
стала  
вновь  
Россия кочевой.

Колонный зал  
дрожит,  
насквозь прохожен.  
Почему?

Зачем  
 и отчего?  
 Телеграф  
 охрип  
 от траурного гуда.  
 Слезы снега  
 с флажных  
 покрасневших век.  
 Что он сделал,  
 кто он  
 и откуда —  
 этот  
 самый человечный человек?..

В Маяковский

(Из поэмы «Владимир Ильич Ленин».)

В. Саянов

## ЗАРЯ

Заря столетия нового близка,  
 Бессмертного, оваянного славой...  
 Собрание подпольного кружка  
 Сегодня в ночь, за старою заставой.  
 Одноэтажный деревянный дом  
 Построен плохо, весь он перекошен...  
 Сутулясь, ходит слесарь за мостом,  
 Мечтая вслух о времени хорошем.  
 Он до зари бессменно на посту  
 И смотрит зорко сквозь седую вьюгу,  
 Жандарма отвлекает на мосту  
 И — «проходи» — тихонько шепчет другу.  
 А в домике окно затемнено,  
 Завешено широкой пёстрой шалью.  
 Огнём волшебным светится оно —  
 Увидят свет за вековою далью.  
 А в эту ночь вся улица темна...  
 Между домами промелькнули тени...  
 Остановились люди у окна  
 И, оглянувшись, тихо входят в сени,  
 Все молоды... Улыбкой молодой  
 Встречает Ленин каждого, и снова  
 Здесь, в Петербурге, ночью снеговой,  
 Звучит негромко ленинское слово.  
 Он смотрит на своих учеников  
 Внимательным и потеплевшим взглядом.

Здесь пылкий Бабушкин, спокойный Шелгунов<sup>1</sup> —  
Они склонились над тетрадкой рядом,  
И в будущее каждый устремлён...  
«Союз борьбы» им будет первой школой.  
Бойцу не страшен путь борьбы тяжёлой.  
Умрёт в бою, а не сознётся он.  
Таких людей родит рабочий класс  
И ставит в строй в дни грозных потрясений.  
Лишь Ленин знал, что этот зимний час  
Для всей земли — был первый час весенний.

А. И. Ульянова

## ОКОНЧАНИЕ ГИМНАЗИИ

В 1886 году, когда Владимиру Ильичу доходил шестнадцатый год, нашу счастливую семью постиг первый тяжёлый удар: 12 января скончался скоропостижно отец — Илья Николаевич. Александр Ильич был в то время в Петербурге. Володя остался старшим сыном в семье, и он выказал, несмотря на свою молодость, много внимательности по отношению к матери, много старания помочь ей в нахлынувших на неё новых заботах.

Этой зимой я осталась дольше в Симбирске, где смерть отца застала меня во время рождественских каникул. Мне надо было пройти латынь для курсов, и Володя, прекрасно знавший её, взялся помогать мне. Помню, как хорошо он объяснял и какими живыми и интересными выходили у нас уроки. Он говорил тогда, что гимназический курс слишком длинен, что взрослому, сознательному человеку можно пройти учёбу, растянутую на восемь лет, в два года. И он доказал это, подготовив в два года учителя Охотникова к экзамену экстерном при гимназии.

Учитель этот был чувашин родом, преподававший в чувашской школе. У него были большие способности к математике. Он прошёл её самостоятельно за гимназический курс; ему хотелось заниматься ею дальше. Но для поступления в университет надо было сдать экзамен за гимназию по всем предметам и по древним языкам.

Конечно, для чувашина, плохо знавшего русский язык, это было нелегко, к тому же способности у него к языкам и общественным наукам были далеко не блестящи. И всё же Володя, которому близкий знакомый нашей семьи, инспектор чувашской школы Яковлев, предложил заниматься с Охотниковым и подготовить его к экзамену, взялся и подготовил своего ученика в полтора-два года, несмотря на свои собственные занятия в двух последних классах. И Охотников сдал в один год с Володиёв эк-

---

<sup>1</sup> Бабушкин и Шелгунов — революционеры, соратники

В. И. Ленина.



замен при гимназии и поступил в университет. Надо добавить ещё, что занимался Володя со своим учеником бесплатно.

В 1887 году, когда Володя был в последнем классе, нашу семью постигло другое тяжёлое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован Александр Ильич в Петербурге.

Владимиру Ильичу пришлось тогда первому услышать это тяжёлое известие и подготовить к нему мать.

Вот как это произошло.

О том, что Александр Ильич и я, пишущая эти строки, арестованы, в Симбирск, учительнице Кашкадамовой, сообщила наша родственница и просила её подготовить мать.

«Получив письмо,— рассказывает Кашкадамова,— я послала в гимназию за Володи и дала ему прочесть письмо. Крепко сдвинулись его брови, и долго он сосредоточенно молчал над письмом. Передо мной был уже не прежний весёлый мальчик, а взрослый человек. «А ведь дело серьёзное, может плохо кончиться для Саши,— сказал он.»

Дело Александра Ильича кончилось действительно очень серьёзно. Он был признан одним из главных руководителей покушения, приговорён к смертной казни и казнён 8 мая 1887 года.

Володя, переживая несчастье с большой твёрдостью, продолжал внимательно заниматься, но стал серьёзнее и молчаливее. Он часто задумывался над тем, правильный ли путь борьбы избрал старший брат, говорил: «Нет, мы пойдём не таким путём. Не таким путём надо идти».

Начальству Симбирской гимназии был объявлен выговор за то, что оно выпустило с лучшей аттестацией и золотой медалью такого «ужасного преступника». Думали, что нельзя будет дать золотой медали и его брату Владимиру Ильичу, но успехи последнего за все восемь лет гимназического учения были настолько выдающимися, ответы его на выпускном экзамене настолько блестящими, что нельзя было лишить его, как и сестру его Ольгу, золотой медали. Он получил эту медаль и поступил в Казанский университет, на юридический факультет.

Мать с остальными детьми, продав в Симбирске дом и лишнее имущество, переехала тоже в Казань.

Тот гнёт, который и без того тяжело лежал на студенчестве в восьмидесятых годах прошлого столетия, ещё усилился после покушения 1 марта 1887 года, участниками которого были студенты. «Инспекторами студентов» назначались настоящие полицейские ищейки, были закрыты все самые невинные студенческие общества, распущены все организации, арестованы и исключены многие.

Студенты стали протестовать во всех университетах. Прои-

зошли так называемые студенческие беспорядки и в Казанском университете.

Владимир Ильич тоже принял участие в неразрешённой ссудке и был в числе других исключён из университета и выслан из Казани в деревню Кокушкино.

Этим исключением окончились для него ученические годы. Двери высшей школы были для него закрыты.

В ходатайствах об обратном поступлении в университет ему было отказано главным образом из-за того, что он был братом Александра Ильича.

Таким образом, школьная учёба закончилась для Владимира Ильича в семнадцать лет. Но он был настолько сознательным, что сумел самостоятельно, без всякой посторонней помощи, закончить своё образование.

Он закончил официальное образование, сдав, когда ему было наконец дано это право, выпускной экзамен по юридическому факультету, причём сдал его в один год со своим выпуском, как будто не был исключён из университета.

Помню, многие удивились тогда, что он даже года из-за всех этих передряг не потерял, то есть что в действительности подготовился по всем наукам университетского курса не в четыре, как все, а в каких-нибудь два года.

Полученный им диплом об окончании университета давал ему профессию (он записался помощником присяжного поверенного), а значит, возможность зарабатывать себе хлеб, о чём надо было думать, так как вся семья жила лишь на пенсию матери да на то, что проживалось понемногу из оставшегося после отца.

За эти годы жизни — сначала в Казани, а потом в Самаре — Ильич сложился в революционера, мужественного, убеждённого, не боящегося никаких трудностей, отдающего все свои силы борьбе за дело трудящихся.

Владимир Ильич с особым вниманием читал, изучал сочинения Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс показали, как во всех странах капиталисты угнетают рабочих, наживаются на их труде, а помещики наживаются на труде крестьян. Маркс и Энгельс писали, что есть один путь для того, чтобы положить конец всякому угнетению, всякой эксплуатации, — это объединиться рабочим и общими силами, опираясь на всех трудящихся, сбросить власть помещиков и капиталистов, взять власть в свои руки и завести новые порядки, устроить жизнь светлую и счастливую для всех.

В ряде стран, где было много фабрик и заводов, рабочие, объединённые общим трудом, общим угнетением, начали уже в те времена бороться за свои права. У нас в России фабрик и заводов тогда было ещё не очень много, рабочие были темные, малосознательные; царская власть, царские чиновники помогали

всячески помещикам и капиталистам держать в рабстве трудящихся. Но Ленин понял, что и нам надо идти тем путём, который указали Маркс и Энгельс. Ленин помог рабочим организовать-ся, помог организовать самому боевому, самому передовому отряду борцов за рабочее дело — Коммунистической партии.

Рабочий класс России долгие годы вёл упорную революционную борьбу и под руководством большевистской партии, ведя за собой крестьянство, в октябре 1917 года победил, взял власть в свои руки и строит для всех жизнь, здоровую, радостную, светлую.

Имя Ленина дорого миллионам рабочих и трудящихся всего мира. Его никогда не забудут.

Н. Богданов

## КРУГОСВЕТКА

Однажды ранним майским утром ласковое весеннее солнце заглянуло в старинный город Саратов на Волге. Вначале посветило оно в окна богатых домов, возвышавшихся на взгорье. Но их владельцы не пошевелились в своих мягких постелях, отгородившись от утренних лучей плотными шторами и занавесками.

Заглянуло солнце в окошки маленьких домов, лепившихся в подгорье, но опоздало: их жители давно проснулись и ушли на работу.

Потому и могли сладко спать богатые бездельники, что с раннего утра на них работали бедные люди.

Утренние лучи солнца сверкнули на кокардах царских жандармов, охраняющих покой богачей. Пощекотали длинный нос полицейского шпика, задремавшего в саду на скамейке, и осветили крыльцо дома купчихи Курлиной.

Вдруг на крыльцо вышли молодые люди в гимназических куртках, в студенческих тужурках. У одного в руках гитара, у другого — чайный котелок, у остальных — кульки и свёртки с едой.

Шпик встрепенулся, опознав среди них Владимира Ульянова, за которым его приставили следить.

Молодые люди пошли к пристани.

Сели в лодку под названием «Нимфа» и поплыли вниз по Волге.

Шпик, проследивший за ними, доложил полицейскому приставу, что Ульянов отправился на прогулку с компанией молодёжи.

Полицейский пристав обозвал сыщика дураком и болваном: какая там прогулка — он упустил опаснейших революционеров. Марксистов. Они собираются в доме Курлиной под предлогом вечеринки, а сами изучают Карла Маркса. Руководит этим тайным кружком студент Складенко, опасный человек... А недавно

появившийся среди них Владимир Ульянов ещё опасней. Его брат Александр хотел царя убить. А Владимир всех богатых истребитель собирает. Проповедует, что рабочий класс — могильщик капитала — скоро поднимется и всех своих угнетателей закопает.

— Да, да, и нас с вами! У пристава на груди все царские медали задрожали.

И шпики в дрожь бросило. Его не раз рабочие больно поколачивали за подглядывание да подслушивание; не хватало, чтобы ещё в землю закопали.

Пристав приказал выследить революционеров и, если станут народ бунтовать, арестовать их! Дал в помощь шпику двух здоровенных жандармов, и они, подхватив револьверы и сабли, бросились в погоню.

Тоже уселись в лодку и давай грести. До поту, до волдырей на ладонях, стараясь догнать «Нимфу».

А на «Нимфе» гитара бренчит. Песня то возникнет, то смолкнет.

Гребцы то ударят по воде, то сушат вёсла. Любуются природой.

— Хорошо на просторе,— говорит Владимир Ильич,— петь хочется. Полезно вот так проветриться.

Это он предложил прогуляться по Волге. Накануне засиделись допоздна, много спорили, когда Ульянов прочёл реферат о «Манифесте Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

В этой книге впервые говорилось, что только рабочие, если их организовать, смогут сделать революцию и добиться для всех людей свободной и счастливой жизни.

Скляренко сомневался, говорил, что в России ещё мало фабрик и заводов, рабочих немного, большинство населения — крестьяне-земледельцы, угнетённые помещиками. Вот их и надо поднимать на борьбу за свободу. Мужик — главная сила.

Так учили молодёжь старые русские революционеры, называвшие себя народниками.

— Народники ошибаются,— объяснил Владимир Ильич.

И в самом деле, у крестьян нет единства, среди них и бедняки, и середняки, и кулаки. Разные интересы тянут их в разные стороны. Победу в борьбе за свободу могут одержать рабочие, потому что они дружные люди, способные идти до конца и повести за собой всех людей труда.

Долго спорили. И решили: а почему бы не поговорить с самими крестьянами. Узнать, о чём они думают.

И вот молодые марксисты плывут в гости к крестьянам приозлжских деревень.

Правит рулём Алексей Скляренко, организатор самарского

кружка марксистов, а Владимир Ильич Ульянов вместе со всеми на вёслах. Он и отличный гребец и запевала.

Плывут по самой быстрине реки. Чайки вьются над ними и спрашивают: «Чьи вы? Чьи вы?»

Первый след марксистов отыскивали жандармы в селе Екатериновке. Здесь студенты побывали у местного кулака, сельского богатея Нечаева.

Чай пили. О жизни разговаривали. И хитрый кулак похвалился, будто он поучал молодёжь, как надо богатеть и любить царя-батюшку.

Ничего от него не добившись, жандармы поплыли дальше. Чтобы подловить революционеров, шпик изображал рыбака с удочкой. Прикидывался их товарищем, который отстал. Полицейских на дне лодки прятал, осокой прикрывал.

Но встречные рыбаки, бурлаки, пастухи, пригнавшие стада на водопой, отвечали одно — не видели, не слышали. Даже деревенские ребята из села Переволоки не попались на его удочку.

Задорно приплясывая, спели ему озорную частушку:

Мы видали, мы слышали —  
На сомах землю пахали!  
Мимо нашего села  
Лодка посуху плыла!

Выругал их обозлённый шпик и поплыл дальше, погоняя жандармов, вниз по реке.

Но мальчишки не соврали. Они сами помогали плавать «Нимфе» по суше. Молодые путешественники наняли подводку, чтобы перевезти их лодку с Волги в реку Усу, протекавшую рядом за бугром.

Пожалев слабосильную мужицкую лошадёнку, они и сами запряглись в телегу. Мальчишки поддерживали лодку за борта, помогая вытаскивать вязнувшие в песке колёса под пение «Дубинушки».

Студенты им понравились, а особенно весёлый запевала, который позвал их на помощь.

Народ здесь песенный. Про реку Усу тоже песню сложили:

Словно ус казацкий, вьётся  
Наша реченька Уса,  
Никак с Волгой не сольётся:  
То отпрянет, то прижмётся,  
То укроется в леса!

Славная речка. Ещё в старину помогала казакам — погонять за ними царские воеводы на кораблях с пушками, а те свои лёгкие челны с Волги в Усу переволокут и были таковы. Воево-

ды их ниже Самары ловят, а они уже выше города купеческие караваны разбивают.

Самому царю докладывали, что казаки неуловимы, потому что колдовство знают.

А оказывается, они тайну природы знали, интересный секрет самарской луки. Здесь Волга огибает дугой Жигулёвские горы. Река Уса, что течёт с правого берега, почти добежала до Волги, но встретила на пути невысокий отрог Жигулей. И, словно рассердившись, повернула вспять. Но далеко не ушла, влилась в Волгу-матушку выше Самары.

Казацким волоком и воспользовались молодые революционеры.

Жандармы гнались за ними по Волге, а они уже плыли по Усе в другую сторону.

Очаровала Владимира Ильича бойкая Уса. С удовольствием пил он чай с дымком из её вкусной воды. Первым бросался купаться. Быстрее всех разводил костры и показывал, как хорошо устроить ночлег на берегу. Это он умел с детства.

Погода была отличная, тёплая. Соловьи пели не умолкая.

Когда приплыли к подножию утёса Степана Разина, решили побывать на вершине, куда поднимался знаменитый вождь народного восстания, чтобы думать, как победить царя и бояр.

А погода изменилась. Дождик заморосил. Земля стала скользкой. Отяжелела намокшая одежда. Сkläренко было заговорил, что можно пойти в другой раз, когда просохнет, но Владимир Ильич не любил отступать от намеченного. Пошёл вперёд, помогая отстающим, поддерживая бодрость товарищей шутками. И все потянулись за ним. И ворчавший Сkläренко пошёл.

Когда достигли вершины, дождь вдруг перестал, облака разошлись, и все залюбовались необыкновенной красотой Волги. Далеко внизу голубела вода, чайки над водой казались белыми лепестками цветов, упавшими в реку. А чёрные орлы, парящие над тёмными пропастями, казались не больше летучих мышей.

Удивительно хорошо — скажешь слово, а оно возвращается, как мячик, ударившись об отвесные стены ущелий.

Стоит крикнуть вниз погромче: «Удастся ли нам победить врага?!»

Эхо отвечает: «Да, да!»

Стоит спросить: «Добьются ли свободы люди труда?»

Эхо отвечает: «Да, да!»

Владимир Ильич, сложив ладони рупором, спрашивал громче всех, и эхо, отвечая ему, грохотало по горам и ущельям, как гром.

Задорные голоса молодых людей словно разбудили злые си-



лы природы. В ночь заревела буря, заблестали молнии и хлынул ливень.

Проснулись промокшие, продрогшие. Смотрят, а Волга бушует, как море. Злой ветер гонит огромные волны, сшибая с гребней белую пену.

Страшно плыть через реку в бурю, а нужно. На том берегу в селе Царевщина в избе Василия Князева ждут заранее вызванные на беседу крестьяне-бедняки, знакомые Скляренко.

Когда выгребли из-под защиты утёса на середину реки, волны стали захлёстывать лодку. Скляренко хотел повернуть обратно. Все заспорили. Одни кричали: «Назад», другие «Нельзя, при повороте опрокинемся!»

А Владимир Ильич, схватив чайный котелок, стал отчерпывать воду. Главное — удержать лодку на плаву, буря сама вынесет на берег. По его примеру кто кружкой, кто шляпой, кто сапогом стали отчерпывать заливаемую волнами «Нимфу». Всё ближе берег. Вот уже село рядом.

Народ набежал, криком помогает, подбадривает:

— Бей вёслами дружной, не робей, ребяташки!

И вот выплеснули волны лодку на песок. Гребцы вымокли, хоть выжимай. Но бодрятся, друг над другом посмеиваются.

Узнал их Василий Князев, забрал к себе в избу обсушиться, отогреться, у него и самовар горячий на столе.

Никому не признался, что рискованные эти люди к нему плыли. На руле сидел студент Скляренко. Остальные были Василию незнакомы.

«Пусть все думают, будто случайных путников приютил,— решил Василий,— так лучше от царских доносчиков утаиться».

А когда за самовар их усадил, сказал:

— Напрасно вы в самую кипень кинулись, обождали бы, пока буря стихнет.

— А уж если надумали рисковать, нечего было мудровать. Посреди реки спор не затевают, а к берегу выгребают!— сказал Амос, чернобородый богатырь.

— Ненадёжный из тебя кормчий, друг,— сказал седовласый Ерфилич, второй гость Князева, пожурив Скляренко.— Вот тот, что воду отчерпывал, правильней всех поступал...

— А это вот и есть тот товарищ, которого я обещал на беседу к вам доставить,— ответил студент.— Владимир Ильич, это он настоял, что обещанное надо выполнить. Если нас ждут люди, надо плыть да быть.

— За уважение спасибо, Владимир Ильич,— сказал Ерфилич.

Не сразу крестьянские правдолюбцы приступили к серьёзному разговору.

Вначале присматривались да приглядывались к новому знакомцу.

Был он постарше других. Большелобый, широкоплечий, спокойный.

— Из каких же семейств вы будете?— спросил его Ерфилич как самый старший.

— Отец мой был инспектором народных училищ.

— А вы давно ли за народ стоите? Давно против царя?

— Да, собственно, с ранней юности.

— Как же вы думаете мечту свою выполнять? Добывать людям свободу?— допытывался Амос.

— А как вы думаете?

— Мы? А вот как: взяться всем народом за топоры и всю эту барскую свору, помещиков, богачей, царских палачей, под корень! Начисто!— вскочил из-за стола Амос и стал рубить ручищей, как топором.

— Ай, батюшки!— воскликнул Ерфилич, хлопнув себя по коленкам.— Мы с вилами и топорами, а царское войско — с ружьями да с пушками...

— Вот именно,— сказал Владимир Ильич,— при помощи топора да вил вы только со своими ближними врагами управитесь... А потом выйдут навстречу солдатушки — brave ребята, наставят пушечки царские генералы... И пройдут по мужицким косточкам лихие драгуны да гусары...

— Было, было такое... Уж какие богатыри на царей народ подымали — Степан Разин, Емельян Пугачёв... И что же? Море кровушки да срубленные головушки! Нет, злом победить зло нельзя!— тряхнул седыми кудрями Ерфилич.

— А как же можно?— спросил Владимир Ильич.

— Добром, только добром... Уговорить всех людей быть друг к другу добрыми, хорошими. И когда не будет злых, тогда никто не пойдёт ни в солдаты, ни в палачи. А цари без палачей — что тигры без зубов...

— А вы пробовали?

— Что?

— Уговорить злых людей быть добрыми. Что-нибудь из этого у вас вышло?

— Нет,— вздохнул Ерфилич,— пока ничего хорошего не вышло... Бедные, слушая меня, только вздыхали, а богатые надо мной смеялись. А их слуги гнали и били меня.

— Вот-вот, богачей правдой не проймёшь!

— Ну и одними топорами тоже!— вскочил из-за стола Амос.— Неужели так и терпеть неволю?

— Зачем же терпеть неволю?

— Так ведь вы же говорили...

— Да, я говорил, что одним крестьянам этого не сделать, как не удалось ни Разину, ни Пугачёву. Крестьянам надо искать опору у рабочих. Рабочие и пушки льют, и делают ружья. Ведут поезда и корабли. Управляют машинами...

— Да, да, сами богатеи и пальчиками не шевелят, всё делают рабочие руки...

— Так вот, а если эти могучие руки не дадут царям ружей и пушек да остановят пароходы и поезда?..

— Тогда и всем царям и псарям карачун!— воскликнул Ерфилич.

— А ты говорил: добрыми словами да уговорами,— усмехнулся Амос.— Видал, как надо? Всеобщей силой!

— Нет, почему же, не только силой — и добрым словом. Надо терпеливо, по-хорошему разъяснять царским солдатам, крестьянским сыновьям, кто их друг, против кого им нужно оружие направлять,— сказал Владимир Ильич.

— Верно, верно,— оживился Ерфилич,— отвернуть молодцов от царских дворцов!

Тесней подвинулись мужики к самовару и, забыв про чаепитие, пробеседовали с умным человеком всю ночь.

Наутро буря на Волге утихла, и гости Василия Князева собрались домой. Волны ещё ходили, высокие, опасные для лёгкой лодки. И старик Ерфилич сказал молодым революционерам:

— Сажайте-ка вы за кормчего Владимира Ильича. Судя по всему, он опытной других, пусть он и правит.

Все согласились. И лодка уплыла вниз по Волге с новым рулевым.

Владимир Ильич направил её на самый стрежень, и река сама несла «Нимфу», давая гребцам полный отдых.

Все были довольны. А больше всех сам рулевой. Он вспоминал беседу с крестьянами и говорил товарищам, что много в народе умных и смелых людей, надо только суметь организовать их по-настоящему для дела революции.

Ярко светило солнце. Веселей становилось на душе у каждого. И от жандармов сумели уйти, и среди народа побывать. Вскоре вдали показалась Самара.

И здесь произошла неожиданная встреча. Снизу поднимался против течения буксирный пароход, дымя изо всех сил. Он тащил тяжело гружённые баржи. К последней из них была причалена лодка, в которой сидели жандармы и царский шпик, все в копоти, как трубочисты.

Глазам своим не поверили оплошавшие жандармы, завидев «Нимфу». Столько гонялись за ней ниже Самары, догнать не могли, с ног сбились, а она вот сверху бежит, легка как пёрышко!

И студенты как ни в чём не бывало на гитаре играют и песню поют. Что за диво?

Как же так — поплыли революционеры на запад, а возвращаются с востока? Для этого нужно совершить кругосветное путешествие.

Скрывая свой промах, самарская полиция сообщила в Петер-

бург, в главное жандармское управление, что за поднадзорным Ульяновым в последнее время ничего предосудительного не замечено...

Вот как ошиблись. Плохо знали географию царские слуги. Теперь каждый школьник знает про самарскую луку, где построена знаменитая Куйбышевская гидростанция имени Ленина.

Многие пионеры садятся в лодки в бывшей Самаре, а ныне Куйбышеве, и плывут по пути молодых революционеров. По Волге в Усу, вокруг Жигулёвских гор и снова в Волгу.

И ночуют у костров. И разговаривают с эхом, поднявшись на утёс Степана Разина. И поют песни, любимые Ильичём.

И называется это путешествие — Ленинская кругосветка.

### 3. Воскресенская

## КОЛЬЦА ДРУЖБЫ

Наступил май. Чёрные пашни вокруг села Шушенского покрылись нежной зеленью. Редкий, наполовину вырубленный лесок прихорошился. Дороги высохли.

Оскар сидел на завалинке и угрюмо наблюдал, как быстро мелькают спицы в руках старой хозяйки.

— Что недужится, сынок? — спросила женщина.

Оскар ничего не ответил. Да и что было отвечать? Он сам не знает, что с ним. Недавно Владимир Ильич целый час расспрашивал его: где болит, как болит? Оскар толком объяснить не мог. Пропали силы — и всё, и это в двадцать два года! С руками беда, мешают. Ляжет спать — рука под боком как камень, идёт — руки по сторонам болтаются, сядет — не знает, куда их деть.

— Большая помеха для человека руки, — жаловался Оскар.

А Владимир Ильич смеётся:

— Вылечим вас, Оскар Александрович, непременно вылечим.

Удивительный он человек, Владимир Ильич. Всегда весел, и сылка ему нипочём. Работает много, пишет, а успевает и на охоту сходить и какие-то мудрёные шахматные задачи решает. Вечерами Оскара просвещает: читают вместе политические книги.

Мимо пробежал соседский парнишка Лёнька с холщовой школьной сумкой через плечо. Взметнул босыми ногами облако пыли. Был Оскар чуть побольше Лёньки, когда отец — финский рабочий — повёл его отдавать в люди. Остановились на Невском у витрины. За зеркальным стеклом на лиловом бархате были рассыпаны несметные сокровища: тонкие золотые цепочки с подвесками, тяжёлые браслеты, кольца и брошки с крохотными бу-

кетами из драгоценных камней. Были похожи эти камни то на капли мёда, то на утреннюю росу...— «Я определил тебя к золотых дел мастеру». Мальчик даже зажмурился от радости. Он представил себе, как будет сидеть на бархатном стуле, в бархатном колпаке и каким-то необыкновенным шильцем мастерить эти сказочные вещи.

Первое, с чем познакомился Оскар, был ригель—длинный стальной палец, на котором правят кольца. Сколько шишек на голове Оскара насажал этим ригелем мастер Тайфер—не считать. Тайфер никогда не называл его по имени, окликал презрительно: «Эй ты, чухна!»

Четыре года присматривал Оскар за хозяйскими детьми, бегал за ситным, за водкой, урывками обучался ювелирному ремеслу, а в шестнадцать лет распрощался с хозяином и нанялся на Путиловский завод.

Был ювелиром, стал токарем. Был просто учеником, которого всякий обидеть мог, стал смелым революционером. Хлипкий парнишка выровнялся в ладного питерского мастера. О крепости его кулаков мог рассказать провокатор, которого разоблачили на заводе. Из-за этого провокатора и угодил Оскар в ссылку на три года.

...Оскар поднялся с завалинки и пошёл в избу, к себе в комнату. Лежал, закинув руки за голову: не то дремал, не то о чём-то думал.

Очнувшись от тележного скрипа и ребячьего гомона. Подошёл к окну. Напротив, у дома Зыряновых, остановилась телега. На ней сидели две женщины в городских платьях, в шляпках. Орава ребятишек облепила телегу, и Лёнька был среди них.

— Да ведь это невеста Владимира Ильича приехала! — ахнул Оскар, выбежал из избы и в три прыжка перемахнул через улицу.

— Вы — Надежда Константиновна? Здравствуйте! — приветствовал Оскар девушку с тонкой талией, в серенькой блузке.

Девушка посмотрела на него смелыми светло-серыми глазами, и её пухлые губы дрогнули в весёлой усмешке.

— А вы, наверное, и есть болящий Оскар Александрович? Что-то не похоже! Здравствуйте! — Она протянула ему руку.— Познакомьтесь с моей мамой Елизаветой Васильевной. А почему Владимир Ильич нас не встречает? Он не болен?

— Они на охоту ушли,— разгребая пыль ногой, доложил Лёнька.

Мальчишки хором подтвердили.

— Владимир Ильич очень вас ждал, волновался, а вот сегодня, как нарочно, уехал на охоту,— попытался Оскар смягчить огорчительную весть.

— Что же нам делать? — улыбнулась Надежда Константиновна.— Неужели уезжать обратно?

— Никак нельзя,— решительно возразил Лёнька,— они к вечеру вернутся.

Оскар с мальчишками помог женщинам перетащить вещи в дом и ушёл к себе.

А вечером Лёнька постучал в окно и сказал, что его зовёт Владимир Ильич. Оскар стал приводить себя в парадный вид.

В доме Зыряновых было шумно, весело. Сияющий Владимир Ильич помогал Надежде Константиновне расставлять чашки и упрашивал её поскорее выдать подарки, а главное — не таить книги.

— Ну уж нет,— отрицательно качала головой Надежда Константиновна. Она пыталась выглядеть сердитой, но глаза у неё смеялись.— За такую встречу подарки отменяются. Подарки получают только Лёня и Оскар Александрович, они нас хорошо встретили.— И Надежда Константиновна протянула Лёньке новую блестящую книжку с яркими картинками.— А вот лекарство от вашей болезни,— показала она Оскару на плетёную корзину.

— Да, да, да! Сильнодействующие пилюли,— подтвердил Владимир Ильич.

Оскар нерешительно подошёл к корзине, присел на корточки и стал её распаковывать. Развязал верёвки, поднял крышку. Видит — корзина наполнена какими-то свёртками в синей промасленной бумаге. Развернул один — и глазам не поверил: шперак — маленькая наковальня для ювелирных работ. Развернул другой, третий, четвёртый — полный набор ювелирных инструментов, и на самом дне — ригель.

— А, ненавистный вам ригель! — воскликнул Владимир Ильич.— Дайте-ка взглянуть.

— Ненавистный, когда он в злой руке,— возразил Оскар и встал в величайшем смущении.

Две худенькие женщины четыре с половиной тысячи вёрст везли такую тяжёлую корзину. Одних пересадок сколько, а ведь где помогут, а где и самим тащить приходилось.

— Это вы виноваты,— сказал с укоризной Оскар Владимиру Ильичу,— я ведь не просил, нет, не просил, только мечту имел.

На токарном станке в деревне делать нечего было, а вот ювелирной работы у здешних богатеев было много. Оскар как-то сказал об этом Владимиру Ильичу. Сказал — и забыл. А он помнил.

— Владимир Ильич такое письмо о вашей болезни написал, что мы готовы были тащить сюда токарный станок,— сказала, смеясь, Елизавета Васильевна, но Владимир Ильич сделал ей «страшные глаза» и приложил к губам палец.

Утром Оскар прибрал комнату, как к большому празднику: вымыл пол, выскоблил стол, постелил на нём кусок чистой холстины и разложил свои сокровища.



Он уже знал, с чего начать.

Вынул из кармана пятак, посмотрел на него: двухглавый орёл. Сразу вспомнил — полицейская кокарда, герб Российской империи. В правой лапе орёл сжимал скипетр, напоминавший Оскару ригель в руке мастера Тайфера.

Положил пятак на наковальню и со злостью хватил по нему молотком. Монета расплющилась. Оскар сбил монету в бесформенный комок красной меди и зажгёт паяльную лампу. Скоро металл в лунке из угля расплавился и задрожал, как ртуть. Оскар вылил его в форму, сунул в ведро с водой и забыл обо всём на свете... Он пилил, шлифовал, правил на ригеле маленькое медное колечко, заблестевшее красным золотом. В полдень хозяйка пришла звать Оскара обедать, но он только рукой махнул. Некогда! Теперь у него была работа. Он глянул на свои руки. Жилы на них чуть-чуть вздулись, но руки стали лёгкие, живые и совсем не лишние. Растопырил пальцы и сжал их, растопырил и снова сжал. Весело!

Он работал, напевая какую-то финскую песенку. К вечеру сделал и второе кольцо. Вычертил замысловатый орнамент на листочке бумаги и оклеил им спичечную коробку.

По утренней росе побежал на берег Шуши. В то майское утро там цвели ландыши, одуванчики, курослеп. Оскар набрал цветов и связал их ниткой. Вынул колечко из коробки, солнце так и село на нём бриллиантовой каплей. Никогда он не видел кольца чудесней.

Оскар медленно пошёл к дому Зыряновых. Потом не вытерпел, сорвал с головы картуз и побежал. Ему хотелось поскорее отнести свой подарок Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне.

Сибирский ветер разносил по степи слова придуманной Оскаром песни о чистых озёрах, о душистых лесах и о самом большом счастье для человека — иметь хороших друзей.

Эти кольца хранятся в Центральном музее Владимира Ильича Ленина. От времени кольца потемнели, но они по-прежнему прекрасны. Потому что сделаны по велению сердца, руками, стосковавшимися по работе. Это дар человеческой любви. Это кольца дружбы.

### 3. Воскресенская

#### ВИЗИТНОЕ ПЛАТЬЕ

Дождь лил, не переставая, третий день. Цветы на клумбах полегли, в лужах плавали завязи яблок, сбитые ветром. Приумолкли птицы. Река вздулась от дождей.

Ненастье и тревога наполнили маленький бревенчатый домик.

А ещё недавно стояли жаркие июньские дни, и в доме было празднично. Вся семья ждала приезда дорогого гостя — Владимира Ильича. Мария Александровна сняла этот золотистый домик на берегу Пахры. Три окна смотрят на дорогу. Позади дома небольшой сад. В углу сада беседка, и перед ней крокетная площадка. «Всё здесь напомнит Володе Симбирск, детство,— думала мать,— и Пахра чем-то походит на Свиягу».

Наконец-то все дети на свободе. Кончилась трёхлетняя ссылка Владимира Ильича, позади тревожные дни, когда Дмитрий Ильич и Мария Ильинична находились в тюрьме. Материнское сердце отдыхало. И вот пришла тревожная весть — Владимира Ильича снова арестовали. Мария Александровна не выдержала нового испытания — слегла.

Анна Ильинична, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич в столовой ждут, что скажет врач. Дмитрий Ильич перелистывает медицинский учебник.

Доктор Левицкий вышел из комнаты Марии Александровны, и все трое поднялись ему навстречу.

— Что вы находите, доктор? — обеспокоенно спросила Анна Ильинична.

— Какое лечение?

— Ничего страшного. А лечение — свежий воздух, волнения только радостные.

— Но у мамочки больное сердце, ей столько пришлось пережить,— замечает Мария Ильинична.

— И шестьдесят пять лет дают о себе знать,— добавляет Дмитрий Ильич.

Доктор пощипал бородку, внимательно посмотрел на книгу, которую Дмитрий Ильич держал в руках.

— Дорогой коллега,— сказал он.— Сердце матери ещё ни в одном медицинском учебнике не описано, тайны его могущества не раскрыты. А хорошая доза радости — для него самое лучшее лекарство. Да-с. Я разрешил вашей матушке вставать, завтра наведаюсь. А пока честь имею кланяться...

Сёстры направились в комнату матери, а она сама вышла им навстречу, чуть побледневшая, но снова бодрая.

— Мамочка! Как ты себя чувствуешь?

— Значительно лучше,— ответила Мария Александровна,— настолько лучше, что я решила ехать в Петербург.

— Это невозможно! Ты больна! — воскликнули сёстры.

— Я не могу бездельничать сидеть и ждать. Может быть, мне удастся облегчить участь Володи. Подаю прошение в жандармское управление... Митенька, сходи, пожалуйста, на станцию, купи мне билет. Да оденься получше. Такой унылый дождь. А тебя, Анюта, я прошу привести в порядок моё визитное платье, а я с Маняшей соберу саквояж.

Дмитрий Ильич отправился на станцию. Анна Ильинична вы-

нула из гардероба чёрное платье и стала прилаживать к нему свежий воротничок.

«Славный мамочкин боевой мундир»,— подумала она с нежностью.

Не для праздничных визитов было сшито это платье, а для посещений приёмных жандармских управлений, генерал-губернаторов. Каждый раз, когда с кем-нибудь из детей случалась беда, мать вступала в тяжёлую, упорную и терпеливую борьбу.

Только платье знает, как тревожно билось сердце, а затем и вовсе замирало, слыша жёсткое, холодное: «В вашей просьбе отказано». Но она никогда не складывала рук, не приходила в отчаяние, а, сжав тонкими пальцами перо, вновь и вновь писала прошения, писала так, как принято было писать: «Милостивый государь! Честь имею покорнейше просить...» Сколько таких прошений хранится в архивах жандармских управлений!

Мария Ильинична помогала укладывать саквояж и с тревогой поглядывала на маму. «Как она поедет? Может быть, попросить доктора Левицкого быть её «случайным» попутчиком? Попытаться ещё раз отговорить её от поездки?»

У дверей затрезвонил колокольчик. В сенях шум, смех... И, как весёлый летний ураган, в комнату влетели разом Дмитрий Ильич и Владимир Ильич.

— Мамочка! Володя приехал! Мамочка! — кричит Анна Ильинична.

— Володюшка! Володюшка! — спешит мать навстречу сыну. — Здоров? Свободен?

— Здоров, совершенно свободен и счастлив безмерно. — Владимир Ильич скинул мокрое пальто, обнял мать.

— Володенька, братик, скажи, что я не сплю и что всё это наяву! — теревит брата Мария Ильинична.

— Анюта, убери скорее моё визитное платье,— просит Мария Александровна.

— С превеликим удовольствием.

Анна Ильинична вешает платье в гардероб и плотно-плотно закрывает дверку.

Сёстры собирают на стол, в доме звучит смех.

Владимир Ильич бережно усадил Марию Александровну на диван и сел рядом с ней.

— До чего же хорошо дома, просто прелесть! Представляю, как здесь красиво в солнечную погоду.

— Здесь даже в ненастье уютно,— отвечает счастливая мать. — Посмотри, какой светлый дождь за окном.

— Ну, расскажи, Володик, как тебе удалось выбраться из тюрьмы, и как ты попался,— просила Анна.

Мария Александровна садится к самовару, разливает чай.

— Приехал в Питер и... подцепил «хвост»,— смеётся Влади-

мир Ильич.— Когда жандармы схватили меня, первой мыслью было: как бы освободить карманы. Но не тут-то было! Два дюжих молодца закрутили мне руки назад, а третий зорко следил, чтобы я чего-нибудь не сжевал. А в карманах у меня просто сейф: две тысячи рублей — на газету получил, большое письмо Плеханову с подробным планом организации газеты, адреса конспиративных квартир.

— Умереть можно со страха,— поёживается Мария Ильична.

— Но! — поднимает палец Владимир Ильич.— Всё это было записано молоком, лимонной кислотой и разной прочей снечью, записано между строчек на разных квитанциях. Сижу в камере и раздумываю: догадаются жандармы все эти квитанции утюгом прогладить или нет? И, представьте себе, не догадались! Через десять дней вызывают меня и строго-настрого внушают, что без разрешения в Питер и ещё в шестьдесят городов мне приезжать не велено. Вернули мне всё моё имущество, деньги и даже заграничный паспорт.

Мария Александровна, стараясь не выдать огорчения, спросила:

— Ты что, Володюшка, за границу собираешься?

— Да, мамочка, в Германию. Мы задумали большое важное дело — решили издавать газету. Будем печатать её в Германии и тайными путями переправлять в Россию.

— А как она будет называться? — спросила Анна Ильична.

— «Искра»! — воскликнул Владимир Ильич.— «Из искры возгорится пламя». Помните?

— Да, да,— говорит Мария Ильична,— это из ответа декабристов Пушкину.

Мария Александровна прислушивается к разговору детей и понимает, что задумано великое дело. По всей России будут созданы опорные пункты для газеты. Владимир Ильич уже побывал в Риге, Смоленске, Петербурге, Москве и в Пскове и везде организовал работу корреспондентов, агентов по распространению газеты.

— Вот бы съездить ещё на Волгу — в Самару, Нижний, по пути завернуть в Сызрань, проехать к Надюше в Уфу!

— Соскучился? — спрашивает участливо мать.

— Очень! — искренне вырвалось у Владимира Ильича.— Это ведь первая наша разлука. И хочется познакомиться с товарищами в Уфе... Разложить наши костры по Волге. Вот «Искра» и должна будет их зажечь.

— А если тебе попросить разрешения? — спросила мать.

— Уже просил. Наотрез отказали,— вздохнул Владимир Ильич.

Дождь перестал. Владимир Ильич распахнул окно.

— Пойдём, мамочка, посмотрим сад,— предложил Владимир Ильич.— Только надень калоши и пальто.

Опираясь на руку сына, Мария Александровна вышла в сад.

— Как красиво здесь! Прямо как в Симбирске! — восхищался Владимир Ильич.— Я вызвал сюда товарищей посоветоваться о наших делах. А пока они приедут, мы будем с тобой целые дни проводить вместе. Я даже писать не буду.

Мария Александровна молчала, она думала о чём-то другом.

— Знаешь, Володюшка, я, кажется, придумала, как тебе поехать к Надюше и по твоим кострам на Волге.

— Мамочка!

— Да, да, я должна познакомиться с невесткой,— весело продолжала Мария Александровна, и лучики-морщинки разбежались вокруг глаз.

— С Надей? — удивился Владимир Ильич.— Но ты же с ней знакома.

— Да, но жандармам это неизвестно. Женился ты в ссылке, домой жену не довёз.

— Полиция не разрешила, ей ещё полгода быть в ссылке,

— Так вот. Я должна познакомиться с невесткой. Это моё материнское право, и отказать мне в этом не могут. Я поеду в Петербург и буду хлопотать.

— Но ты можешь ехать к ней и без разрешения.

— Я не могу ехать одна. Мне шестьдесят пять лет. У меня больное сердце. А кто же должен сопровождать меня и представить матери свою жену? Сын... Ты, Володюшка! Я сегодня же поеду в Петербург,— твёрдо сказала Мария Александровна.

Владимир Ильич молча обнял мать.

По дорожке к ним шла Анна Ильинична.

— Ну, как тебе здесь нравится, Володик? Наконец-то наша мамочка дождалась тебя.

Владимир Ильич только развёл руками. Вид у него был счастливый и чем-то смущённый.

— Анечка, я еду сегодня в Петербург. Вынь, пожалуйста, моё визитное платье, и пусть Митя сходит на станцию,— ласково сказала Мария Александровна.

Л. О ш а н и н

## НАД РОДНЫМ СИМБИРСКОМ

Над родным Симбирском, над  
широкой Волгой,  
В час, когда прохлада настаёт,

За туманом синим медленно и  
долго

Загудит далёкий пароход.  
Вслушиваясь в шорох на лесных  
полянах,

В плеск волны, в знакомые гудки,  
Медленно проходит юноша Ульянов  
По крутому берегу реки.

Волга, ты не знаешь тяжести  
утраты,

Ты всё так же широка, светла,  
Только чёрной тенью виселица  
брата

Поперёк волны твоей легла.

Так внезапно разом оборвалось  
детство.

Сердце, повзрослевшее в груди.  
Ненависть святую Ленин взял в  
наследство.

Ясен путь к победе впереди.

Тихой майской ночью, медленной  
и долгой,

Юноша глядит, как даль светла,  
За родным Симбирском, за  
широкой Волгой

Вся Россия перед ним легла.

П. Ж е л е з н о в

## НЕПОБЕДИМОЙ ПАРТИИ ВОЖАТЫЙ

То было  
в девятьсот седьмом году,  
за десять лет до нашей эры.  
Декабрьским утром мутно-серым  
Ильич с проводниками  
шёл по льду.

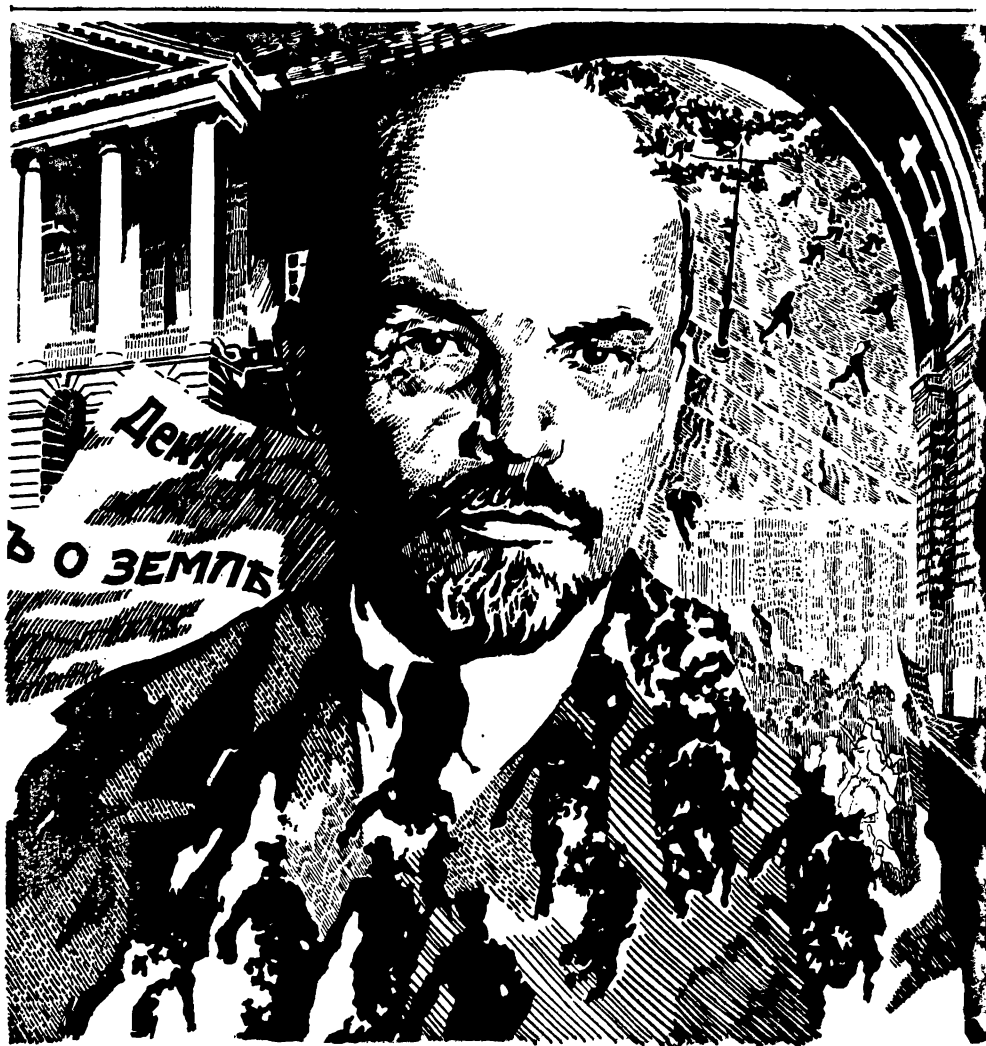
В такую пору всякий проводник  
глядит на лёд залива с опасеньем.  
А он,

подняв от ветра воротник,  
шёл напрямик,  
в своём пальто осеннем



по неокрепшей кромке льда,  
туда,  
где пароход стоял,  
в тумане скрытый,  
где рокотала глухо и сердито  
балтийская студёная вода...  
Вглядишься —  
увидишь, сквозь туман бывшего,  
неровный лёд... разводья... полыньи...  
И он идёт,  
отвагой полонив  
проводников, балтийцев — рыболовов.  
На полдороге  
под напором вод  
с тяжёлым треском льдина раскололась.  
Он, чудом уцелев,  
сказал: «Вперёд!»  
И был обычным чуть картавый голос.  
Он шёл вперёд,  
со смертью за спиной.  
непобедимой партии вожатый.  
(Так в двадцать первом  
шли на штурм Кронштадта  
весной,  
такой же трассой ледяной.)  
На пристанях жандармы в эти дни  
дежурили и руки потирали.  
Узнали позже  
в ярости они,  
что только даром время потеряли,  
что подлежащий царскому суду  
ушёл по льду  
декабрьским утром серым...  
То было  
в девятьсот седьмом году,  
за десять лет до нашей эры.

КОРМЧИЯ  
КОРАБЛЯ  
РЕВОЛЮЦИИ



А. Сурков

\* \* \*

Покончив с тревогами жизни подпольной,  
С восставшими радость победы деля,  
Он прибыл, как было условлено, в Смольный,  
Чтоб, именем партии, встать у руля.  
Вот он по ступенькам взбежал торопливо.  
Вот он, сквозь толпу продираясь, идёт,  
Его узнают, улыбаясь счастливо,  
Жмут руку ему, пропускают вперёд.  
В гремящем овацией актовом зале  
Так тесно, что яблоку негде упасть.  
... Тут всем, кто стоял в коридоре, сказали:  
— Ильич объявляет Советскую власть!

П. Капица

## НАЧАЛОСЬ

Двадцать четвёртого октября, в день восстания, Владимир Ильич с утра стал волноваться. Он знал, какие силы собраны, куда будут направлены, и всё же не мог спокойно ждать: «Решительно ли там действуют товарищи?» Хотелось ежеминутно знать, как развиваются события.

Утром он несколько раз посылал Маргариту Васильевну в Выборгский райком партии и просил приглядываться ко всему происходившему на улице, чтобы по внешним признакам определить состояние дел.

Но что ему могла рассказать Фёфанова? Вторник — день будничный. По-обычному работали учреждения и предприятия, открыты были магазины, парикмахерские, кинематографы. Разве только трамваи ходили хуже, да больше сновало на улицах военных.

Днём стало известно, что разведён Николаевский мост. Маргарита Васильевна, служившая на Васильевском острове, сделала большой крюк, чтобы пройти на Выборгскую сторону по Гренадерскому мосту. Все остальные проходы были закрыты. Через Неву пешеходов перевозили на яликах лодочники.

Владимир Ильич, заложив руки за спину, возбуждённо расхаживал по коридору без парика.

— Ну, как в городе? Что творится? — встретил он хозяйку.

Но Маргарита Васильевна не могла дать вразумительных ответов. Она видела только вооружённых людей и ни от кого, конечно, не могла узнать, с какой целью и по чьему приказу разведены мосты на Неве.

— Не раздевайтесь, пожалуйста, — попросил Ильич. — Отнесите в райком записку.

Это было письмо, предназначенное Центральному Комитету. Придя в Выборгский райком, Фёфанова отдала его товарищам. Те, видимо, связались со Смольным, потому что вскоре сообщили: Центральный Комитет не разрешает Ильичу покидать квартиру.

— Не разрешают?.. — удивился Ильич. — Дорожат моей жизнью? Нет, я так не оставляю. Их надо переубедить.

Владимир Ильич торопливо написал очень короткую, но, видимо, резкую записку, потому что, когда Фёфанова пришла в райком и передала её секретарю, то из комнаты, где шло заседание, вышла обеспокоенная Надежда Константиновна.

— Владимир Ильич очень гневается? — спросила она.

— Очень.

— И всё же передайте ему: пока ещё нельзя выходить, пусть ждёт.

Вернувшись, Маргарита Васильевна в точности передала ответ и сразу почувствовала, что Ленин недоволен.

— Идите к ним снова! — попросил он. — Нельзя ждать, можно потерять всё.

— Хорошо, я пойду, — согласилась Фёфанова, — но только при одном условии: вы должны сесть за стол и пообедать. Я готовила, старалась, а вы даже попробовать не хотите...

Владимир Ильич вздохнул...

— Хорошо, я поем, но вы обязательно ещё раз сходите. Я сейчас напишу в ЦК.

Он ушёл, а Маргарита Васильевна поспешила на кухню разогревать обед. «Товарищи! — быстрым почерком вывел на бумаге Ильич. — Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

Закончив письмо, он вынес его на кухню и поторопил хозяйку:

— Отнесите и возвращайтесь поскорее. Если к одиннадцати часам не вернётесь, волен действовать сообразно своему разумению.

Фёфанова ушла и долго не возвращалась. Вместо неё в дверь постучал Эйно Рэхья. Владимир Ильич обрадовался гостю. Он пригласил его поужинать и начал расспрашивать о том, что делается в центре города.

Но что мог рассказать Рáхья? Он ведь не был членом Военно-революционного комитета. Обо всём знают лишь в штабе революции — в Смольном.

У Рáхьи было два пропуска в Смольный. Но как сейчас туда доберёшься? Трамваи не ходят, а пешком далеко — вёрст десять будет.

— Ничего, как-нибудь доедем,— успокоил его Владимир Ильич.

Он написал записку Фóфановой и стал одеваться. Без маскировки выходить Ильичу было опасно. Пришлось надеть парик и очки, повязать щёку платком, как это делают, когда болят зубы, и на голову надеть старую, завалывшуюся кепку.

— Ну довольно маскироваться — в путь! — наконец сказал Владимир Ильич.— Тушите свет.

Рáхья загасил лампу. Они вышли на лестницу и спустились вниз.

Улицы были безлюдны. В парк спешил последний трамвай. Владимир Ильич нагнал его и вскочил на подножку. Рáхья едва успел прицепиться рядом.

В вагоне пассажиров не было. Владимир Ильич сел напротив кондукторши и начал расспрашивать её, куда идёт трамвай. А та с тревогой поглядывала в темноту за окнами.

— Молчите, шепнул Рáхья.— Если она когда-либо слышала ваш голос, узнает.

Но Владимир Ильич не унимался.

— В парк едете?— допытывался он у кондукторши.

Той, видимо, надоели расспросы пассажиров, и она сердито буркнула:

— В парк.

— А почему?

— А ты кто такой, что тебе всё надо знать?

— Рабочий.

Кондукторша с недоверием оглядела пассажира и сказала:

— Тоже мне рабочий! «Куда», «почему!»— передразнила она.— Или не чувствуешь, что делается? Буржуев бить будем, вот куда едем!

Её ответ Владимиру Ильичу очень понравился.

\* \*  
\*

Длинная и прямая улица точно вымерла. Ворота домов были наглухо закрыты. Впереди — ни дворников, ни пешеходов. Казалось, никакой опасности до самого Смольного больше не будет. Но вдруг из-за угла показались двое верховых. Они проскакали мимо и о чём-то начали переговариваться. Это были юнкера артиллерийского училища.

— Идите быстрее вперёд,— шепнул Рáхья Владимиру Ильичу.— А я их задержу.

Юнкера действительно повернули назад и, догнав Рáхью, остановили его:

— Пропуск!

— Какой такой пропуск?— словно не понимая, пьяным голосом допытывался Рáхья.

А Владимир Ильич тем временем уходил всё дальше и дальше.

— Пропуск, или...

Юнкер замахнулся нагайкой.

— А ну, дай, дай! Если ты такой ловкий!— покачиваясь, пьяно выкрикнул Рáхья и, засунув одну руку в карман, где был револьвер, вызывающе шагнул к коню.

Конь пугливо шарахнулся в сторону.

— Брось этого пьяницу!— трусливо сказал второй верховой.

— Ну его к шутам... поехали!

Юнкер хлестнул нагайкой по воздуху и, круто повернув лошадь, поскакал за товарищем к Литейному проспекту.

Шпалерная кончилась. Вот показалось длинное здание Смольного. Все окна бывшего Института благородных девиц ярко сияли. Под деревьями виднелись броневики, горели костры. Значит, штаб действует.

У центрального входа толпились приехавшие из дальних губерний делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Оказалось, что меньшевики, заседавшие в мандатной комиссии, в последний час изменили цвет пропусков; вместо белых они выдали своим сторонникам красные и строго приказали часовым пропускать делегатов только с новыми мандатами.

Собравшиеся шумели, ругались.

Какой-то рабочий, потрясая своим белым пропуском, спрашивал:

— То есть как не пропустите?.. Делегата задержите?

И он напирал грудью на растерявшихся часовых. Стоявшие рядом поддерживали его:

— Что за безобразие! Напутают, а потом не пропускают. А ну, посторонитесь!..

И толпа хлынула в вестибюль, увлекая за собой и Владимира Ильича.

Поднимаясь по лестнице, он смеялся:

— Где наша не берёт!

Владимир Ильич поднялся на третий этаж, прошёл в комнаты военно-революционного комитета.

Товарищи сразу же доложили ему, как действуют революционные отряды по разработанному им плану.

В эту ночь Красной гвардией были захвачены важнейшие



пункты в городе, вокзалы, банки, мосты, телефонная и телеграфная станция.

В Смольный то и дело прибывали связные с радостными вестями о вновь занятых мостах, налаженных переправах, об удачном продвижении к последнему убежищу Временного правительства — Зимнему дворцу.

К рассвету весь город был в руках восставших. Временное правительство владело лишь площадью Зимнего дворца и частью прилегающих улиц.

Владимир Ильич, почти не отдыхая, к утру написал обращение ко всем гражданам России.

В нём говорилось, что восстание в Петрограде победило, и государственная власть перешла в руки Военно-Революционного комитета.

Впервые в истории восставшие воспользовались радио и передали своё обращение по эфиру всем народам.

В то же утро Владимир Ильич пришёл на экстренное заседание Петроградского Совета.

Матросы, рабочие и солдаты, увидев похудевшего, с ещё не отросшей бородкой, родного Ильича, восторженно встретили его бурными аплодисментами и криками «ура».

Вождь пролетариата, взойдя на трибуну, дождался тишины и ясным, громким голосом сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой всё время говорили большевики, совершилась!

На другой день Владимир Ильич Ленин был избран на Всероссийском съезде Председателем Совета Народных Комиссаров.

А. Кононов

## ВСТРЕЧА

Ленина в Петрограде ждали давно. Но никто не знал точно, когда он приедет.

Наступила пасха. На второй день пасхи молодая работница швейной фабрики Катя Трофимова вышла из дому поздно, уже к вечеру. И медленно пошла по улице.

На мостовой синели весенние лужи. По лужам носились мальчишки и гоняли шестами голубей.

Катя не спеша дошла до ближайшего проулка. И тут вдруг почувствовала — кто-то схватил её сзади за рукав:

— Катюша!

Катя обернулась и увидела Наталью Егоровну, которая работала вместе с ней на фабрике.

— Скорей бежим в комитет!— сказала Наталья Егоровна.— К нам Ленин едет!

Районный комитет большевиков помещался в ту пору в небольшом деревянном домике; занимал он всего две комнаты.

В первой комнате сидел за столом человек в барашковой шапке.

Наталья Егоровна закричала ему второпях:

— Ну, оповестил?

Человек в барашковой шапке ответил сердито:

— Да как же — оповестишь тут! Сама знаешь: пасха. Заводы и фабрики на замке, почта и та не работает. Вот и придумай, как оповестить народ...

Наталья Егоровна села у стола и задумалась. Потом спросила Трофимову:

— Катя, ты умеешь красиво писать?

Не дожидаясь ответа, она пошла в другую комнату и сейчас же вернулась оттуда с полоской красного ситца.

— Вот тут пиши,— сказала она Кате.— Пиши!.. Она подумала с минуту.— «К нам едет Ленин. Идём встречать!» Всё.

На подоконнике стояла жестянка с белой краской, лежал мел.

Катя принялась вычерчивать буквы мелом, стараясь, чтобы они вышли как можно ровнее. Егоровна в это время разводила маслом краску, искала кисть.

Потом вспомнила:

— А на чём понесём? Надо ведь шесты достать.

И быстро пошла на улицу.

По мостовой всё ещё бегали мальчишки, свистели, гоняли шестами голубей. А голуби летали неохотно: вечерело, и они норовили вернуться в свои голубятни. Лужи уже покрылись тонким ледком и звенели под ногами у ребят. Наталья Егоровна подошла к мальчишкам и попросила:

— Ребята, дайте мне один шест.

Те даже отбежали на всякий случай подальше.

Шесты у них были замечательные: ровные, длинные и до того гладкие, что казались покрытыми жёлтым лаком. Ясно, что с такими шестами расставаться никому не хотелось.

— Ребята,— повторила Егоровна,— мне для дела надо... Ну как мне вас уговорить?

Она даже руками взмахнула: разве упросишь этих ребят! Шесты им сейчас, может, дороже всего на свете. И продать не продадут!

Егоровна всё-таки сказала негромко:

— Видите, какое дело... Товарищ Ленин к нам едет...

Катя Трофимова уже кончила свою работу, обвела буквы белой краской. И надпись получилась ясная, видная, только некоторые буквы вышли немножко кривыми.

Катя спохватилась: куда же пропала Егоровна?

И выглянула на улицу. Там у самого забора Наталья Егоровна сидела с мальчишками и толковала им о чём-то.

— Тётя Наташа,— крикнула ей Катя,— ну что ж ты?

— Я им про Ленина рассказываю,— ответила Егоровна.

— Надо ведь рейки искать.

— Надо— вздохнула Егоровна.— Ну, идём.— И она пошла прочь от ребят.

Но один из мальчишек догнал её и протянул свой шест:

— Бери!

Ребята провожали шест до самого комитета. Там они молча глядели, как Егоровна измеряла шест ладонью. Она размерила его на две равные части и сделала посередине надрез перочинным ножиком. Потом с размаху сломала шест о колено. Кто-то из ребят ахнул: какая вещь пропадает на глазах у всех! А другой толкнул его и сказал:

— Не видишь, для дела надо!

Получились из шеста две рейки. Катя с Егоровной прибили к ним концы красного ситца. Теперь плакат был готов.

Они вынесли его на улицу.

Катя ожидала, что все прохожие будут удивляться на плакат. Но никто не удивлялся. Со всех сторон подходили люди, читали: «К нам едет Ленин...»— и спрашивали:

— Когда ждут поезд?

И многие, толпясь, шли следом.

Один старик закричал Егоровне строго:

— Что ж не написано, с какого вокзала?

Та ответила:

— А ты сам соображай. С Финляндского.

Старик хлопнул себя по бокам рукавицами:

— Сыны у меня тут... Успею я за сынами сбегать?

Егоровна спокойно сказала:

— Успеешь.

Катя с Егоровной прошлись с плакатами по всему району.

А потом пошли к центру города. Народу становилось всё больше. И, когда уже подходили к Невскому, Катя оглянулась: следом двигалась большая толпа; конца её не было видно.

Катя заметила старика, который бегал за сынами. По бокам его шагали два огромных парня— должно быть, это и были сыновья старика. А рядом шёл мальчишка, что отдал свой шест. Дальше она увидела знакомых работниц со швейной фабрики, солдат, рабочих, студентов...

Кто-то в толпе сказал:

— Ну что ж, споём нашу боевую?— первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Под песню все пошли ровнее, в ногу, и незаметно выстроились по четыре в ряд. Это была уже не толпа, это была колонна людей, шедших встречать Ленина.

А когда подошли к Неве, увидели: и из других районов идут такие же колонны. Идут со своими знамёнами воинские части. Прошёл отряд кронштадтских матросов. А за ним прогремели по мостовой броневики.

У моста через Неву пришлось ждать: сперва пропустили путиловских рабочих, потом воинскую часть, за ней матросов.

А когда подошли поближе к Финляндскому вокзалу, между колоннами уже не было промежутков. Все улицы и вокзальная площадь были полны народу. Теперь было ясно: если б правительство и захотело арестовать Ленина, оно не смогло бы сделать этого. Народ не дал бы.

Начинало темнеть. И тут рабочие стали зажигать факелы, которые они припасли заранее. Пламя факелов было косматое, красное. От вокзала к факелам протянулись голубые лучи прожекторов. И от этих красных и голубых огней всё кругом стало необыкновенным, праздничным.

Наталья Егоровна и Катя стояли со своим плакатом в самом конце вокзальной площади и боялись, что так и не увидят Ленина.

Всё тесней становилось у вокзала: из разных районов города приходили новые колонны рабочих и солдат.

Потом послышался мощный рокот.

Народ колыхнулся, расступился в стороны, и к вокзалу тяжко прогремели броневики с красными флажками на башнях.

Народ дружно подался вперёд за броневиками. Наталья Егоровна с Катей изо всех сил тянулись кверху: хотелось хоть что-нибудь увидеть. Но впереди, кроме чёрных спин и шапок, ничего не было видно.

И только далеко, у самого вокзала, возвышался теперь зелёный броневик. Он был ярко освещён прожектором.

Прошло ещё немного времени...

Наталья Егоровна всё прислушивалась, не идёт ли поезд. Но не слышно было ни свистка паровоза, ни грохота вагонных колёс.

И вдруг негромкий гул прошёл по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин.

Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперёд. Казалось, он вглядывается в надписи знамён и плакатов: их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко.

Луч прожектора упал на дальнюю полосу ситца, и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

**К НАМ ЕДЕТ ЛЕНИН, ИДЁМ ВСТРЕЧАТЬ!**

Надпись держали на шестах две швеи в красных платочках.

И Ленин увидел их, он увидел народ, пришедший встречать его.

И, волнуясь, высоко поднял над головой фуражку.

Потом быстро сунул фуражку в карман, протянул вперёд руку и начал свою речь, никем в тот вечер не записанную... И никем не забытую.

Все услышали слова, которые навсегда останутся в памяти народа нашего, в памяти человечества:

«Да здравствует социалистическая революция!»

В. Маяковский

### ЛЕНИН В СМОЛЬНОМ

(Отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин»)

От гуда  
                    дрожит  
                                взбудораженный Смольный,  
В патронных лентах  
                                внизу пулемётчики,  
Кто мчит с приказом,  
                                кто в куче спорящих,  
кто щёлкал затвором  
                                на левом колене.  
Сюда  
                    с того конца коридорища  
бочкóм  
                    пошёл  
                                незаметный Ленин.  
Уже  
                    Ильичём поведённые в битвы,  
ещё  
                    не зная  
                                его по портретам,  
толкались,  
                    орали,  
                                острее бритвы  
солдаты друг друга  
                                крыли при этом.  
И в этой желанной  
                                железной буре  
Ильич,  
                    как будто  
                                даже заспанный,  
шагал,  
                    становился  
                                и, глаз сощурия,  
вонзал,  
                    заложивши  
                                руки за спину.

В какого-то парня  
в обмотках,  
лохматого,  
установил  
без промаха бьющий глаз,  
как будто  
сердце  
с-под слов выматывал,  
как будто  
душу  
тащил из-под фраз.  
И знал я,  
что всё  
раскрыто и понято  
и этим  
глазом  
наверное выловится —  
и крик крестьянский,  
и вопли фронта,  
и воля нобельца,  
и воля путиловца.  
Он  
в черепахе  
сотней губерний ворочал,  
людей  
носил  
до миллиардов полутора.  
Он  
взвешивал  
мир  
в течение ночи,  
а утром:  
— Всем!  
Всем!  
Всем это —  
фронтам,  
кровью пьяным,  
рабам  
всякого рода,  
в рабство  
богатым отданным.—  
Власть Советам!  
Земля крестьянам!  
Мир народам!  
Хлеб голодным!

## «ЭТО — НАШ»

(Из очерка «В. И. Ленин»)

...Но вот поспешно взошёл на кафедру Владимир Ильич, картаво произнёс «товарищи». Мне показалось, что он плохо говорит, но уже через минуту, я, как и все, был «поглощён» его речью. Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперёд и немного поднятая вверх, ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса идти своим путём, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией,— всё это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а действительно по воле истории. Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: всё есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счёту времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали:

— Густо говорит...

Так оно и было; каждый его довод развёртывался сам собою — силою, заключённой в нём.

Меньшевики, не стесняясь, показывали, что речь Ленина неприятна им, а сам он — более чем неприятен. Чем убедительнее он доказывал необходимость для партии подняться на высоту революционной теории для того, чтобы всесторонне проверить практику, тем озлобленнее прерывали его речь.

— Съезд — не место для философии!

— Не учите нас, мы — не гимназисты!

Особенно старался кто-то рослый, бородатый, с лицом лавочника, он вскакивал со скамьи и, заикаясь, кричал:

— 3-загово-орчки... в 3-заговорчки играет! Б-бланкисты<sup>1</sup>.

...Злой, горячий ветерок раздражения, иронии, ненависти гулял по залу, сотни глаз разнообразно освещали фигуру Влади-

---

<sup>1</sup> Б л а н к и с т ы — сторонники французского социалиста О. Бланки. Бланкисты ожидали избавления человечества от наёмного рабства не путём классовой борьбы пролетариата, а путём заговора небольшого интеллигентного меньшинства.

мира Ильича. Незаметно было, что враждебные выпады волнуют его, говорил он горячо, но веско, спокойно; через несколько дней я узнал, чего стоило ему это внешнее спокойствие. Было очень странно и обидно видеть, что вражду к нему возбуждает такая естественная мысль, только с высоты теории партия может ясно увидеть причины разногласий среди её. У меня образовалось такое впечатление: каждый день съезда придаёт Владимиру Ильичу всё новые и новые силы, делает его бодрее, уверенней, с каждым днём речи его звучат всё более твёрдо и вся большевистская часть членов съезда настраивается решительнее, строже.

...Свободные минуты, часы он проводил среди рабочих, выспрашивал их о самых мизерных мелочах быта.

— Ну, а женщины как? Заедает хозяйство? Всё-таки учатся, читают?

В Гайд-парке несколько человек рабочих, впервые видевших Ленина, заговорили о его поведении на съезде. Кто-то из них характерно сказал:

— Не знаю, может быть, здесь, в Европе, у рабочих есть и другой, такой же умный человек — Бебель или ещё кто. А вот, чтобы был другой человек, которого я бы сразу полюбил, как этого, — не верится!

Другой рабочий добавил улыбаясь:

— Это — наш!

Ему возразили:

— И Плеханов — наш.

Я услышал меткий ответ:

— Плеханов — наш учитель, наш барин, а Ленин — вождь и товарищ наш.

Какой-то молодой парень юмористически заметил:

— Сюртучок Плеханова-то стесняет.

Был такой случай: по дороге в ресторан Владимира Ильича остановил меньшевик-рабочий, спрашивая о чём-то. Ильич замедлил шаг, а его компания пошла дальше. Придя в ресторан минут через пять, он, хмурясь, рассказал:

— Странно, что такой наивный парень попал на партийный съезд! Спрашивает меня: в чём же все-таки истинная причина разногласий? Да вот, говорю, ваши товарищи желают заседать в парламенте, а мы убеждены, что рабочий класс должен готовиться к бою. Кажется — понял...

Обедали небольшой компанией всегда в одном и том же маленьком, дешёвом ресторане. Я заметил, что Владимир Ильич ест очень мало: яичницу из двух-трёх яиц, небольшой кусок ветчины, выпивает кружку густого, тёмного пива. По всему видно было, что к себе он относится небрежно, и поражала меня его удивительная заботливость о рабочих. Питанием их заведовала М. Ф. Андреева, и он спрашивал её:

— Как вы думаете, не голодают товарищи? Нет? Гм, гм...



А может, увеличить бутерброды?

Пришёл в гостиницу, где я остановился, и вижу: озабоченно щупает постель.

— Что это вы делаете?

— Смотрю — не сырые ли простыни.

Я не сразу понял: зачем ему нужно знать, какие в Лондоне простыни? Тогда он, заметив моё недоумение, объяснил:

— Вы должны следить за своим здоровьем.

Осенью 18 года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павловича, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

— Простота. Прост, как правда.

Сказал он это как хорошо продуманное, давно решённое.

Известно, что строже всех судят человека его служащие. Но шофёр Ленина, Гиль, много испытывавший человек, говорил:

— Ленин — особенный. Таких — нет. Я везу его по Мясницкой, большое движение, едва еду, боюсь — изломают машину, даю гудки, очень волнуясь. Он открыл дверь, добрался ко мне по подножке, рискуя, что его сшибут, уговаривает: «Пожалуйста, не волнуйтесь, Гиль, поезжайте, как все». Я — старый шофёр, я знаю — так никто не сделает.

Трудно передать, изобразить ту естественность и гибкость, с которыми все его впечатления вливались в одно русло.

Его мысль, точно стрелка компаса, всегда обращалась остриём в сторону классовых интересов трудового народа. В Лондоне выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театрик. Владимир Ильич охотно и заразительно смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на всё остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле, двое молодых перерубали в течение минуты ствол дерева объёмом около метра.

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой, — сказал Ильич. — Но ясно, что они и там работают топорами, превращая массу дерева в негодные щепки. Вот вам и культурные англичане!

Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему...

Года через два, на Капри, беседуя с А. А. Богдановым-Машиновским об утопическом романе, он сказал ему:

— Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, всё железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Махист — сторонник австрийского философа Э. Маха. (Махизм — реакционное идеалистическое течение в философии).

...Он подробно расспрашивал о жизни каприйских рыбаков, о их заработке, о влиянии попов, о школе — широта его интересов не могла не изумлять меня. Когда ему указали, что вот этот попик — сын бедного крестьянина, он сейчас же потребовал, чтобы ему собрали справки, насколько часто крестьяне отдают своих детей в семинарии и возвращаются ли дети крестьян служить попами в свои деревни?

— Вы понимаете? Если это не случайное явление — значит, это политика Ватикана. Хитрая политика!

Не мог представить себе другого человека, который, стоя так высоко над людьми, умел бы сохранить себя от соблазна честолюбия и не утратил бы живого интереса к «простым людям».

Был в нём некий магнетизм, который притягивал к нему сердца и симпатии людей труда. Он не говорил по-итальянски, но рыбаки Капри, видевшие и Шаляпина и немало других крупных русских людей, каким-то чутьём сразу выделили Ленина на особое место. Обаятелен был его смех — «задушевный» смех человека, который, прекрасно умея видеть неуклюжесть людской глупости и акробатические хитрости разума, умел наслаждаться детской наивностью «простых сердец».

Старый рыбак, Дживанни Спадаро, сказал о нём:

— Так смеяться может только честный человек.

Качаясь в лодке на глубокой и прозрачной, как небо, волне, Ленин учился удить рыбу «с пальца» — лесой без удилица. Рыбаки объясняли ему, что подсекать надо, когда палец почувствует дрожь лесы:

— Кози: дринь-дринь. Капиш?

Он тотчас подсёк рыбу, повёл её и закричал с восторгом ребёнка, с азартом охотника:

— Ага! Дринь-дринь!

Рыбаки оглушительно и тоже, как дети, радостно захохотали и прозвали рыбака: «Синьор Дринь-Дринь».

Он уехал, а они всё спрашивали:

— Как живёт синьор Дринь-Дринь? Царь не схватит его, нет?

...Азарт был свойством его натуры, но он не являлся корыстным азартом игрока, он обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в своё призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром и до конца понял свою роль в хаосе мира — роль врага хаоса. Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать «Историю костюма», часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскалённым солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков.

А вечером, слушая рассказы о России, о деревне, завистливо вздыхал:

— А мало я знаю Россию. Симбирск, Казань, Петербург, ссылка и — почти всё

Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно «заливался» смехом, иногда до слёз. Краткому, характерному восклицанию «гм-гм» он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом «гм-гм» звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни.

Коренастый, плотный, с черепом Сократа и всевидящими глазами, он нередко принимал странную и немножко комическую позу — закинет голову назад, и, наклонив её к плечу, сунет пальцы рук куда-то под мышки, за жилет. В этой позе было что-то удивительно милое и смешное, что-то победоносно петушиное, и весь он в такую минуту светился радостью, великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражды и ненависти ради осуществления дела любви...

...В тяжёлом, голодном 19 году Ленин стыдился есть продукты, которые присылали ему товарищи, солдаты и крестьяне из провинции. Когда в его неуютную квартиру приносили посылки, он морщился, конфузился и спешил раздать муку, сахар, масло больным или ослабевшим от недоедания товарищам. Приглашая меня обедать к себе, он сказал:

— Копчёной рыбой угощу — прислали из Астрахани.

И, нахмурив сократовский лоб, скосив в сторону всевидящие глаза, добавил:

— Присылают, точно барину! Как от этого отвадишь? Отказаться, не принять — обидеть. А кругом все голодают.

Неприхотливый, чуждый привычки к вину, табаку, занятый с утра до вечера сложной, тяжёлой работой, он совершенно не умел заботиться о себе, но зорко следил за жизнью товарищей. Сидит за столом у себя в кабинете, быстро пишет и говорит, не отрывая пера от бумаги:

— Здравствуйте, как здоровье? Я сейчас кончу. Тут один товарищ, в провинции, скучает, видимо — устал. Надо поддерживать. Настроение — не малая вещь!

Как-то в Москве прихожу к нему, спрашивает:

— Обедали?

— Да.

— Не сочиняете?

— Свидетели есть, — обедал в кремлёвской столовой.

— Я слышал — скверно готовят там.

— Не скверно, а — могли бы лучше.

Он тотчас же подробно допросил: почему плохо, как может быть лучше?

И начал сердито ворчать.

— Что же они там, умелого повара не смогут найти? Люди работают буквально до обморока, их нужно кормить вкусно, чтобы они ели больше. Я знаю, что продуктов мало и плохи они,— тут нужен искусный повар.— И процитировал рассуждение какого-то гигиениста о роли вкусных приправ в процессе питания и пищеварения.

Я спросил:

— Как это вы успеваете думать о таких вещах?

Он тоже спросил:

— О рациональном питании?

И тоном своих слов дал мне понять, что мой вопрос неуместен.

Старый знакомый мой П. А. Скороходов, тоже сормович, человек мягкой души, жаловался на тяжесть работы в Чека. Я сказал ему:

— И мне кажется, что это не ваше дело, не по характеру вам.

Он грустно согласился:

— Совсем не по характеру.

Но, подумав, сказал:

— Однако вспомнишь, что ведь Ильичу тоже наверное частенько приходится держать душу за крылья, и — стыдно мне слабости своей.

Я знал и знаю немало рабочих, которым приходилось и приходится, крепко сжав зубы, «держат душу за крылья» — насиловать органический «социальный идеализм» — свой ради торжества дела, которому они служат.

Приходилось ли самому Ленину «держат душу за крылья»?

Он слишком мало обращал внимания на себя для того, чтобы говорить о себе с другими, он, как никто, умел молчать о тайных бурях в своей душе. Но однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из того, чем жили мы, они не испытают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А всё-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями, жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Всё будет понято, всё!

Детей он ласкал осторожно, какими-то особенно лёгкими и бережными прикосновениями. Как-то пришёл к нему — вижу: на столе лежит том «Войны и мира».

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты, да вот вспомнил, что надо написать товарищу. А читать совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал вашу книжку о Толстом.

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матёрый человечик! Вот это, батенька, художник... И — знаете, что ещё изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Нёкого.

И, потирая руки, засмеялся, довольный.

Я нередко подмечал в нём черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней отзвук глубоко скрытой, радостной любви к рабочему народу.

На Капри он, глядя, как осторожно рыбаки распутывают сети, изорванные и спутанные акулой, заметил:

— Наши работают бойчее.

А когда я выразил сомнение по этому поводу, он, не без досады, сказал:

— Гм-гм, а не забываете вы России, живя на этой шишке?

В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.<sup>1</sup>

Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своём великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды с гордостью он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаа Добровейна, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать её каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю, вот какие чудеса могут делать люди!

И, прощаясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми. Гм-гм, — должность адски трудная!

---

<sup>1</sup> Дюрер — немецкий художник.

Сам почти уже больной, очень усталый, он писал мне 9.VIII. 1921 года:  
А. М.!

...Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у Вас кровохарканье, и вы не едете!!! Это ей-же-ей и бессовестно и не расчётливо. В Европе, в хорошем санатории будете лечиться и втрое больше дела делать. Ей-ей. А у нас — ни леченья, ни дела, одна суетня, зряшняя суетня. Уезжайте, вылечитесь. Не упрямитесь, прошу Вас!

Ваш Ленин.

Он больше года с поразительным упрямством настаивал, чтобы я уехал из России, и меня удивляло: как он, всецело поглощённый работой, помнит о том, что кто-то, где-то болен, нуждается в отдыхе?

Таких писем, каково приведённое, он написал разным людям, вероятно, десятки...

Альберт Рис Вильямс<sup>1</sup>

## НЕОБЫЧАЙНОЕ САМООБЛАДАНИЕ ЛЕНИНА

(Фрагмент из книги «Ленин — человек и его дело»)

Во всех случаях жизни он проявлял исключительное самообладание. События, в результате которых другие теряли голову, служили для Ленина лишь поводом продемонстрировать своё спокойствие и душевное равновесие.

Единственное заседание Учредительного собрания проходило бурно. На нём в смертельной схватке сцепились две фракции. Боевые выкрики делегатов, стук пюпитров, громы и молнии, которыми разражались ораторы, страстное пение «Интернационала» и революционного марша, звучавших в устах двух тысяч человек, — всё это наэлектризовало атмосферу. С приближением ночи напряжение всё нарастало. Мы сидели на балконе, вцепившись руками в барьер и стиснув зубы, наши нервы были напряжены. Ленин сидел в первом ряду первой ложи, и лицо его выражало полнейшее отсутствие интереса.

---

<sup>1</sup> Альберт Рис Вильямс — прогрессивный американский журналист, посетивший Россию в 1917 году. В 1918 году он вступил в ряды Красной Армии, участвовал в защите молодой Советской республики в составе интернационального отряда, несколько раз беседовал с В. И. Лениным. В США издал книгу о встречах с Лениным.

Наконец он встал, прошёл за трибуну и сел там на покрытые ковром ступеньки. Изредка он поднимал голову и окидывал взглядом огромное скопление народа. Затем подпер голову рукой и закрыл глаза, будто говорил себе: «Так много людей понапрасну растрчивает свои силы, пусть хоть один их побережёт». Громкие голоса ораторов и шум собрания прорывались над его головой, но он продолжал преспокойно сидеть. Раза два он приоткрывал глаза, прищурившись, осматривался вокруг и снова опускал голову.

Затем он поднялся, распрямился и неторопливой походкой направился в ложу. Воспользовавшись случаем, мы с Джоном Ридом сбежали с галёрки в зал, чтобы спросить у Ленина, что он думает о ходе заседания Учредительного собрания. Он что-то безразличным тоном ответил. А потом поинтересовался ходом работы в бюро пропаганды.<sup>1</sup> Лицо его просияло, когда мы сообщили, что материал печатается тоннами и его удаётся переправлять через линию фронта в германскую армию. Вместе с тем мы сказали ему, что встречаем большие трудности в работе с немецким языком.

— Ах, да,— воскликнул он и внезапно оживился, вспомнив о моих подвигах, когда я выступал с броневика.— Ну, как подвигается дело с изучением русского языка? В состоянии ли вы теперь понимать все эти речи?

— В русском языке так много слов,— ответил я уклончиво.

— В том-то и дело,— заметил Ленин,— им нужно заниматься систематически. С самого начала вы должны овладеть основами языка. Я расскажу вам о своём методе.

Вкратце метод Ленина сводился к следующему: сначала выучить все существительные, выучить все глаголы, выучить все причастия и прилагательные, выучить все остальные слова; выучить всю грамматику — орфографию и синтаксис, а затем непрерывно всюду и со всеми практиковаться. Как нетрудно заметить, метод Ленина был не столько оригинальным, сколько многосторонним. Словом, это был его метод борьбы с буржуазией применительно к овладению языком — браться за дело самым решительным образом. И разговор о нём увлёк Ленина.

---

<sup>1</sup> Бюро пропаганды — существовало при Федерации иностранных групп РКП(б), созданной в начале 1918 г. Оно состояло из литераторов и агитаторов иностранцев; занималось подготовкой и распространением печатных изданий, а также агитационно-пропагандистской работой среди войск империалистических держав.

**«НЕУДЕРЖИМО ВПЕРЕД!»**

(Отрывок из книги «10 дней, которые потрясли мир»)

Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже прораставшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потёртый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твёрдый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума...

Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за края трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому, не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал:

— Теперь пора приступить к строительству социалистического порядка.

...Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения. Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран».

Ленин говорил, широко открывая рот и как будто улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятный, а словно бы приобретённый многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что, казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонился вперёд. Никакой жестикюляции. Тысячи простых лиц напряжённо смотрели на него, исполненные обожания.

---

<sup>1</sup> Джон Рид (1887—1920)— американский писатель, журналист. Приехал в Россию в 1917 году в качестве военного корреспондента, примкнул к большевикам и принял участие в Октябрьской революции.



## НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Ещё вчера,  
стихийна и гулка,  
плескалась площадь в радостном порыве.  
Ещё вчера неслись с броневика  
набатные апрельские призывы.  
Но вот уже и утро над Невой —  
рассветное безмолвье Петрограда...  
И молча,

с непокрытой головой,  
идёт Ильич к решётчатой ограде.  
Его шаги стремительно легки,  
его глаза задумчиво туманны.  
И только в горле

острые комки.

И только шёпот:

— Мама моя, мама!..

На бугорке, как слабая свеча,  
зелёная колышется травинка.  
Как долго дожидалась Ильича  
с чужбины эта скорбная тропинка!  
Ведь ты-то знала,

мама,

что нигде

его сыновья боль не перебродит...

Узнала ль ты

в испытанном вожде  
застенчивого, мягкого Володю?

Прости, прости,

родная,

что не им

глаза твои усталые закрыты,  
что до сих пор над холмиком твоим —  
ни мрамора, ни бронзы, ни гранита.  
Прости, прости...

Когда-нибудь потом  
за всё тебе поклонится Россия.  
Ведь клятву «Мы пойдём иным путём»  
ты первая

услышала от сына.

Ведь не было бы, может, ничего  
и не текла б вчерашняя лавина,  
когда б ты не поверила в него  
и в трудный путь бы  
не благословила.

## КАПИТАН ЗЕМЛИ

Ещё никто  
Не управлял планетой,  
И никому  
Не пелась песнь моя.  
Лишь только он,  
С рукой своей воздетой,  
Сказал, что мир —  
Единая семья.  
Не обольщён я  
Гимнами герою,  
Не трепещу  
Кровопроводом жил.  
Я счастлив тем,  
Что сумрачной порою  
Одними чувствами  
Я с ним дышал  
И жил.

Не то что мы,  
Которым всё так  
Близко,—  
Впадают в диво  
И слоны...  
Как скромный мальчик  
Из Симбирска  
Стал рулевым  
Своей страны.

Средь рёва волн  
В своей расчистке,  
Слегка суров  
И нежно мил,  
Он много мыслил  
По-марксистски,  
Совсем по-ленински  
Творил.

Нет!  
Это не разгулье Стеньки!  
Не пугачёвский  
Бунт и трон!  
Он никого не ставил

К стенке.  
Всё делал  
Лишь людской закон.

Он в разуме,  
Отваги полный,  
Лишь только прилегал  
К рулю,  
Чтобы об мыс  
Дробились волны,  
Простор давая  
Кораблю.

Он — рулевой  
И капитан,  
Страшны ль с ним  
Шквальные откосы?  
Ведь, собранная  
С разных стран,  
Вся партия — его  
Матросы.

Не трусь,  
Кто к морю не привык:  
Они за лучшие  
Обеты  
Зажгут,  
Сойдя на материк,  
Путеводительные светы.

Тогда поэт  
Другой судьбы,  
И уж не я,  
А он меж вами  
Споёт вам песню  
В честь борьбы  
Другими,  
Новыми словами.

Он скажет:  
«Только тот пловец,  
Кто, закалив  
В бореньях душу,  
Открыл для мира наконец  
Никем не виданную  
Сушу».

ЗОДЧИЯ  
НОВОГО  
МИРА



Н. Погодин

## КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ

(Сцены из пьесы. В сокращении.)

Из действия первого. Картина четвёртая.

В избе Чудиновых. Чистая половина избы в три окна. В проходе, у сенец — русская печь. Лавки, стол, божница, и на стене, меж лубочными картинками и семейными фотографиями — портрет Ленина, дешёвая и плохая литография.

Старуха Чудинова Анна и её сноха Лиза прибирают избу. Дети Лизы — Маруся и Стёпка — восторженно перешёптываются.

Является Казанок

К а з а н о к. С праздником тебя, Анна Васильевна.

А н н а. И тебя тоже.

К а з а н о к. Пришёл упредить: сей минут Владимир Ильич будет.

А н н а. Ах ты, батюшки!.. (Обращаясь к детям.) Марш на печку!

Л и з а. Зачем вы детей прячете?

А н н а. Сама подумай: такому гостю и наших анчуток выставить? На ключи, вынай из сундука скатерть, бери мою, с бахромой...

Л и з а. Не пугайтесь вы, чего вы испугались?

А н н а. Неси скатерть, ведь стол голый!

Лиза ушла.

А вы — на печку!

С т ё п к а. Бабушка, мы знаем...

А н н а. На печку! И не выглядывать, не пересмеиваться, не кряхтеть!

С т ё п к а. Бабушка, а посмотреть на него можно, когда нас видеть не будет?

Входит Лиза.

Л и з а. Идут!

А н н а. Кто да кто?

Л и з а. Ленин и папаша!

А н н а. Одни?

Л и з а. Одни.

А н н а. Значит, наши деревенские его не признали. Ты у дверей стань. Смотри, что подать, принять. Покройся платком, неплохо!

Входят Ленин и Чудинов.

Ч у д и н о в. Это моя старуха, Анна Васильевна.

Л е н и н. Здравствуйте.

Ч у д и н о в. А то сноха — Лиза.

Л е н и н. Доброе утро.

А н н а. С чем пришли с вашей охоты?

Л е н и н. Ни с чем, представьте себе. Мы такие знаменитые охотники, что на фунт дичи нам надо фунт пороху.

Ч у д и н о в. Зачем напраслину на себя возводить? Туману наволокло — чистая беда! Никогда я такого туману и не видал... как одеялом озеро накрыло.

Л е н и н. (раздеваясь у дверей). Чья это пятка? (заметил детей на печке).

А н н а. Ну вот... сконфузили.

Л е н и н. Кто там? А ну-ка, товарищ, пожалуйста сюда! Позвольте, вас тут двое? Пожалуйста сюда двое.

С т ё п к а. Бабушка, слезать?

А н н а. Слезайте... (Ленину). Они у нас чумазые, как анчутки.

Л е н и н. Ничего. Как тебя зовут?

С т ё п к а. Стёпка.

Л е н и н. Стёпка... А почему не Степан?

С т ё п к а. И Степан и Стёпка.

Л е н и н. (Марусе.) А тебя?

С т ё п к а. А её Маруська.

Л е н и н. Почему ты за неё отвечаешь?

С т ё п к а. Она у нас боязливая.

Л е н и н. Ты меня боишься?

М а р у с я. (весело). Не.

Л е н и н. Не боишься, а на печку залезла.

С т ё п к а. Нас от Ленина спрятали.

Л е н и н. Ну? А вот и пришёл Ленин.

С т ё п к а. Где?

Л е н и н. Вот он.

С т ё п к а. Ну да... Ты не Ленин.

Л е н и н. Неужели? А кто же я?

М а р у с я. Вы просто чужой мужик... пришёл в гости.

С т ё п к а. Ленин как раз не такой.

Л е н и н. А какой?

С т ё п к а. Посмотри на его портрет, тогда увидишь.

Л е н и н. (Подожёл к своему портрету). Этот важный, надутый господин ни капли на Ленина не похож.

С т ё п к а (ирония). Может, ты похож?

Л е н и н. А вот я похож!

А н н а. Стёпка!

Л е н и н. Нет, вы не мешайте нам довести спор до конца. (Стёпке). Я утверждаю, что я похож.

С т ё п к а. Ты ни капли не похож, а там настоящий, раз его машиной напечатали.

Л е н и н. Нет, я настоящий, а он нет.

С т ё п к а. Нет, он.

Л е н и н. Нет, я.

С т ё п к а. Давай спорить.

Л е н и н. Давай.

С т ё п к а. На что?

Л е н и н. На что хочешь.

С т ё п к а. На кусок сахара.

Л е н и н. Хорошо. (Снял шапку.) Ну теперь скажи: кто настоящий?

Стёпка смотрит на Ленина, потом на портрет его, отступает к взрослым. Маруся удивилась.

А теперь? (Надел шапку.)

М а р у с я. А теперь опять не похож.

Л е н и н. (Снял шапку.) А снова?

С т ё п к а. Настоящий Ленин? Где же я возьму ему сахар? (Вдруг с большой решительностью.) Бабка, бежать на колокольню? (Убегает.)

Л е н и н. Шустрый мальчик... (Увидев светец.) Светец, настоящий старинный светец?

Ч у д и н о в. Неужто знаете, Владимир Ильич, как жгут лучину?

Л е н и н. Знать-то знаю... Но неужели и вам приходится зажигать эту штуковину?

Ч у д и н о в. Когда керосину не дают, с ней обходимся.

А н н а. Трещит. С ней и то веселей, чем впотьмах.

Л е н и н. Да, конечно, веселей...

Картина пятая.

Кремлёвская набережная и бульвар. Ночь. Редкий слабый свет фонарей. На скамейке под деревом сидит Рыбаков. Сначала он насвистывает, потом начинает петь.

...Появляется Ленин. Узнаёт Рыбакова.

Р ы б а к о в. Владимир Ильич?

Л е н и н. Саша Рыбаков, что вы здесь делаете?

Р ы б а к о в (Очнулся.). Почему вы один, без охраны?

Л е н и н. А я от них убежал.

Р ы б а к о в. Как же вы от них убегаете?

Л е н и н. Этого я вам не скажу. Секрет старого конспиратора. У меня, видите ли, было очень длинное заседание, и я теперь скрылся, чтобы немного погулять. Часы забыл на столе. Моё появление здесь, так сказать, правомерно. А ваше? Почему вы один, в полночь... Звёзды считаете?

Рыбаков. Считаю... не буду отнекиваться.

Ленин. Влюбились, товарищ Рыбаков?

Рыбаков. Влюбился.

Ленин. Пойдёмте вместе гулять, товарищ Рыбаков.

Медленно идут.

Время у нас жестокое, страшное, теперь как будто и не до любви, но вы не бойтесь... Любите себе на здоровье, раз это случилось... (Вдруг остановился, взял за локоть Рыбакова, тихо интимно спросил). А ведь хорошо любить. Чувство-то какое удивительное!

Рыбаков. Да, Владимир Ильич, удивительное...

Ленин... Не хочется домой. Вы влюблены.., а мне почему-то не хочется. Не знаете? Ну так я вам по секрету скажу... иногда я мечтаю... Разгуливаю один и рисую перед собой невиданные вещи... Если сейчас сесть на воздухоплавательный аппарат, то под вами окажется чёрное без огней пространство, подобное огромной пустыне. Как разорена Россия! Деревня вернулась к началу девятнадцатого столетия, к лучине. На заводах Урала, в Златоусте, например, люди вынуждены ручным способом приводить в движение механизмы. Донбасс затоплен белогвардейцами. (Длительная пауза). Вы умеете мечтать, товарищ Рыбаков?

Рыбаков (Вначале невяжно.) Я?.. Мечтать?

Ленин. Надо мечтать... Надо. Но имеет ли право мечтать большевик, марксист? А? По-моему, он имеет это прекрасное право. И он должен мечтать, если он понимает мечту как рост новых задач его партии, его народа... И ещё, Саша Рыбаков, не надо бояться разлада между мечтой и действительностью, если вы серьёзно верите в свою мечту, внимательно вглядываетесь в жизнь и работаете не покладая рук над осуществлением своей мечты. Если в девяностых годах мы в нашей партии мечтали о будущем России и строили планы электрификации. Нам приходится урезывать пайки, проводить жестокую экономию во всём, жить бедно, скупо, тяжело, но мы будем проводить в жизнь электрификацию России. Иначе невозможно. Сомнут, задавят, будет столетнее рабство, иностранное иго, позорная жизнь, гнёт. Как, по-вашему, Саша Рыбаков, пройдёт теперь у нас электрификация?

Рыбаков. Владимир Ильич, вы за тысячу вёрст вперёд видите, а что же я могу сказать?

Ленин. С нашим народом можно мечтать, можно дерзать!

Занавес.

Из действия четвёртого.

Картина одиннадцатая.

Служебный кабинет Ленина в Кремле. В кабинете находятся английский писатель и секретарь.

Англичанин. (секретарю). Вы доложили господину Ленину, что его ждёт английский писатель?



Секретарь. Да.

Англичанин. Разрешите посмотреть иллюстрации в этом журнале?

Секретарь. Пожалуйста.

Они сидят друг против друга. Вошёл Ленин.

Ленин. Я заставил вас ждать? (Протянул руку). Ульянов-Ленин. Милости прошу!

Англичанин ритуально раскланивается. Ленин приглашает его садиться. Сели. Секретарь ушёл.

Ленин. Слушаю вас.

Англичанин. ...Я не понимаю, как вы, мистер Ленин, можете делить мир на бедных и богатых. Это примитивно, грубо. Среди богатых есть честные люди, как и среди бедных. Вот эти честные люди из богатых и бедных должны объединиться и построить разумный социализм. Я вижу по вашим глазам, что вы не верите в эту идею.

Ленин. Ни на грош не верю.

Англичанин. Я готов спорить.

Ленин. Я слишком ценю ваше время, чтобы спорить о таких вещах.

Англичанин. О-о... Это же фанатизм — верить только в одну идею — большевистского социализма.

Ленин. Ваше правительство истратило много денег, чтобы пушками доказать несостоятельность ваших идей.

Англичанин. Я был одним из тех, кто протестовал.

Ленин. Да-да, я знаю, вы один из тех честных, и не помогло!

Англичанин. Не помогло!

Ленин. А почему же не помогло?

Англичанин. Потому что у них власть.

Ленин. У них банки, у них пушки... А у вас честность. Что такое ваша честность по сравнению с самой плохой пушкой? Только вы соберётесь начать свой разумный социализм, а они поставят одну самую плохую пушку — и бац по вашим милым социалистам! Послушайте, это ведь вещь вполне возможная... Что же тогда вам делать? Отстреливаться? Но ведь это же большевизм. Бежать? А как же социализм?

Англичанин. Мистер Ленин, это обычная красная пропаганда.

Ленин. Но я же самый настоящий красный!

Англичанин. Мистер Ленин, я удивлён...

В это мгновение доносится звук курантов — два-три такта из «Интернационала».

Ленин (прислушиваясь). Чем?

А н г л и ч а н и н. Вы находите в себе юмор, а между тем всякому беспристрастному наблюдателю, явившемуся с Запада, легко заметить, что вы на краю гибели.

Л е н и н (серьёзно). Пожалуйста, расскажите, что вы у нас заметили?

А н г л и ч а н и н. Я заметил, что люди в России очень плохо побриты.

Л е н и н. Да, побриты они неважно.

А н г л и ч а н и н. К тому же они все страшно оборваны... может быть, вам эта тема неприятна?

Л е н и н. Пожалуйста, продолжайте. Мне очень интересно, что вы у нас увидели!

А н г л и ч а н и н. Все люди ходят с какими-то свёртками. Я сначала не мог понять, в чём дело, а потом мне рассказали... Это их пища, паёк... Они из своих учреждений несут домой в газетах варёную кашу. У вас никто не гуляет по улицам. Все куда-то бегут. У Максима Горького один костюм.

Л е н и н. Неужели? Он вам говорил?

А н г л и ч а н и н. Мне сказали его близкие.

Л е н и н (как бы про себя, задумчиво). Всем трудно. Горькому тоже трудно. (Вдруг, прищурившись, прямо англичанину). А сколько у вас костюмов?

А н г л и ч а н и н. Я не помню... как у всякого порядочного человека... десять... двенадцать...

Л е н и н. У вас двенадцать, а у Горького — один... Видите, какая разница! Но продолжайте, пожалуйста!

А н г л и ч а н и н. Когда я простудился, то в аптеке не нашлось никаких лекарств.

Л е н и н (горько). Вот это ужасно... я знаю, это ужасно!

А н г л и ч а н и н. Я ел хлеб, который не годен для пищи, но я слышал, что где-то в районе реки Волги русские едят друг друга...

(Патетически). Человеческие силы не в состоянии остановить эту катастрофу! В России в скором времени никого не останется, кроме деревенских мужиков. Железные дороги заржавеют, так как ваши города перестанут существовать. Я вижу Россию во мгле, в страшной мгле её конца... катастрофы, гибели...

Л е н и н (просто, задумчиво). Наверно, мы производим жуткое впечатление... во мгле... Наверно, и мгла есть. Нет-нёт, я не спорю, наверно, всё это так и кажется.

А н г л и ч а н и н. Я слышал, что вы предлагаете план электрификации России.

Л е н и н (вдруг, удивлённо). Как — слышали?

А н г л и ч а н и н. Я имел беседу с одним господином, который...

Л е н и н. Я знаю, с кем вы имели беседу. Что же говорит этот господин?

А н г л и ч а н и н. Он остроумный человек, он шутит, он говорит не «электрификация», а «электрофикация».

Л е н и н. Да, он остроумный господин.

А н г л и ч а н и н. Вы мечтатель, мистер Ленин. Перед вами огромная, плоская, замерзающая страна, скорей с азиатским, чем с европейским населением, страна, испускающая смертельный крик... а вы мечтаете дать ей электричество! Вы странный мечтатель, мистер Ленин!

Л е н и н. Приезжайте к нам через десять лет.

А н г л и ч а н и н. Но будете ли вы через десять лет?

Л е н и н (весело). Будем. Не верите? Приезжайте и увидите, что будем. Я мечтатель. Мне кажется, что вообще мы — навеки.

А н г л и ч а н и н. Если вы так верите, то у вас есть тайны, которых мы не знаем.

Л е н и н. О, напротив, мы очень откровенны... слишком откровенны!

А н г л и ч а н и н. Если так, то скажите, почему вы верите и мечтаете?

Л е н и н. Так вы же рассердитесь. Вы скажете, что это обычная красная пропаганда. Я верю в рабочий класс, вы — нет. Я верю в русский народ, вас он ужасает. Вы верите в честность капиталистов, а я — нет. Вы придумали чистенький, милый социализм, а я стою за диктатуру пролетариата. Диктатура — слово жёсткое, тяжёлое, кровавое, мучительное. Таких слов на ветер не бросают, но иначе нельзя мечтать об электрификации, социализме, коммунизме... История покажет, кто из нас прав.

А н г л и ч а н и н. Ваша вера может потрясти... или свести с ума! Это невозможно понять! Перед вами бездна несчастий, ужасов, а вы над пропастью говорите об электрификации... Я отказываюсь понимать!

Снова бьют куранты — опять две-три ноты «Интернационала».

Л е н и н. Приезжайте к нам через десять лет...

А н г л и ч а н и н. Нет, вы что-то скрываете. Вы знаете что-то, чего не знают у нас на Западе, но не говорите!

Л е н и н. Даю вам честное слово, что мы всё и до конца говорим открыто.

А н г л и ч а н и н. Вы утомлены. Я это заметил, когда вы вошли... До свиданья, мистер Ленин. Благодарю вас за беседу. Может быть, вы и правы, а я не прав. Будущее покажет. До свиданья!

Л е н и н. До свиданья! А всё-таки вы к нам через десять лет приезжайте!

## РАЗГОВОР О ТЕПЛЕ

Февраль суров.  
Февраль  
ветрами  
выюжит.  
И за окном  
не разглядеть  
зари.  
Как дети  
беспризорные,  
от стужи  
На ветках  
присмирели  
снегири.  
Казалось,  
нет от холода защиты,  
Он властвует  
сегодня  
над Москвой...  
Старинной печи  
кафельные плиты  
Холодной  
отливают  
синевой.  
Который день  
не топят  
в кабинете.  
Который год  
идут в стране бои,  
И Ленин  
за работой  
на рассвете  
Дыханьем  
пальцы  
согревал свои.  
Дверь приоткрыли.  
— Можно к Вам?  
— Войдите,—  
И вождь  
навстречу  
встал из-за стола:  
— Вы нынче  
самый первый  
посетитель.

Какие  
привели ко мне дела?  
И, широко ступая,  
по-матросски,  
Затягивая тщательно  
бушлат,  
Вперёд  
проходит  
комендант кремлёвский,  
И сразу видно:  
он чему-то рад.  
Он не скрывает  
своего волнения,  
Подыскивая нужные слова:  
— Дрова достал,  
для Вас,  
товарищ Ленин!

— Какие же?  
— Хорошие дрова!  
Одна берёза.  
Не дрова,  
а порох,—  
Бумагу вынул,  
положил на стол.  
— Доставлю их,  
товарищ Ленин,  
скоро.

Вот только  
ордер  
подписать  
пришёл.—  
Ильич доволен.  
Щурится лукаво:  
— А много ли достали?  
— Целый воз!—  
И щёлкнул каблуками  
по уставу  
Служивший революции  
матрос.  
— Да Вы садитесь...  
просто молодчина!

У Вас  
большой  
хозяйственный талант.—  
И заскрипели жалобно  
пружины,  
Лишь в кресло  
опустился  
комендант.

А Ленин  
     пододвинул ордер ближе.  
 — Достать  
     в Москве?  
         Ну просто чудеса!—  
 Улыбку пряча,  
     наклонился ниже  
 И что-то быстро-быстро  
     написал.  
 Пальто поправил,  
     чтобы не спадало,  
 Взглянул во двор,  
     где всё снега мели.  
 — Мне кажется,  
     уже теплее стало...  
 Не оттого ль,  
     что Вы дрова  
         нашли?—  
 А комендант  
     от похвалы высокой  
 Услышал под тельняшкой  
     сердца стук.  
 Ведь это просто здорово,  
     что смог он  
 Помочь тому,  
     кто людям  
         лучший друг,  
 Он быстро встал,  
     взял ордер,  
         как награду,  
 Смущённо посмотрел  
     на Ильича.  
 А вождь  
     ему  
         вопрос последний  
             задал:  
 — Не спутаете адрес сгоряча?  
 — Да нет,  
     товарищ Ленин,  
         как же можно!  
 Ну кто же адрес  
     спутает  
         такой!  
 И ленинскую руку  
     осторожно  
 Пожал своей  
     огромной пятернёй.



Давали нам пшённую кашу  
И хлеба кусочек ржаной.

И радостью невыразимой  
Тепло заливало сердца...  
Я эту калёную зиму  
Забыть не смогу до конца.

Метели мели в иступленье,  
Но знал я, что есть на земле  
Заботливый дедушка Ленин,  
Живущий в Московском Кремле.

Шагая в своём кабинете,  
За множеством дел и забот  
Он помнил и думал о детях,  
О тысячах нищих сирот.

О детях, что мёрзнут в приютах,  
Кочующих на поездах,  
О детях, что мёрзнут в приютах,  
О школах и детских садах...

Большие и малые дети,  
Они — как грядущего клич!  
Любовью, невиданной в свете,  
Любил их Владимир Ильич.

Он в годы голодные отдал  
О детских столовых приказ  
И скольких из нас в эти годы  
От смертной гибели спас!

Ему, про кого я впервые  
Узнал той далёкой зимой,  
Обязан я счастьем России  
И собственной жизнью самой.

Е. Мар

### ЛЕНИН ИДЕТ ЗА ПЛУГОМ

Всё, о чём будет здесь рассказано, происходило 22 октября 1921 года на опытном поле Бутырского хутора, под Москвой.

Впрочем, давным-давно на этом месте нет никакого поля, а от хутора не осталось даже названия.

Ребята, которые живут в построенных здесь домах, учатся в школе, что стоит близ этого поля. По нему хмурым дождливым осенним днём шагал за плугом Ленин.

Правда, плуг этот был не обычный, а электрический. Он-то и проходил испытания в тот день.



Владимира Ильича давно занимала мысль о том, как следует использовать электричество для обработки земли.

Ещё весной 1920 года рабочие Петроградской городской электрической станции построили своими руками небольшой электроплуг. И в свободное от работы время обрабатывали им общественный огород. Кто-то успел снять их работу на киноплёнку. Фильм увидел Владимир Ильич и поручил немедленно заняться этим делом. Была создана комиссия, которая так и называлась — «Электроплуг».

Владимир Ильич часто вызывал к себе её работников и расспрашивал, скоро ли будет готов «электрический пахарь». И, когда один из заводов не выполнил заказ, Ленин потребовал строго наказать виновных.

— Лошадей в стране не хватает. Вот текстильщики Иванова сами вынуждены впрягаться и тащить плуг, когда надо вспахать общественный огород. И такое положение не только там. А мы тянем и тянем без конца с электрическим плугом, хотя он может заменить сразу тысячи лошадей! — возмущался Владимир Ильич. И требовал ускорить работы.

Наконец назначен день и час испытаний первого электроплуга.

Кремлёвский кабинет опустел. Приёмы, даже самые срочные, отложены на завтра.

Вместе с Владимиром Ильичём поехали на Бутырский хутор Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Ленин и его спутники поздоровались с присутствующими.

Владимир Ильич взглянул на часы:

— Время начинать.

Послышалась команда:

— Включить ток!

И огромный восьмикорпусный плуг с силой рванул вперёд.

Владимир Ильич шёл вслед словно зачарованный. Он глаз не мог оторвать от этого чуда. Лемеха легко поднимали огромные пласты.

— Вот так силища!

Ленин старался не отстать. А члены комиссии просили его держаться подальше. Опасно. Может оборваться трос. Плуг то и дело вздрагивал и выскакивал из борозды.

— Что это он всё хвостом крутит? — с досадой спрашивал Владимир Ильич и всё продолжал шагать за плугом.

Холодно, ветрено. Владимир Ильич одет в пальто с меховым воротником. Но он то и дело снимает кепку и вытирает пот со лба. Ему жарко от быстрой ходьбы.

Плуг остановился, когда на Бутырском хуторе смеркалось.

Владимир Ильич обратил внимание конструкторов на недостатки в работе электроплуга и просил потрудиться ещё над его улучшением.

— Я уверен,— сказал Ленин,— что электричество станет первым помощником людей, обрабатывающих землю, это время недалеко!

И был очень рад, когда здесь же, на Бутырском хуторе, где находилась молочная ферма ветеринарного института, смог наблюдать работу электросепаратора и некоторых других электрических машин.

— Энгельс считал, что электричество совершит революцию в технике,— заметил Владимир Ильич.— И это так. Совершит!

Владимир Ильич и его спутники попробовали парное молоко, которым их угостили на ферме. А затем сфотографировались вместе с участниками испытаний. На снимке рядом с Лениным стоит белоголовый мальчик, сын доярки с Бутырского хутора.

Его все называли почему-то Ёжиком. Ёжик-то, уж конечно, дожил до того времени, когда электричество не только освещает дома в деревне, но и пашет землю с помощью электротракторов. Они уже работают на полях нашей страны.

Но электроплуг, за которым шагал Ленин в тот осенний день по полю Бутырского хутора, был первым.

М. Каратаев

## ПРОСТОЙ, МУДРЫЙ, БЕССМЕРТНЫЙ

(Отрывок из романа «Гудок в степи»)

Один из партийных руководителей Байконура, революционер Деев, едет в Москву, к В. И. Ленину, просить оказать содействие в строительстве завода цветных металлов в Казахстане.

Люди в теплушке говорили о Владимире Ильиче Ленине. Это была творимая народом простодушная, полная живой поэзии легенда о Ленине.

— Приходят к нему как-то мужики из-под Арзамаса,— рассказывал старик, похожий на Льва Толстого.

— Здравствуй!

Они молчат. Ленин вдругорядь к ним: — Зачем пожаловали, добрые люди?— Опять молчат. Ленин из-за стола встал, начал их разглядывать. Может, думает, это депутация от глухонемых. Тут один бородач набрался смелости и говорит:

— Обстоятельство у нас, Владимир Ильич, можно сказать, конфузное. Страшимся сказать. А вдруг по новому декрету-закону за это самое в острог сядят?

Ленин рассмеялся.

— В тюрьму,— говорит,— сажают грабителей и мошенников. А вы, я вижу, тихомирные хлебопашцы.

Тогда ходоки пришли в себя и развязали языки. В их селе, видишь ли, церковь, и есть там колокол. Возьми их сельский Совет и составь такую бумагу: по единодушному решению всего

схода просим, мол, снять колокол. Ну, в уезде, знамо дело, прочитали и сразу сняли колокол. Только тут и обнаружилось, что приговор написали втихомолку, без народа — председатель с секретарём. Мужики туда, сюда. Их нигде не слушают. Что, говорят, написали пером, не вырубить топором. Послали они ходоков к самому Ленину.

Выслушал Ленин ходоков и задумался:

— А если я ошибусь? Может быть, большинство жителей вашего селения действительно проголосовало за снятие колокола, а вы голос подняли от кучки верующих?

Ходоки ему:

— Не бойся, Владимир Ильич. Разве мы позволим обман? Вот гляди сам.

И дают ему мирской приговор о возврате колокола, под ним сто восемьдесят семь подписей. А которые неграмотные — кресты своей рукой поставили. Убедился Ленин — обмана нет. Взял бумагу — чирк-чирк!

— Вот,— говорит,— записочка в уездный исполком. Получите свой колокол обратно, звоните себе на здоровье. А когда дойдёте своим разумом, что церковь вам ни к чему,— сами снимете колокол, а церковь запрёте.

Вот он какой Ленин!

— Что простой он, это факт,— вмешался в разговор сеньский старичок, закутанный в жёлтый башлык. — Учительница наша была у жены его, у Надежды Константиновны. Живут они в Кремле, но квартира не из пышных. Сели, разговаривают. Вдруг Надежда Константиновна на часы посмотрела и захлопотала: надо чай кипятить, сейчас Владимир Ильич придёт. Учительница хотела уйти, но куда тут? Не пустила. Вскоре пришёл Владимир Ильич. Поздоровался. Разделся.

— Вот хорошо, Надя, что гостью пригласила...

И начал расспрашивать и о букварях, и о дровах для школы, и о ребятишках. Очень он детей любил. Надежда Константиновна чай разлила, каждому положила по тоненькому ломтику хлеба, а вместо сахара — немного изюму. Учительница глазам своим не верит, а Ленин себе нахваливает изюм:

— Это,— говорит,— очень полезный продукт и к чаю вполне подходящий.

Помолчав, старичок добавил:

— Которые Ленину подарки возят — ну там масла топлёного или мёду, так представьте, ничего не принимает.

Слушавшие его молча люди с туго набитыми и крепко завязанными мешками обнаружили признаки явного беспокойства. Их было четверо — в одинаковых полушубках, лисьих треухах. Они начали шептаться. Один из них, что постарше, подошёл к старичку и с осуждением произнёс:

— Зачем неверно про Ленина говоришь? Как он не возьмёт подарки, если народ дарит от чистого сердца?

Немного смущённый старичок в башлыке отвернулся:

— За что купил, за то и продал.

Пассажиры невольно обратили внимание на казахов с мешками. Один — в солдатской шинели — спросил их:

— А что вас так расстроило, что старик сказал?

Казах, упрекавший старичка, простодушно объяснил:

— Из Чиилийской волости мы, Перовского<sup>1</sup> уезда. Охотники. Настреляли фазанов. Заморозили их. И везём Ленину в подарок. Зачем он говорит, что Ленин не возьмёт?

На некоторое время в вагоне вспыхнул спор: одни держались мнения старичка: не возьмёт! Другие — явное большинство — уверяли чиилийцев, что Ленин сам охотник и их подарок примет.

В споре выяснилось, что в той же теплушке едут и другие ходоки к Ленину. Деев обнаружил среди них одного знакомого степняка.

— Меня аул послал, — объяснил знакомец. — Сказал: ты по-русски знаешь, тебе и к Ленину ехать. У бая Байгазы Балыкшина скота видимо-невидимо. А пасём скот, на жайлау перегоном, стрижем, доим всё мы да мы. И траву и камыш молодой косим тоже мы. Несправедливо: у одного всё, у многих ничего. Пусть рассудит Ленин. Он мудрее всех баев.

В Москву поезд прибыл ранним утром...

...В Кремле, в приёмной кабинета Ленина, Деев увидел одного из чиилийских охотников, с которым довелось ехать в теплушке...

— А где товарищи?

— Внизу. Мешки с птицей стерегут.

Охотник держался несмело, поминутно озирался; его не оставляла тревога — примет ли Ленин в дар фазанов?

...Деев оглянулся и чуть не вскрикнул от радости и изумления: по красной ковровой дорожке шёл Владимир Ильич.

— Здравствуйте, — негромко обратился ко всем Ленин и, видя, что все поднялись, как в классе при входе учителя, заторопился:

— Сидите, товарищи, сидите! — Он чуть-чуть картавил, и это усиливало доброжелательство и теплоту, звучавшие в его голосе.

Проходя меж рядами ходоков, Ленин встречался глазами то с одним, то с другим. На какую-то долю секунды глаза его остановились на Дееве...

Ивану Васильевичу захотелось вдруг произнести какие-то необыкновенные, идущие от самых душевных глубин слова любви, преданности, благодарности, уважения. Он почувствовал, как тёплый комок подступает к горлу, и сухие глаза влажнеют.

---

<sup>1</sup> Перовск — ныне Кзыл-Орда.

Дверь закрылась за Лениным. и тотчас начался приём ходоков. Иные выходили из кабинета быстро, иные задерживались, но не более пятнадцати-двадцати минут. Похоже было на то, что Ленин решил принять всех пришедших к нему. Охотник с фазанами пошёл третьим. Пробыл он там недолго, а когда вернулся, простодушное лицо его сияло:

— Взял!— поделился он своей радостью с Деевым.— Мы ему пятьсот штук привезли. Он себе только одного фазана оставил, остальных, сам слышал, велел отправить в госпиталь и детский дом. Вот здорово!

— Что же ты, друг, сказал Ленину?— с живым любопытством спросил Деев.

— Я сказал так: «Владимир Ильич! Мы — охотники. Зверя добываем, птицу. И сами жили, как звери. Никто нас за людей не считал. От тебя от первого мы услышали человеческие слова. Ты нас, охотников, байских пастухов, табунщиков, товарищами назвал, на прямую дорогу вывел. Великое спасибо тебе, Владимир Ильич! Не побрезгуй нашими чилийскими фазанами... Мы, как сыновья отцу, тебе их настреляли...» Вот так я сказал, плохо, может быть?

— Отлично сказал,— от души похвалил Деев.— Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Охотник опустил глаза. Видно было, что он чистосердечно, по-детски гордился встречей с Лениным.

Через четыре дня, добившись всего, что намечал, Деев ехал обратно в тёплом вагоне. За окнами плыли одетые инеем берёзки, русские деревеньки с журавлями над колодцами, свежие поля, а колёса отчётливо выговаривали: «Бай-ко-нур, Бай-ко-нур...»

Расул Гамзатов

## ГОРЦЫ У ЛЕНИНА

В это время уже в дагестанских горах  
Люди песни о нём и слагали и пели.  
С этим именем на пересохших губах  
Умирали бойцы в Араканском ущелье.  
В тесноте наших дымных и бедных лачуг  
Узнавали легенды о нём друг от друга,  
И когда пел о Ленине песню ашуг,  
Снова петь эту песнь заставляли ашуга.  
Знали имя его,  
Но в горах никогда  
Не видали хотя б небольшого портрета...  
Им казалось:  
Он был выше сосен и гор,

Вынет шашку —  
Враги разбегаются в страхе,  
Им казалось, что острый, как лезвие, взор  
И блестит и горит из-под чёрной папахи.  
И когда собрались в путь-дорогу к нему,  
Снарядились в столицу послы Дагестана,  
Насекли кубачинцы  
Огромную шашку ему,  
А в Анди приготовили  
Бурку на великана.  
Повезли ему трубку  
С алмазами чистой воды,  
Повезли ему шитые шёлком кисеты.  
А ещё Дагестан  
Весь —  
От Каспия до Цумады, —  
Передал ему тёплое слово привета.  
И пошли через горы, поля, города,  
На ветру обжигая широкие лица,  
Горцы,  
Много выдавшие,  
Но никогда  
Не бывавшие в светлой советской столице.  
А в Москве дорогой, а в Москве трудовой  
От зари и до ночи кипела работа...  
У кремлёвской стены молодой часовой  
Отсалютовал им, пропуская в ворота.  
Отворились им двери во всю свою ширь.  
Всё здесь было приветливо, строго и просто,  
И в приёмную вышел к ним  
Не богатырь,  
А простой человек невысокого роста.  
И в кремлёвских палатах, среди стен расписных,  
Как-то ласково щурясь от яркого света,  
Словно старый их друг, он сидел среди них,  
Говорил, как с друзьями,  
И спрашивал даже совета.  
Незаметно и быстро часы пронеслись,  
И послы Дагестана так счастливы были,  
Что когда уж совсем уходить собрались,  
То чуть-чуть про подарки свои не забыли.  
И с улыбкой Ильич посмотрел на гостей,  
Взял и бурку, и шапку с насечкой горящей,  
Взял и трубку  
И, чтоб не расстроить друзей,  
Им тогда не признался,  
Что он некурящий.  
И сказали они: «В нашем горном краю

Никогда твоего не видали портрета.  
Ты, Ильич, фотографию дай нам свою —  
Самым лучшим подарком для нас будет это».  
И посланцы народа спешили домой,  
По пути обсуждая идеи и планы.  
И несли они горцам портрет дорогой,  
Где написано Лениным:  
«Красному Дагестану».

Перевод с дагестанского

Н. Гребнёва.

С. Гиль

## СКРОМНЫЙ И ПРОСТОЙ

Владимир Ильич категорически был против личной охраны, торжественных встреч и всяческих чествований. Он никогда и ничем не выделялся из толпы, одевался чрезвычайно скромно, в обращении с сотрудниками и подчинёнными был естественно прост.

Крестьяне-ходоки, приходившие к Ильичу за сотни, даже за тысячи километров, волновавшиеся перед входом в кабинет Ленина, выходили от него ободрёнными, повеселевшими.

— До чего прост, до чего добр! — говорили ходоки. — Вот это — человек!

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как тихо и незаметно появлялся Владимир Ильич на многолюдных митингах, как скромно пробирался он на сцену или подмостки, хотя уже через минуту тысячи рук восторженно аплодировали ему, узнав, кто этот небольшого роста человек в старомодном пальто и обыкновенной кепке.

В августе 1918 года я привёз Владимира Ильича в Политехнический музей, где собрались на политический доклад красноармейцы. Кругом было шумно, народу было очень много.

У всех двенадцати входов стоят вооружённые люди. Перед центральным подъездом какой-то грозный матрос с карабином на плече и патронташем на груди проверяет пропуска и сдерживает толпу. Но сдерживать напор становится всё труднее, люди ломаются в дверь, и на помощь матросу пришли красноармейцы.

В самый разгар этой катавасии к матросу с трудом пробрался скромно одетый гражданин в чёрной кепке, пытаюсь что-то объяснить. Но голос его тонул в общем хаосе. Матрос не удостоивал внимания настойчивого гражданина в кепке. Его, как и других, под напором толпы относил в сторону.

— Товарищ, пропустите меня! — во весь голос кричит гражданин, подпираемый с одной стороны толпой, а с другой — красноармейцами. — Разрешите пройти!

Матрос наконец обратил внимание на гражданина в кепке и крикнул ему:

— Вам куда? Профсоюзную книжку предъявите!

— Пропустите меня, пожалуйста, — твердит гражданин. — Я — Ленин.

Но голос Ленина тонет в шуме, внимание матроса уже устремлено в другую сторону. Один из красноармейцев всё-таки расслышал имя и зычно произнёс на ухо матросу:

— Да погоди ты! Знаешь, кто это? Ленин!

Матрос шарахнулся в сторону, и вмиг образовался проход. Владимир Ильич благополучно пробрался внутрь здания, где его нетерпеливо ждали фронтовики.

\* \*  
\*

Для Владимира Ильича была очень характерна одна черта: полное отсутствие надменности, кичливости, высокомерия. Говорил ли он с наркомом, с крупным военачальником, с учёным или крестьянином из глухой сибирской деревни — всегда он оставался простым, естественным, по-человечески «обыкновенным». Его жесты, улыбка, шутки, задушевный тон — всё мгновенно располагало к нему, устраняло натянутость и создавало атмосферу дружелюбия.

Владимир Ильич любил рассказывать потешные истории, особенно из далёких времён детства и периода эмиграции, но любил и слушать других. Слушая, он неожиданно задавал вопросы, вставляя шутливую фразу, и заразительно смеялся...

На даче, по утрам, когда я готовил машину к отъезду, Владимир Ильич часто помогал мне, и не советами, а делом, руками. Пока я возился у мотора, Ильич насосом накачивал воздух в камеры, причём делал это энергично и с удовольствием.

Бывало в пути, где-нибудь на Каширском или другом шоссе, застрянет машина и приходится менять колесо или ковыряться в моторе, Владимир Ильич спокойно выходил из машины и, засучив рукава, помогал мне, как заправский рабочий. На мои просьбы не беспокоиться он отвечал шутками и продолжал своё дело.

В годы ожесточённой гражданской войны ощущалась острая нехватка горючего. Город Баку захватили белые, начался «бензинный голод». Приходилось работать на скверном горючем — газолине, засорявшем мотор и приводившем к порче машины.



— Почему так часто останавливаемся? — спрашивал Владимир Ильич. — В чём дело?

— Беда, Владимир Ильич, — отвечал я. — Для машины необходимо лёгкое горючее, бензин, а пользуемся мы этой дрянью — газOLIном. Что поделаешь!

— Вот как! Как же выйти из положения? — и тут же прибавлял: — Придётся потерпеть.

Когда Баку вновь стал советским, в Москву на имя председателя Совнаркома Ленина прибыла цистерна с отличным бензином. Узнав об этом сюрпризе, Владимир Ильич сказал:

— Прекрасно, товарищ Гиль, прекрасно! Но к чему нам столько бензина? Надо поделиться с другими.

И распорядился направить бензин в какую-то организацию, ведавшую горючим...

Г. Серебрякова

## В. И. ЛЕНИН

Есть немеркнущие воспоминания в жизни каждого человека. Они, как звёзды, освещают темнеющее небо ушедшего времени.

Два раза видела я Владимира Ильича Ленина: в Большом театре во время исполнения Девятой симфонии и позднее, на конгрессе Коминтерна в зале Кремлёвского дворца.

Прошло несколько десятилетий, но в памяти звучат бессмертные звуки Бетховена и подле поблекшей пунцовой портьеры, прислонясь к стене, в тёмном пиджаке стоит передо мной живой Ленин.

Все мы, находившиеся на утреннем симфоническом концерте, были несказанно поражены и обрадованы тем, что рядом с нами Ильич. Он вошёл с женой неожиданно, неслышно и долго стоял в глубине ложи, не желая кого-либо побеспокоить. Помню широкий, решительно протестующий жест выброшенной вперёд руки, когда мы все поднялись, чтобы уступить свои места. Так и не сели Ленин и Крупская, покуда не были внесены в ложу дополнительные кресла.

С той минуты, как Владимир Ильич появился, я не могла более оставаться спокойной. Хотелось смотреть только на него, но это было неловко. Когда хор и солисты запели «От страдания к радости», Ильич облокотился на барьер ложи, и я увидела его бледное, вдохновенное, сосредоточенное лицо. Он был весь во власти торжествующей, победной симфонии, заполнявшей огромный театр, рвущейся прочь, сквозь камни, к небу. Ликующие, жизнеутверждающие аккорды завершили финал, и

музыка оборвалась. Не сразу, однако, рассеялось могучее очарование гениального творения Бетховена. Ленин как бы очнулся, встал, приветливо поклонился всем и, пропустив вперёд Надежду Константиновну, вышел.

Это был счастливый день. Навсегда отныне Девятая симфония стала для меня музыкальным выражением не только одного, а двух гениев.

Тринадцатого ноября 1922 года я снова не только увидела, но и услышала Владимира Ильича. Это было на одном из заседаний IV конгресса Коммунистического Интернационала в Кремле. Переполненный до отказа Андреевский зал был охвачен нетерпеливым ожиданием. Представители пятидесяти восьми коммунистических организаций мира ждали Ленина. Всюду слышалась чужеземная возбуждающая речь. Владимир Ильич совсем недавно оправился после первого грозного проявления той болезни, которая вскоре свела его в могилу. Тем более волновались делегаты и гости. Я не отрывала жадных глаз от трибуны. Там, среди многих других, особенно выделялась прекрасная, в рамке голубовато-серебряных пышных волос, голова Клары Цеткин. Внезапно я услышала аплодисменты и пылкие приветствия, раздавшиеся где-то в конце длинного светлого зала. Ленин с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной появились не со стороны президиума, а из двери для публики. Меня поразила стремительность и лёгкость походки Владимира Ильича, живость и чёткость его жестикуляции и мимики. Прекрасна была его улыбка в ответ на радостный гул, поднявшийся вокруг. Никто не дал бы Ленину, несмотря на недавно перенесённую болезнь, пятидесяти двух лет. Он выглядел значительно моложе и благодаря ширине плеч и пропорциональности сложения казался выше ростом, нежели был на самом деле. Пройдя вдоль стены через весь зал, Ленин поднялся на трибуну. Надежда Константиновна примостилась у подножия деревянной кафедры, за которой он встал. Я не сразу поняла, зачем она это сделала. Владимир Ильич выступал с речью на немецком языке. Его переутомлённому мозгу нельзя было чрезмерно напрягаться, и на случай, если память в какой-то миг не подскажет ему нужное немецкое слово, Крупская должна была быть переводчицей. Этого, однако, не понадобилось.

Едва Ленин заговорил, воцарилась глубокая тишина. Все замерли. Несмотря на плохое знание немецкого языка, мне казалось, что я понимаю каждую услышанную фразу.

Поразительны были не только экспрессия, чёткая дикция, но и обаяние голоса и жеста этого бессмертного оратора. Безошибочно и сразу нашёл он, как всегда, ту волну, которая лучше всего могла донести до аудитории его мысли и чувства. Факты, думы, провидение покорили слушателей. Лица их просветлели. Это было поистине интеллектуальное пиршество. Владимир Ильич говорил о пяти истекших годах Октябрьской революции.

Речь его по времени почти совпадала с великой годовщиной победы. Он коснулся и будущего, которое принесёт всем странам коммунистическое мировоззрение.

Лишь когда под ураган аплодисментов Ленин уходил с трибуны, я заметила, как посерело его лицо и как трудно он дышит. Видимо, он очень устал после своего выступления и тотчас же вынужден был покинуть заседание.

Прошло немногим более года. Весть о смерти Ленина зимним вечером облетела землю.

Есть чёрные даты в жизни людей. Они как затмение солнца. Снова увидела я Ленина, и снова оркестр играл Бетховена, но то были звуки трагического похоронного марша. Свет люстр, окутанных крепом, как сквозь тёмную дымку тумана освещал гроб, усыпанный кроваво-красными тюльпанами. В нём был Ленин.

Уходя из Колонного зала Дома Союзов, как и часто потом, я тщетно старалась вспомнить тот час, когда услышала впервые об этом вечно живом человеке. Революция застала меня маленькой девочкой. Может быть, отец и мать, оба большевики-подпольщики или уличный митинг, газета, плакат первые сказали мне о Ленине. Напрасные поиски. В моём сознании он жил всегда и стал частью моей жизни. Всем нам хотелось хоть чем-нибудь походить на Владимира Ильича, которого мы воспринимали как воплощение человеческих идеалов. Обычные мерилы ему не под стать. Он, так же как Маркс и Энгельс, доподлинно человек революции, гениально выразивший требования своей эпохи, и вместе с тем человек будущего.

Ленин показал непревзойдённые образцы смелой революционной борьбы, поведения в повседневной жизни, отношения к труду, мышления и неизменного единства цели. Это величайший гуманист, отдавший всего себя борьбе за счастье трудового народа.

Каждая, даже самая незначительная бытовая деталь его биографии отражает высокую простоту, большое сердце. Владимир Ильич всегда думал только о других и ничего лишнего, особенного не хотел для себя... Вспоминаю, как Валерьян Владимирович Куйбышев рассказывал о «головомойке», которую он получил в самом начале 20-х годов от Ильича. Когда до Ташкента дошла весть о тяжёлой болезни Ленина, члены Среднеазиатского Бюро ЦК и Реввоенсовета фронта решили отправить ему свои охотничьи трофеи — тушки фазанов. Ильич, узнав о посылке, очень рассерчал, объявил, что считает это проявлением подхалимства, и приказал немедленно передать дичь Московскому военному госпиталю в Лефортово.

Нельзя без душевного трепета и восхищения думать о той большой любви, которая связывала много лет Владимира Ильича с его женой.

Глубоко запал мне в душу рассказ старого большевика, со-

проводившего Ленина в одной из его поездок в Петроград. Прежде чем направиться в Смольный, Ильич поехал к дому, в котором в конце прошлого века познакомился с Крупской. Там он вышел из автомобиля и некоторое время прохаживался по тротуару, поглощённый дорогими ему воспоминаниями.

Недавно одна из старейших коммунисток—Серафима Ильинична Гопнер рассказала мне эпизод, который ещё раз показывает, как дорога и нужна всегда была Надежда Константиновна Владимиру Ильичу.

Это было грозной, тяжёлой и голодной весной 1919 года. В Москве собрался I конгресс Коммунистического Интернационала. Гопнер приехала с Украины, где в хлебе не ощущалось большого недостатка.

На заседаниях конгресса была и Надежда Константиновна. Она очень исхудала и выглядела болезненной. Гопнер решила уговорить Крупскую поехать отдохнуть на Украину и в перерыве между заседаниями сказала об этом Владимиру Ильичу. Ленин категорически воспротивился:

— Нет, нет, невозможно,— не задумываясь, горячо возразил Ильич.— На Украине хоть и сытно, но беспокойно. Да и мне без Нади будет трудно, — и опять повторил: — Нет, нет, уж лучше не надо...

— Было ясно,— добавила Серафима Ильинична,— что Владимир Ильич огорчился даже мыслью о разлуке с женой. Она ведь была самым близким его другом.

П. Железнов

## НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА

Утихал приветствий рокот бурный,  
гул аплодисментов замирал.

Стоя на виду,  
перед трибуной,

Ленин  
зорко вглядывался в зал.

Вдруг,  
как будто вихря дуновеньем

всколыхнуло в зале весь народ:  
вниз Ильич сбегает по ступеням,  
по проходу радостный идёт.

До чего же  
прост и человечен

он,  
потрясший Землю до основ.

Им со сцены  
был в рядах замечен  
питерский рабочий

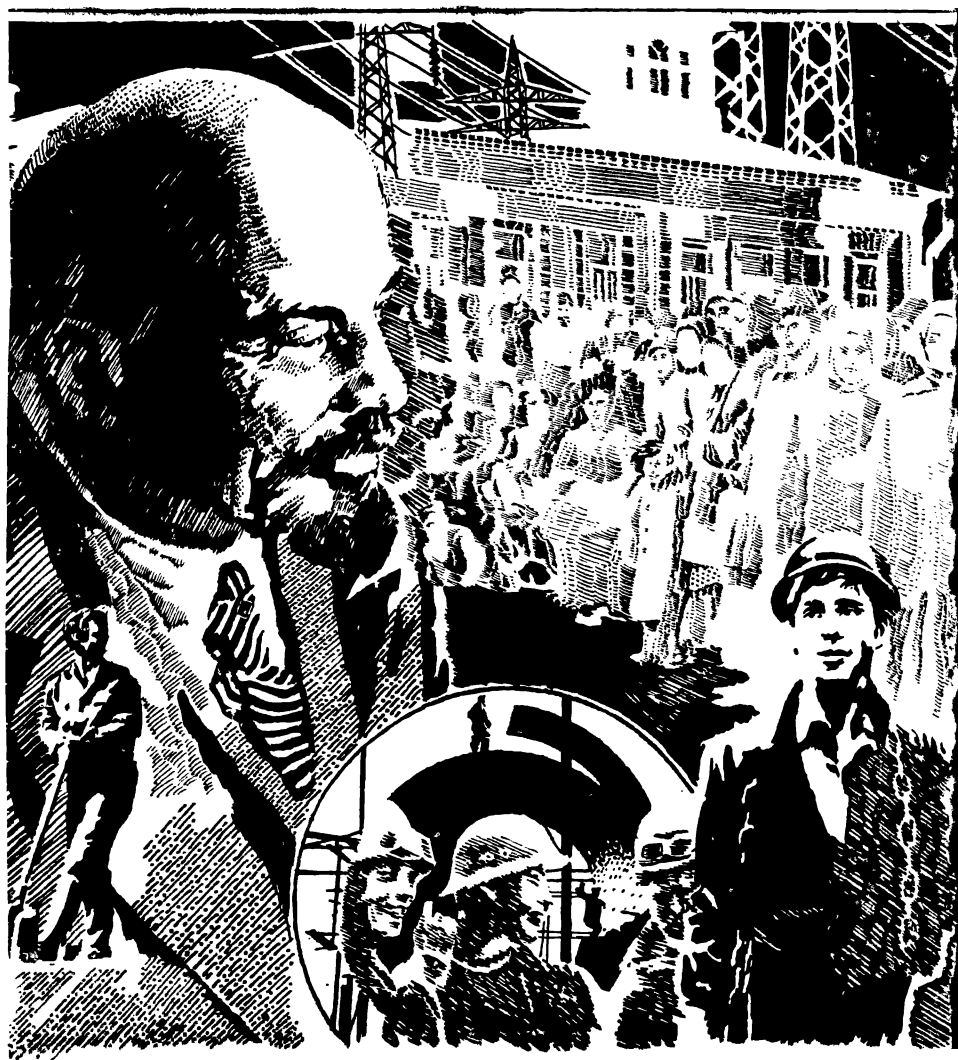
Шелгунов,—

старый друг-подпольщик,  
                                силой воли  
победивший лютую судьбу,  
потерявший зрение в подполье,  
но, как прежде,  
                    рвущийся в борьбу...  
И как будто  
                    встретились два брата.  
Обнялись.

Стоят к щеке щека...

Не было  
                    вождя здесь и солдата,  
были  
                    два борца-большевика!

ЛЕНИН  
И  
НАРОД



М. Исаковский

## ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

(Деревенская быль)

У нас в районе и сейчас  
Живёт и будет жить вовеки  
Простой, бесхитростный рассказ  
О справедливом человеке.

Его припомнит вам любой,  
Расскажет тихими словами,  
И Ленин — близкий и родной —  
Как будто сядет рядом с вами.

### 1.

В тот боевой и славный год,  
За тыщи долгих лет впервые,  
И власть, и землю брал народ,  
И счастье в руки трудовые.

А здесь, в глухом селе Ключи,  
Лишь с кривдой были мы знакомы.  
А здесь творили богачи  
Свои особые законы.

У них во всём — своя рука,  
Они везде найдут основу.  
И сельсовет у мужика  
Забрал последнюю корову.

Остался двор совсем пустой,—  
Один петух стоит на страже...  
Хозяин ходит сам не свой,—  
Куда пойдёшь, кому расскажешь!

Его и слушать не хотят:  
Мол, хватит нам с тобой возиться...  
Да тут в село один солдат  
Пришёл с передовых позиций.

Я — говорит он,— научу,  
Где правду отыскать людскую.  
Ты,— говорит он,— Ильичу  
Пиши записку докладную.

Пиши подробно: так и так,  
Мол, всё пошло бы в лучшем виде,  
Да власть у нас забрал кулак,  
И мужики — в большой обиде.

Товарищ Ленин разберёт  
И в долгий ящик не положит.  
Горой стоит он за народ  
И мужику всегда поможет.

Он человек такой души,  
Какой не сыщешь в целом свете.  
Ты только сядь да напиши,  
А он уж знает, что ответить.

А если сам ты не горазд,  
Пера не брал, быть может, в руки,  
Так я тебе составлю враз,  
Как полагается в науке.

Недаром я на свете жил,  
Понятна мне твоя кручина...—  
Солдат писал, мужик светил  
Сухой берёзовой лучиной.

Он так и так возился с ней  
И повторял всё ту же фразу:  
— Ты не мельчи... Пиши крупней,  
Чтоб Ленин всё увидел сразу...

## 2.

Заглянет вечером сосед,  
Поговорит про то, про это  
И спросит вдруг:— Ну, как ответ?  
Да и не зря ль ты ждёшь ответа?  
Не выйдет, видно, ничего,—  
Поторопился ты некстати:  
Без нас с тобою у него  
Про каждый день заботы хватит...

А богачи, срывая злость,  
Заводят речь при всём народе:  
— Смотри, запеть бы не пришлось,  
Как солнце всходит и заходит.



Товарищ Ленин — главный вождь,  
За всю державу отвечает,  
А ты с коровой пристаёшь,  
А что́ корова означает?

И сердце падает опять,  
Опять сомненье душу гложет:  
Быть может, лучше б не писать,  
Себя напрасно не тревожить!

Но на своём стоит солдат,  
Не уступает, не сдаётся:  
— Готов я биться об заклад,  
Что молоко к тебе вернётся!

Товарищ Ленин — он такой,  
Что силы слабому прибавит,  
А кто упал — своей рукой  
Поднимет, на ноги поставит...

Но дни идут, проходят зря,  
Летят вперёд неудержимо.  
Взойдёт заря, зайдёт заря,  
А почта проезжает мимо...

### 3.

Это явь или только во сне!  
Всё село говорит об этом:  
Нáрочный, в ночь, на коне  
Прискакал из уезда с пакетом.

Ленин прислал приказ —  
Строгий, короткий, точный:  
«Корову вернуть тотчас  
И донести мне срочно».

Всех виноватых — под суд,  
Раз не по-честному жили,  
Пусть, — говорит, — понесут  
Всё, что они заслужили.

Ходят весь день мужики,  
Словно на праздник, по хатам.  
Стали и ноги легки,  
Стали и думы крылаты.

Те, что молчали весь век,  
Сделались вдруг говорливы:  
— Вот он родной человек,  
Вот он, какой справедливый!

#### 4.

Так говорят у нас в селе  
Про Ильича, про жизнь былую...  
В какой стране, на чьей земле  
Вы правду сыщете такую?!

Е. Мирер

### МАЛЕНЬКОМУ ДРУГУ

В 1917 году Временное правительство по всей России разыскивало Ленина. А Владимир Ильич скрывался в столице Финляндии Гельсингфорсе. Парик и грим сделали своё доброе дело, и Владимир Ильич выглядел сейчас на десять — пятнадцать лет моложе. Он был совершенно неузнаваем. Да и кто бы мог догадаться, что этот молодой на вид Константин Петрович Иванов, рабочий Сестрорецкого оружейного завода, и есть не кто иной, как сам Ленин!

Сперва Ильич проживал в квартире у финского большевика Густава Ровио, который в это время исполнял обязанность начальника гельсингфорской милиции и за это в шутку был прозван друзьями «полицмейстером».

Но, так как оставаться долго на одном месте было опасно, Ленин перебрался на другую квартиру, в рабочий квартал на окраине города.

Однажды Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, которая приехала его навестить, зашли на старую квартиру к Густаву Ровио. У товарища Ровио была хорошая домашняя библиотека, в ней было много необходимых Ленину для работы книг и брошюр. И хотя Владимир Ильич переселился на другую квартиру, он продолжал пользоваться этой библиотекой. Сегодня Владимиру Ильичу понадобилась его брошюра, которую он должен был послать в Петроград своей сестре Марии Ильичне.

Владимир Ильич стоял у шкафа и перебирал книги. В это время в комнату вбежал трёхлетний сынишка Густава Ровио — полный, загорелый, вихрастый мальчуган, недавно вернувшийся из деревни. Как только Ильич заметил ребёнка, он сразу оторвался от книг, предоставив их Надежде Константиновне, взял мальчика на руки и стал с ним играть. Мальчик не понимал ни слова по-русски, но зато Ленин, живя в Финляндии целый месяц, уже знал много финских слов. А там, где этих слов не хватало, их

с успехом заменял заразительный звонкий смех. Стоило только трёхлетнему мальчику засмеяться, смеялся и Владимир Ильич. И они прекрасно понимали друг друга без слов. Ильич и трёхлетний мальчик, как два товарища, играли в прятки, в жмурки, в салки.

Ровио был поражён. Казалось, в эту минуту Ленин забыл даже о цели своего прихода в квартиру на Хагнесской площади.

\* \* \*

Наступило лето 1921 года. В Москву на III конгресс Коммунистического Интернационала съехались делегаты из сорока восьми стран мира. И среди делегатов финского народа был товарищ Ровио.

Работой конгресса руководил Ленин, и товарищ Ровио с нетерпением ждал его появления.

Ровио думал, что Ленин выйдет богато одетым, парадным. А тем временем Владимир Ильич, в простой одежде, сидел на ступеньках трибуны президиума и писал что-то в тетради. Густав Ровио сразу узнал Владимира Ильича, но никак не мог решиться подойти к Ленину — ведь он очень занят. Поэтому Густав Ровио и держался в стороне и, наблюдая за Лениным, мысленно сравнивал его с тем Константином Ивановым, который скрывался у него в Гельсингфорсе в семнадцатом году. Тогда, в семнадцатом году, Ленин был в парике, борода и усы были сбриты. Поэтому сейчас он разглядывал Ильича с особым вниманием, и его как-то удивляло, что у Ильича имеются борода и усы, а голова вся лысая.

В перерыве между заседаниями конгресса Владимир Ильич сам подошёл к товарищу Ровио. У старых друзей завязалась беседа.

— Как растёт мой маленький друг?— прежде всего спросил Ильич.

Густав рассказал Ленину о своём горе: жена умерла, и мальчик осиротел.

— Он очень скучает,— добавил Ровио.— Ума не приложу, чем и как его развлечь.

— Вашему сыну, вероятно, уже исполнилось семь лет. Когда мы с ним виделись, ему было всего три года. Так?

Ленин достал из кармана свою записную книжку и что-то вписал в неё.

«И это он помнит!»— с благодарностью думал Ровио, глядя на Владимира Ильича.

Но тут Густаву Ровио пришлось отвлечься от размышлений, так как разговор сразу перешёл на другие темы. А их было так

много в то незабываемое время, когда события истории сменялись с удивительной быстротой.

Но даже самые большие, самые острые вопросы жизни государства, даже самые сложные размышления Ленина о путях к полной победе рабочего класса на всех материках земного шара не могли вытеснить из его большой человеческой души заботу о маленьких детях.

Густав Ровио в этом вскоре убедился.

Наступила осень. И вот однажды Ровио сообщили, что ему пришла посылка от Ленина. «От Ленина посылка!— удивился Ровио.— Что бы это могло быть?»

Он поспешил домой и увидел аккуратно перевязанный свёрток с надписью: «Товарищу Ровио от Председателя Совнаркома В. И. Ленина».

С волнением распаковывал Ровио посылку из Кремля. И что же в ней оказалось? Изящно сделанная маленькая металлическая игрушечная пушечка, детский автомобиль и два ящика складных деревянных игрушек, из которых можно было строить колодцы, крепости, корабли и многоэтажные дома с башнями. Это был подарок Ленина своему маленькому гельсингфорскому другу.

П. Замоиский

## ПИСЬМО ИЛЬИЧУ

(Отрывок из рассказа)

«...Это я тебе пишу, дяденька, я, Прошка, Парфёна Дудкина сын.

Ты живёшь там, в городе, а я тут с тяткой в деревне маюсь. А деревня наша большая, от города далеко. А у тятки грыжа выходит наружу. А мамка всё лежит да охает, а хлеба у нас совсем нет, и есть нам нечего, а богачи нам не дают. Мамка попадье портки не стирает, руки у ней нарвали, а нас всё по своей улице побираться прогоняет. Нынче гнала, а я не пошёл. Гришка пошёл. А тятка наш, Парфёном его зовут,— может, и слышал,— с грыжей всё возится. Да он у нас какой-то вялый и всю жизнь согнувшись ходит. Теперь он уже не ходит, а лежит. Бывало, спросишь: «Тятя, ты что так ходишь?», а он: «Нужда, сынок, на плечах».

Ты там, дяденька, я знаю, распоряжение дал, чтоб нам землю дали,—её нам дали, это верно, только она без толку. Мерин ведь у нас перед самым севом, давно ещё сдох. Так-то был худой, а теперь и никакого нет-то у нас ни мерина, ни коровы. И чего мы будем делать — не знаем сами. В совете советники нам не помогают, а отец всё лежит и ждёт какого-то «времени» и богу молится, а я ему и говорю: «Время пришло, а в бога не верь: бог — это обман». Тятка ругается».

Прошка остановился, глаза застлала мгла. Весь он качнулся вперёд, вспыхнул и сквозь слёзы:

«Тяжело мне, дяденька, вот как тяжело! Мне вот 12 лет, а нужно хозяйничать. Нас в семье «агафон» целый, и все просят хлеба. Чего делать мне, и не знаю. Братья на фронте. И вся-то моя надежда на тебя. Оттого тебе и пишу. Ты ведь поймёшь. Ты — уж я-то знаю — добрый.

Ещё я тебе пишу вот что: я тебя часто в совете у нас на картинке вижу. Ты лысый, а борода у тебя небольшая, а один глаз прижмуренный.

Вот что, дяденька Ленин; если в случае тебя отпустят или сам отпросишься, то выбери время как-нибудь там весной и приезжай к нам в деревню. Зимой не езд: деревня наша далеко от города, и если поедешь в санях, обязательно простудишься аль отморозишь руки и уши. Как приедешь, так прямо к нам. У нас хоть самовара и нет, ну да найдём. Чать, дадут шабры... Вот изба только у нас по-чёрному, но ты как-нибудь не измарашься. Приедешь — я много-много кое-что шепну на ухо. Я уж знаю это. Я вот иногда сижу один и думаю, и обязательно чего-нибудь надумаю. Говорить мне тут не с кем, отец неразговорчивый, мать всё ругается.

Отсюда до станции мы отвезем тебя на телеге. Я сам отвезу тебя на чьей-нибудь подводе, а может председатель и очeredную даст. Не даст — я после кому-нибудь отработаю за лошадь.

Дяденька, а я тебя—только ты чу! —во сне часто вижу. Что это такое? Ты, поди, веришь в сны, а я вот и не верю. Вчера мамка меня ругала. «Ты,—говорит,—уши пропел со своим Лениным. Молись на него. Может, он тебе хоть фунт соли пришлёт. Ты её, дяденька, прости. Баба она тёмная, непонимающая в грамоте и сроду не училась».

На кровати завозились ребятишки. Один из них что-то забормотал. Вzybке запищал ребёнок.

Проснулась мать.

Прошка сложил письмо и уткнулся в книгу.

Мать вскинула сонными глазами:

— Ты что делаешь там?

— Читаю.

— Вторые петухи орут. Ложись спать.

— Сейчас, мама.

Мать закрыла глаза, а Прошка продолжал:

«Э-эх, горе! А видно, уж поздно. Ну, вот что: приезжай. Меня ты живо найдёшь. Я лопухий такой, маленький. Коль не выберешь время, письмо шли. Мы с тобой письма будем друг дружке слать. Пиши больше — всё разберу.

— Ну, вот что, дяденька,—это я тебе на ухо — у меня в голове одно: вырасту большой — впишусь в партию и буду драться с нуждой.

Нужда — это буржуй.

Вот и всё.

Адрес мой: село Соболевка, Чембарского уезда, Пензенской губернии, Парфёна Дудкина сыну Прошке.

Приезжай, я жду.

Вот!

Писал и сочинял тебе

Прошка.»

Он несколько раз передохнул запалой грудью, пробежал письмо, что-то вычеркнул, вписал, слепил из бумаги конверт, положил сажу в чернильницу, помешал и уже пером написал:

«В Москву, получить Ленину».

Утром, до рассвета, шмыгнул к почте, опустил в ящик, облегчённо вздохнул, прибежал домой и стал ждать.

Он был уверен, что дядя Ленин обязательно ему ответит. Ведь он в письме всю правду написал, всю душу выложил.

Ответит!

И... чудо! От такого чуда у Прошки заклокотало в груди. Он ног под собой не чувствовал, когда за ним и за его отцом пришли — звать в Совет.

— Бумага вам от Ленина.

В Совете стоял человек в кожаной куртке. Он, улыбнувшись и Прошке и его отцу, прочитал:

Чембарскому уисполкому  
Пензенской губернии

Прошу обратить самое серьёзное внимание на бедственное положение крестьянина села Соболевки, Дудкина Парфёна. Выдайте ему из Собеса одежду и лошадь, как семье красноармейца. Из Уземотдела отпустите леса, из Упродкома — хлеба.

Сына его Прокофия отправьте в городскую школу первой ступени на государственное содержание. Также обратите серьёзное внимание на действия местной власти и на её отношение к беднякам. Об исполнении донесите мне.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)

Уже будучи в городе, долго, бывало, после занятий Прошка всё глядел и не мог наглядеться на портрет дорогого дяди Ленина.

А если кто-нибудь заговаривал о Ленине в укоме или союзе молодёжи, у Прошки топырились уши, он весь краснел и впивался глазёнками в говорившего...

## АННА СНЕГИНА

(Отрывок из поэмы)

Ну вот и Криуша...  
Три года  
Не зрел я знакомых крыш,  
Сиреневая погода  
Сиренью обрызгала тишь.  
Не слышно собачьего лая,  
Здесь нечего, видно, стеречь —  
У каждого хата гнилая,  
А в хате ухваты да печь.  
Гляжу, на крыльце у Прона  
Горластый мужицкий галдёж.  
Толкуют о новых законах,  
О ценах на скот и рожь.  
«Здорово, друзья!» —  
«Э, охотник?!  
Здорово, здорово!  
Садись!  
Послушай-ка ты, беззаботник,  
Про нашу крестьянскую жисть.  
Что нового в Питере слышно?  
С министрами, чай, ведь знаком?  
. . . . .  
. . . . .  
Но всё ж мы тебя не порочим.  
Ты свойский, мужицкий, наш,  
Бахвалишься славой не очень  
И сердце своё не продашь.  
Бывал ты к нам зорким и рьяным,  
Себя вынимал на испод...  
Скажи:  
Отойдут ли крестьянам  
Без выкупа пашни господ?  
Кричат нам,  
Что землю не троньте,  
Ещё не настал, мол, миг.  
За что же тогда на фронте  
Мы губим себя и других?»  
И каждый с улыбкой угрюмой  
Смотрел мне в лицо и в глаза.  
А я, отягчённый думой,  
Не мог ничего сказать.  
Дрожали, качались ступени,

Но помню  
Под звон головы:  
«Скажи,  
Что такое Ленин?»  
Я тихо ответил:  
«Он — вы».

Е. Мар

## РАНЕНИЕ

Шёл полный тревог 1918 год. Тридцатого августа на посту №27 стоял латышский стрелок. Вот уже несколько часов Владимира Ильича не было ни в квартире, ни в кабинете. Это тревожило часового.

Обстановка в Москве была в те дни беспокойная. Накануне в Петрограде враги убили видного деятеля партии Урицкого, и, опасаясь за жизнь Владимира Ильича Ленина, близкие и друзья советовали ему побережься, не покидать Кремль в эти дни.

Однако Владимир Ильич дорожил встречей с рабочими. И 30 августа он выступал в Басманном районе, а затем в Замоскворечье, на заводе Михельсона.

После митинга Ленин простился с рабочими и пошёл к поджидавшей его машине. Шофёр Гиль уже завёл мотор.

Какой-то человек, одетый в форму матроса, встал у входа, расставил руки, чтобы задержать людей, которые провожали Ленина. Рабочие думали, что этот человек охраняет Ильича, и послушно остановились.

На какое-то мгновение Ленин остался один.

К Владимиру Ильичу подошли две работницы и стали с ним разговаривать. И в то же время один за другим раздались несколько выстрелов. Ленин упал.

Шофер Гиль заметил худую высокую женщину, стоявшую поодаль. Он видел — это она стреляла в Ленина.

Женщина, бросив оружие, побежала.

Гиль нагнулся к лежащему на земле Ленину. Поднял Владимира Ильича и бережно усадил в машину. Ему помогали рабочие, члены заводского комитета завода Михельсона и работник военного комиссариата, который присутствовал на митинге.

Ленин был в сознании и сказал:

— Домой, домой!..

Когда машина приехала в Кремль, Владимир Ильич сам поднялся по крутой лестнице на третий этаж.

В квартире уже были близкие Ленина. Прибежал комендант Кремля Мальков. Пришли народные комиссары. Ведь как раз в это время должно было начаться заседание Совета Народных Комиссаров под председательством Владимира Ильича.



Обычно плотно прикрытая дверь в квартиру Ленина была на этот раз раскрыта настежь. Перед дверью на посту стоял латышский стрелок. Крепко, до боли в руках, сжимал он винтовку.

Врачи осмотрели Ленина. Он был ранен двумя пулями в левое плечо, одна из них задела верхушку лёгкого и прошла в шею. Как оказалось потом, пули были отравлены ядом. Они имели надрезанные головки и должны были разорваться, если бы попали в кость.

Стреляла в Ленина Фанни Каплан. Партия эсеров поручила ей убить Ленина.

Эта партия хотела свергнуть Советское правительство и восстановить в стране власть помещиков и кулаков, заводчиков и фабрикантов.

Каплан пыталась скрыться, но её задержали у трамвайной остановки.

Первыми опознали злодейку заводские ребята, дети рабочих. Они видели, как Каплан стреляла, и помогли рабочим поймать преступницу.

— Вот эта, эта! — показали они на Каплан.

Каплан тут же была арестована. И вскоре приговорена к расстрелу.

Был арестован и её пособник, который задержал рабочих у входа.

Третья пуля, направленная в Ленина, оказывается, ранила в грудь и руку одну из женщин, которая беседовала с Владимиром Ильичём после его выступления на митинге. Это была Мария Григорьевна Попова, сестра-хозяйка из соседней больницы.

По распоряжению Ленина, Марию Григорьевну лечил тот же врач, который лечил его самого. Владимир Ильич постоянно интересовался состоянием здоровья Поповой.

Через много лет Мария Григорьевна писала о пережитом:

«Я счастлива, что смогла своим телом загородить Владимира Ильича хоть от одной пули».

Тяжело переживали ранение Ленина часовые Кремля — латышские стрелки.

Зато как радовались эти обычно сдержанные, молчаливые люди, когда здоровье Ленина пошло на поправку.

Часовые обычно узнавали о состоянии Ленина ещё в каральном помещении.

Сменится часовой, а товарищи к нему с вопросами:

— Ну, как Владимир Ильич? Как его самочувствие? Температура?

И облегчённо вздыхали, узнав, что Владимир Ильич чувствует себя лучше, что ему разрешено читать и вставать с постели.

И вот наконец наступил радостный день, когда часовой на посту №27 снова услышал знакомый голос Ленина:

- Здравствуйте, товарищ стрелок!
- И, волнуясь, часовой ответил чуть громче обычного:
- Здравствуйте, товарищ Ленин!

Е. Смирнова

## У БОЛЬНОГО ИЛЬИЧА

Я была работницей на золотошвейной фабрике № 36 в Москве, а всего я уже работаю на производстве 18 лет.

Прошлый год (1923) в марте месяце заведующая мастерской и говорит мне:

— Я хочу тебя послать работать по дому к Владимиру Ильичу.

Я начала сильно отказываться. Не служила никогда в домашних-то работницах, думаю, не ужогу, а может быть, требования будут.

— Я,— говорю,— вот и готовить-то ничего не умею, разве, что простое...

— Ничего,— говорит заведующая,— ты не бойся, люди они простые, а Владимиру Ильичу надо помочь, это-то ты сможешь.

Уговорила, пошла. С первого же разу увидела, что напрасно боялась. Семья простая, всё попросту, с нами, домашними работницами, просто держатся, так что легко себя чувствуешь.

А уж Владимир Ильич — что и говорить! Правда, больного я его уже застала, и говорить-то он уже не мог. И то пройдёт, бывало, мимо — всегда сам первый поклонится, приветливо так улыбнётся.

Киносеансы устраивали для него иногда, так всегда меня позовёт, знал, что я их очень люблю.

Такой внимательный...

А уж кто бы ни приехал, он всегда мне скажет, чтобы покормила гостя.

Помню, как он был доволен, когда к нему делегация от рабочих приезжала...

А уж как он был внимателен к Надежде Константиновне и Марии Ильиничне — всё время, бывало, следит за ними, чтобы не устали... К Надежде Константиновне-то из города из Политпросвета на заседания всё приезжали. Так он, бывало, спустится сверху, чтобы посмотреть на Надежду Константиновну. А уж если она отдыхает или Мария Ильинична, так он на цыпочках ходит мимо их комнат, чтобы не разбудить...

Летом любил по грибы ходить. Как утро — встанет и просит у меня корзиночку... И пойдут, бывало, с Марией Ильиничной или с Надеждой Константиновной, а то все втроём...

И цветы любил, только не садовые, а полевые... На садовые

и смотреть не хотел, рукой только махнёт, когда покажешь ему...

Сразу всем веселее становилось, когда Владимир Ильич лучше себя почувствует. «Ну,— думаем, бывало, мы,— выходи-ли!» А чуть похуже — и мы все ходим с опущенными головами, всем грустно делается.

Так и жили мы — то в огорчении, то в радости да в надежде...

Уж того тяжёлого дня, когда умер Владимир Ильич, и никогда не забудем.

Утром, как всегда, подала я ему кофе, а он поклонился приветливо и прошёл мимо стола, пить не стал, ушёл к себе в комнату и лёг. Я ждала его до четырёх часов с горячим кофе, всё думала — проснётся, выпьет. А уж ему плохо стало.

Спросили у меня горячие бутылки... Пока их наливали да принесли, они уже не нужны ему были...

Вбежала я наверх, смотрю — Мария Ильинична стоит сама не своя, чёрная какая-то. Вижу, что плохо...

— Что с вами?—спрашиваю её.

— Наш Володя безнадежен, —только и сказала.

Я стала её успокаивать. Выбежала она в соседнюю комнату — заплакала.

Тогда я вбежала к Владимиру Ильичу и вижу... Ох, не забыть мне всего этого, дорогие товарищи работницы!

Смотрю: все врачи схватились за голову, а санитары по углам — все плачут. Вошла я в комнату... Сидит Надежда Константиновна у него на постели и держит ему руку...

Ох, и тяжело было на эту картину смотреть! Повсюду в углах раздавался плач... Все хмурые...

Взойдя наверх, посмотрю—тяжело! Спущусь вниз — ещё тяжелее... Места не находила...

А тут стали из деревень, из города приезжать... Ещё тяжелее стало...

Осиротели мы теперь... Особенно Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Слезы у меня навёртываются, когда смотрю на них... Теперь уж так около них и буду...

Беспартийная я была, а теперь вступила в партию, в ленинский набор.

А. Аросев

### **«НУ ЧТО, КАК ИЛЬИЧ!»**

С чего началось это?

Летом 1922 года приехал ко мне за границу — тогда я жил там — один товарищ. Поговорили о разных делах. Спросил я его, как Ленин смотрит на то, на это.

— Ленин?—спросил меня товарищ и как-то непонятно замолчал.

— Да, Ленин.

И лицо моего приятеля, и всё его поведение, и какая-то затруднённая в ответах сразу голкнули под сердце острый ледок.

— Что же с Ильичём?

— Удар,— ответил товарищ.

— Это достоверно?

— Да! Самые верные источники.

Позднее, летом того же года, приезжали из Москвы другие товарищи, опять рассказывали о Ленине.

Вот тогда и началось это.

— Ну что, как Ильич?

Не здоровались и не прощались, не задав этого вопроса.

А голод гулял по необъятной Руси, продолжал приговаривать к смерти людей тысячами... И болезнь в кровеносных сосудах Владимира Ильича упорно продолжала своё дело вопреки самым энергичным мерам лечения.

Приехал в Россию. Глубокая осень. Ещё на вокзале увидел знакомых:

— Ну что, как Ильич?

— Поправляется.

— Достоверно?

— О да, конечно.

Прошло много дней после этого. Все чаще и чаще слышал я вокруг себя:

— Ну что, как Ильич?

Однажды вечером сам спросил одного чекиста.

— А так, что он завтра выступает во ВЦИК.

И при свете кремлёвского фонаря лицо его сияло большой радостью.

Ленин действительно выступал 31 октября 1922 года на IV конгрессе Коммунистического Интернационала с докладом на тему: «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции».

Заглядывал в зал. Там было много иностранцев, звучал разный говор. Трибуна пуста.

За столом президиума ни души. Видно, заседание ещё не открывалось. Опять я в коридор. Из соседней к залу комнатки — стук машинок: отбивают так великому всесокрушающему времени. Кто-то в военной форме быстро прошёл по коридору. Где-то у окна сказали: «Сейчас идёт». Я оглянулся было на того, кто это сказал, но вдруг увидел, как головы всех товарищей повернулись к двери.

Быстрыми шагами, пальто внакидку, на голове шапка-ушанка, шёл Ленин, а с ним обе сестры, жена и итальянец Бордига. С итальянцем он что-то говорил по-французски. Раза два поклонился кому-то.

Он, он самый, прежний: рыжеватые усы и борода, очень

живые глаза, которые издали кажутся раскосыми, а поближе — словно переливчатые самоцветы, и густые брови... А лицо, всё сеченное морщинками, словно кусок, выбитый из каменоломни.

Ленин сбросил на стул пальто и шапку и поспешно встал у кафедры, так что никто из членов президиума не успел сесть за стол и открыть заседание. И только когда порывисто заплескались сотни рук, когда ни один из присутствующих ничего не мог вымолвить и сквозь радостную пелену влаги, окутавшую глаза, только хлопал и хлопал в ладоши, когда даже красноармеец, стоявший на пропусках, в радостной растерянности пропустил двух-трёх, не спросив с них мандата, из комнаты справа к столу по одному поспешно собрались члены президиума.

Ленин был очень смущён. Чтобы чем-нибудь заняться у кафедры, он стал перебирать листочки. Потом попробовал откашляться, чтобы говорить. Тогда хлопки полетели с удвоенной силой. Ленин, порывшись в карманах, начал доставать носовой платок. Потом опять кашлянул, собираясь начать речь, но тут аплодисменты вдруг оборвались и грянул на разных языках стройно и гулко «Интернационал».

Ленин склонил несколько голову направо, слегка набок, и смотрел неподвижно в правый край пюпитра. Глаза его вдруг стали большими и очень ясными.

Последние раскаты «Интернационала» укатились куда-то под подоконник огромного окна.

Ленин быстрым и властным движением провёл вправо, влево, по своим усам и начал свою речь по-немецки.

Сначала осторожно, видно, соразмерял свои силы. Потом он загорячился. Если, забыв отдельные немецкие слова, подщёлкивал пальцами, чтобы вспомнить, то из первых рядов и из президиума вперебой подсказывали нужные слова. Некоторые подсказки он отвергал и искал выражений более тонких, более точных.

— Что делается: совсем прежний Ильич!

— Да, да! — подтвердил я.

В середине речи у Ленина наступил какой-то перелом: он, видимо, стал уставать. Голос становился глуше, и реже он подщёлкивал пальцами: должно быть, труднее становилось заострять свою мысль.

После доклада он опять накинул пальто, надел шапку и хотел идти. Но вокруг него суетились товарищи и просили его сняться со всеми вместе.

— Опять сниматься? — спросил Ленин. — А где же фотограф?

— Сейчас, сейчас, — отвечали суетившиеся товарищи.

Кто-то звонил по телефону, вызывая фотографа.

Кто-то негодовал на то, что кто-то ещё не сдержал обещания, кому-то данного.

А Ленину все говорили:

— Сейчас, Владимир Ильич, сейчас, погодите...

И ещё ждал Владимир Ильич. Потом прищурил глаза и весело заметил:

— Вы только тумашитесь, а фотографа-то нет!

Что-то ещё сказал такое весёлое, что все смеялись, и пошёл к выходу из зала, пробиваясь правым плечом из толпы.

И когда на другой день приехавший провинциал меня спросил: «Ну что, как Ильич?» — я с радостью сообщил ему, что сам его слышал.

И стало ничуть не жутко и спрашивать и слышать:

— Ну что, как Ильич?

По-прежнему Ильич с нами, по-прежнему старается осветить нам дорогу и даёт формулу для современности.

Но всёиспепеляющее время! Всесильные кровеносные сосуды и бессильные немецкие лекарства...

— Ну что, как Ильич? — спросил я однажды, ожидая хорошего ответа.

— Плохо. Кажется, опять удар. Приходите сегодня на заседание Моссовета, там будет сообщение.

Прихожу. Опоздал. Народ толпится в коридорах.

О здоровье Ильича уже доложили.

Спрашиваю у одного, что было сказано.

— Сказали, что Ильич скоро поправится и будет в наших рядах.

— Как?

Недоумеваю и иду к другому.

— Ну что, как Ильич?

— Сообщили, что опять удар; завтра выйдет бюллетень.

Опять иду к первому товарищу.

— Что же вы мне неверно сообщили: ведь Ильич опять плох.

— Ничего подобного. Скоро будет в наших рядах, так сообщали.

— Товарищ, да вы точно ли слышали?

— Да уж чего точнее?! Скоро будет среди нас!

На другой день вышел бюллетень, который не оставлял сомнений: с Ильичём снова удар.

Но что же за загадка тот товарищ, который упрямо излагал сообщение, сделанное на заседании Моссовета, наоборот?

Долго я был в недоумении, пока не попал на одно рабочее собрание. Там упорно говорили то же, что и тот странный товарищ.

— Ильич скоро будет среди нас.

Обращаюсь к секретарю райкома, который был тут же.

— Почему это искажают информацию об Ильиче?

— Вовсе не искажают, — ответил серьёзно и вдумчиво сек-

ретарь.— Пролетариат хочет, чтобы Ильич был с ним, поэтому он это и утверждает. С этого его не собьёшь.

Вот оно что! Наперекор склерозу кровеносных сосудов, наперекор всепоглощающему времени пролетариат хочет, чтобы Ильич был с ним, и утверждает это.

И опять всюду, везде, всё чаще и чаще:

— Ну что, как Ильич?

Н. Островский

### **«ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ...»**

(Отрывок из романа «Как закалялась сталь»)

Ледяной стужей ознаменовал своё вступление в историю тысяча девятьсот двадцать четвёртый год. Рассвирепел январь на занесённую снегом страну и со второй половины завыл буранами и затяжной метелью.

На юго-западных железных дорогах заносило снегом пути. Люди боролись с озверелой стихией. В снежные горы врезались стальные пропеллеры снегоочистителей, пробивая путь поездам. От мороза и вьюги обрывались оледенелые провода телеграфа, из двенадцати линий работало только три: индо-европейский телеграф и две линии прямого провода.

В комнате телеграфа станции Шепетовка-1 три аппарата Морзе не прекращают свой понятный лишь опытному уху неуслышанный разговор.

Телеграфистки молоды, длина ленты, отстуканной ими с первого дня службы, не превышает двадцати километров, в то время как старик, их коллега, уже начал третью сотню километров. Он не читает, как они, ленты, не морщит лоб, складывая трудные буквы в фразы. Он выписывает на бланки слово за словом, прислушиваясь к звуку аппарата. Он принимает по слуху: «Всем, всем, всем!»

Записывая, телеграфист думает: «Наверное, опять циркуляр о борьбе с заносами». За окном вьюга, ветер бросает в стекло горсти снега. Телеграфисту почудилось, что кто-то постучал в окно, он повернул голову и невольно залюбовался красотой морозного рисунка на стёклах. Ни одна человеческая рука не смогла бы вырезать этой тончайшей гравюры из причудливых листьев и стеблей.

Отвлечённый этим зрелищем, он перестал слушать аппарат и, когда отвёл взгляд от окна, взял на ладонь ленту, чтобы прочесть пропущенные слова.

Аппарат передавал:

«Двадцать первого января в шесть часов пятьдесят минут...»

Телеграфист быстро записал прочитанное и, бросив ленту, оперев голову на руку, стал слушать.

«Вчера в Горках скончался...» Телеграфист медленно записывал. Сколько в своей жизни прослушал он радостных и трагических сообщений, первым узнавал чужое горе и счастье. Давно уже перестал вдумываться в смысл скупых, оборванных фраз, ловил их слухом и механически заносил на бумагу, не раздумывая над содержанием.

Вот сейчас кто-то умер, кому-то сообщают об этом. Телеграфист забыл про заголовок: «Всем, всем, всем». Аппарат стучал. «В-л-а-д-и-м-и-р И-л-ь-и-ч», — переводил стуки молоточка в буквы старик-телеграфист. Он сидел спокойно, немного усталый. Где-то умер какой-то Владимир Ильич, кому-то он напишет сегодня трагические слова, кто-то зарыдает в отчаянии и горе, а для него это всё чужое, он — посторонний свидетель. Аппарат стучит точки, тире, опять точки, опять тире, а он из знакомых звуков уже сложил первую букву и занёс её на бланк — это была «Л». За ней он написал вторую — «Е», рядом с ней старательно вывел «Н», дважды подчеркнул перегородку между палочками, сейчас же присоединил к ней «И» и уже автоматически уловил последнюю — «Н».

Аппарат отстукивал паузу, и телеграфист на одну десятую секунды остановился взглядом на выписанном им слове — «Ленин».

Аппарат продолжал стучать, но случайно наткнувшаяся на знакомое имя мысль вернулась опять к нему. Телеграфист ещё раз посмотрел на последнее слово — «Ленин». Что? Ленин? Хрусталик глаза отразил в перспективе весь текст телеграммы. Несколько мгновений телеграфист смотрел на листок, и в первый раз за тридцатидвухлетнюю работу он не поверил записанному.

Он трижды бегло пробежал по строкам, но слова упрямо повторялись: «Скончался Владимир Ильич Ленин». Старик вскочил на ноги, поднял спиральный виток ленты, впился в неё глазами. Двухметровая полоса подтвердила то, во что он не мог поверить! Он повернул к своим товаркам помертвелое лицо, и они услышали его испуганный вскрик:

— Ленин умер!

Весть о великой утрате выскользнула из аппаратной в распахнутую дверь и с быстротой выюжного ветра заметалась по вокзалу, вырвалась в снежную бурю, закружила по путям и стрелкам и с ледяным сквозняком ворвалась в приоткрытую половину кованых железом депоовских ворот.

В депо над первой ремонтной траншеей стоял паровоз, его лечила бригада лёгкого ремонта. Старик Полентовский сам залез в траншею под брюхо своего паровоза и показывал слесарям больные места. Захар Брузжак выравнивал с Артёмом вогнутые переплёты колосников. Он держал решётку на наковальне, подставляя её под удары молота Артёма.



Захар постарел за последние годы, пережитое оставило глубоко рытвину — складку на лбу, а виски посеребрила седина. Ссутулилась спина, и в ушедших глубоко глазах стояли сумерки.

В светлом прорезе деповской двери промелькнул человек, и предвечерние тени поглотили его. Удары по железу заглушили первый крик, но, когда человек добежал к людям у паровоза, Артём, поднявший молот, не опустил его.

— Товарищи! Ленин умер!

Молот медленно скользнул с плеча, и рука Артёма беззвучно опустила его на цементный пол.

— Ты что сказал?—рука Артёма сгребла клещами кожу полушубка на том, кто принёс страшную весть.

А тот, засыпанный снегом, тяжело дыша, повторил уже глухо и надорванно:

— Да, товарищи, Ленин умер.

И оттого, что человек уже не кричал, Артём понял жуткую правду и тут разглядел лицо человека: это был секретарь партколлектива.

Из траншеи вылезали люди, молча слушали о смерти того, чьё имя знал весь мир.

А у ворот, заставив всех вздрогнуть, заревёл паровоз. Ему отозвался на краю другой, третий... В их мощный и напоённый тревогой призыв вошёл гудок электростанции, высокий и пронзительный, как полёт шрапнели. Чистым звоном меди перекрыл их быстроходный красавец «С»—паровоз готового к отходу на Киев пассажирского поезда...

Депо наполняли люди. Они вливались во все ворота, и, когда большое здание было переполнено, в траурном молчании раздались первые слова.

Говорил секретарь Шепетовского окружкома партии, старый большевик Шарабрин.

— Товарищи! Умер вождь мирового пролетариата Ленин. Партия понесла невозвратимую потерю, умер тот, кто создал и воспитал в непримиримости к врагам большевистскую партию... Смерть вождя партии и класса зовёт лучших сынов пролетариата в наши ряды...

К. Левин

## НАРОД И ЛЕНИН

Рано утром меня разбудил телефонный звонок. Было ещё темно. Старший редактор РОСТА, где я тогда работал,—его голос звучал сдавленно и как-то необычно,—сказал:

— Сейчас же приезжайте в редакцию. Поедете в Горки. Умер Ленин. Трубка по ту сторону провода сухо стукнула.

Было очень страшно. Я бежал по улицам — с Арбата на Маросейку, забыв, что существуют трамваи. В ужасе смотрел на прохожих — они шли спокойно: вероятно, ещё не знали... А может быть, ошибка?

Редактор сидел у себя за столом. На лице было каменное спокойствие. Протянул мне служебное удостоверение.

— Если удастся, телефонируйте из Горок. Во всяком случае, возвращайтесь с материалом. Только скорее.

Я в первую минуту не понял его. Какой материал? Умер Ленин, и вдруг какой-то материал?

Павелецкий вокзал. На платформах мечутся люди. Говорят шёпотом. Растерянные лица. Железнодорожник смотрит на меня непонимающими глазами и указывает в конец платформы — поезд в Горки там.

Поезд идёт быстро, без гудков. В вагоне все молчат. Сидят неподвижно, согнувшись, некоторые со сцепленными руками. Стёкла вагона наглухо замёрзли, покрылись пушистым инеем. Пожилой человек в расстёгнутом пальто, не считаясь с тридцатипятиградусным морозом, упорно смотрел в окно, за которым ничего не видно.

Со станции в Горки большинство идёт пешком. Люди торопливо шагают по глубокому снегу. Тишина.

Большой старый парк. Сосны и ели стоят в зимнем уборе. Дорожки парка расчищены — по ним гулял Ленин.

Белые колонны двухэтажного дома, вестибюль. В маленькой комнате справа старинный телефон. Прямо против входа библиотека, которой пользовался Ленин. В распахнутые двери видны полки и шкафы с книгами. Деревянная лестница с перилами ведёт на второй этаж. Люди идут на цыпочках, стараясь не задеть друг друга. Наверху мелькнула высокая, сухощавая фигура — Дзержинский.

Столовая, овальный стол, покрытый скатертью, над столом старинная лампа. Дверь справа ведёт в кабинет Ленина. Дальше угловая комната с окнами на две стороны: у окна — кресло. Кресло, в котором отдыхал Ленин. У стены кровать; столик с лекарствами. Здесь вчера умер Ленин...

Теперь он лежит в зале, одетый в защитный френч, который носил в последние месяцы жизни, чуть откинувшись головой на белую подушку, мало изменившийся, со спокойным лицом, немного запавшими глазами, — он как будто отдыхал от трудной, большой работы.

Было много цветов.

Безмолвно стояли старые большевики, бывшие каторжане, узники сибирских острогов и централов. Неподвижно сидела Надежда Константиновна. Смотрела на Ленина. В зале была глубокая тишина.

Траурный поезд из Москвы прибыл на станцию Герасимовку рано утром. Был тусклый, зимний рассвет, жестокая стужа. За

паровозом следовал товарный вагон, внутри задрапированный чёрными и красными полотнищами, убранный венками и знамёнами, с помостом, обитым кумачом. В классных вагонах разместились члены правительства и Центрального Комитета партии, делегаты Второго съезда Советов СССР.

Поезда в Горки шли часто, но не могли вместить всех, кто стремился попасть туда, и вдоль железнодорожного пути были видны густые потоки людей, идущих в Горки к Ленину. Тут были люди из окрестных селений и городов, и чем ближе к Горкам, тем гуще и непреклоннее шёл осиротевший народ — крестьяне, рабочие, военные, служащие, мужчины, женщины, старики и молодые. Люди стояли молча, смотрели на окна и двери дома, где жил и умер Ленин. Около десяти часов утра из дверей вынесли обитый красным гроб, и тогда дрогнули тысячи людей, стоявших в парке.

Гроб медленно несли по аллее, и издали, за густой толпой, казалось, что он плывёт по воздуху. Народ колыхнулся, точно волна, и двинулся к выходу из парка широким чёрным потоком.

Дорога была расчищена и усыпана свежей, крепко пахнувшей хвоей. Крестьяне Горок и соседних селений сделали это по собственному почину. На протяжении четырёх километров — от парка до станции — народ тесно стоял по обе стороны дороги в глубоком молчании. Это было молчание особого рода, великая тишина, полная горя, затаённого в сердцах, слишком тяжёлого, чтобы вырваться наружу.

Медленно двигалась процессия. Иногда из гущи народа пробивались к гробу крестьяне, чтоб хоть немного понести его. Скрипел снег под ногами, приглушённо шумели по сторонам сосны и ели, белый пар стлался над шествием.

На перроне в длинных шинелях и островерхих суконных шлемах выстроились красноармейцы и командиры. Приглушённо звучал похоронный марш. Седоголовый машинист без шапки высунулся из окна паровоза.

Гроб внесли в траурный вагон, и поезд медленно двинулся к Москве.

По обе стороны линии и на станциях поезд ждали и встречали люди. Траурный вагон не мог вместить принесённые ими венки из хвои.

Павелецкий вокзал, площадь и прилегающие улицы были черны от народа. Казалось, что пройти через эту массу людей невозможно.

Но раздался звуки шопеновского марша, и гроб медленно поплыл вперёд. До Дома Союзов его несли на руках.

Двадцать третьего января тело Ленина привезли в Москву.

В эту ночь серая, с железным оттенком дымка надвинулась на улицы, на дома, сковала воздух. Москва не спала в эту пер-

вую ночь прощания с Лениным. Горели костры в Охотном ряду и на Тверской, и люди, стоявшие в очередь к Колонному залу, покрытые инеем, бежали греться к кострам, наклоняли к дымному пламени лица, протягивали над огнём руки.

Я пришёл к Дому Союзов в полночь. Вверх по Большой Дмитриевке и вниз, огибая Тверскую и пропадая вдаль, текли живые человеческие потоки, с каждым часом становились всё длиннее, достигая бульваров. Люди приходили в пальто, в полушубках, в военных шинелях, в телогрейках, тулупах (это из окрестных деревень), становились тесными рядами, как солдаты в строю. Женщины были укутаны тёплыми платками, переговаривались шёпотом, боясь нарушить грозную тишину этой ночи. С трудом переставляя ноги, тяжело опираясь на палку, пришёл высокий старик в валенках и в тулупе. Под руку его поддерживала молодая женщина.

— Ну как же ты, дедушка,— жалостливо говорила она,— ведь не выстоишь.

— Выстою,— ответил старик.— Спасибо, что довела. Ты иди себе с богом, а я с народом останусь. Иди, милая.

Две девушки и паренёк, в лёгких пальтишках и валенках, жались друг к другу, тихо переговаривались.

— Клава,— сказала одна из девушек,— только пройдем и побежим домой. А то заругают...

— А почему заругают? — неласково спросил мужчина в барашковой шапке.— Гулять что ли пришли? Тут такое дело, что всю ночь прстоишь — и не жаль.

— Да нет же, товарищ,— смущённо сказал паренёк,— валенок-то на всё общежитие только три пары... Обуваемся по очереди. Наша группа четвёртая, а там ещё три ждут. До утра надо всем проститься с Лениным. А пока до Каланчёвки добежишь, сколько времени уйдёт.

— А почему до Каланчёвки? — озадаченно спросил мужчина.

— Мы студенты — там наше общежитие,— понимаете?

Мужчина не ответил — молча наклонил голову.

Всю эту длинную морозную ночь в широко раскрытые двери Дома Союзов шёл народ проститься с Лениным. Высокие окна светились приглушённым светом. Тысячи глаз глядели в них с мучительным, неразрешимым вопросом: как могло случиться непоправимое? Народ не верил этому. Тот, кто в сознании масс был бессмертен, не мог уйти от народа, вместе с которым он шёл всю свою жизнь.

А люди всё прибывали и прибывали. Шли делегации трудящихся Донбасса, Урала, Петрограда, Иваново-Вознесенска и многих других городов и областей. С Лениным прощалась пролетарская армия, уже готовившая для партии более двухсот тысяч новых членов «ленинского призыва».

В Колонный зал сначала впускали через два подъезда, но людей было так много, что открыли и другие двери. Огромные хрустальные люстры были укутаны чёрным крепом, чёрные полотнища покрывали зеркала, с хоров доносилась тихая музыка. Посредине зала на окружённом пальмами помосте, которого не было видно из-за множества знамён и венков, в открытом гробу лежал Ленин. Люди замедляли шаги, смотрели на высокий лоб, на запавшие закрытые глаза, и те, кто видел его в жизни, вздрагивали. Неподвижность смерти была несовместима с образом живого, неутомимого Ленина.

Два раза привелось мне быть на его выступлениях. Я слышал его речь 24 ноября 1918 года в «День красного офицера», когда он произнёс знаменитую фразу, что теперь не надо больше бояться «человека с ружьём». «Я думаю,— продолжал Ленин,— что лучше награды для Красной Армии трудно представить». И в другой раз, 5 мая 1920 года, на площади перед Большим театром, когда провожали отправляющихся на борьбу с белополяками красноармейцев. В этот раз он запомнился мне стремительно наклонившимся вперёд, полным энергии, силы.

Две женщины, просто одетые, стояли у гроба. Надежда Константиновна у изголовья, держась рукой за край гроба. Мария Ильинична — рядом, и рука её касалась руки Крупской. Народ знал их: во время болезни Владимира Ильича они вместе с ним боролись за его жизнь.

Поздно ночью я опять пошёл к Дому Союзов и на Красную площадь. Там, у Кремлёвской стены, рыли котлован для Мавзолея. Ночью это зрелище было суровым и грозным. Дымили и сыпали снопами золотых искр костры, глухо стучали лопаты. Красноармейцы работали круглые сутки, сменяя друг друга, не жалея сил. Два человека, по виду рабочие, попросили позволения помочь. Командир сначала отказал, а потом махнул рукой — работайте! Они схватили лопаты, вгрызались в землю так, словно были в бою. Командир вполголоса сказал мне:

— Таких много приходит. Мы не разрешаем, но эти уж очень свои — взяли за душу, хочется им хоть что-нибудь сделать для Ильича...

Накануне похорон, в ночь на 27 января, мороз доходил до тридцати пяти градусов. В эту, последнюю ночь (в 12 часов), доступ в Дом Союзов был закрыт.

\* \* \*

Медленно двигалась погребальная процессия из Колонного зала на Красную площадь. Сверкали медные трубы военного оркестра, звучала музыка. Народ стоял в братском единстве и скорби. Красная площадь дымилась от мороза. Гроб на помосте, поднятый над Красной площадью, старая большевистская гвардия, сомкнувшаяся вокруг него, сгущённое, как предгро-

зовой воздух, молчание народа... В 4 часа мощные, многоголосье гудки фабрик, заводов, залп орудий прервали молчание. Гроб внесли в Мавзолей...

Неповторимая, невиданная по своему величию и силе картина народного горя никогда не забудется теми, кто это пережил. До поздней ночи не пустела Красная площадь. Народ безмолвно стоял у Мавзолея. У дверей его с винтовками у ног встал первый караул.

Был день 27 января 1924 года.

Начиналась новая жизнь Ленина в веках.  
Бессмертная.

Д. Фурманов

## МЫ ХОРОНИЛИ ИЛЬИЧА

Всё шли, шли, шли тысячи и сотни тысяч осиротелой Москвы по Красной площади от раннего утра до последней минуты, когда гроб, красный ящик, подняли, спрятали в вечное жилище. Был жестокий мороз — такого за зиму не было ни разу. Мы сбились у Лобного места. Два часа оставалось до похоронной минуты. Приближались, становились новые. Росла толпа...

Близился час... Вот три... три с половиной... без четверти четыре... без десяти... пяти... двух... одной минуты...

И вдруг заплакали в воздухе жалобные сирены, густо завывали заводские гудки. Стало жутко. Величественно. Торжественно. Кто-то возле зарыдал, забился в истерику. Его подхватили и понесли в санитарный автомобиль. Шмыгали носами, хватались за платки, рукавамитирали мокрые глаза. Это толпа... замерла в молчанье, застыла в горе, вся на цыпочках устремилась взорами туда, откуда сняли и понесли священный красный ящик. В воздухе дрожали полёты артиллерийских ударов, проносились над головами невидимым рыданьем. В этот миг, где-нибудь далеко, далеко, в Кавказских горах, на каком-нибудь крошечном Сахалине, в версте, в двух от него среди полного хода — вдруг остановился поезд. Почему? Это Ленин умер... Ленина опускают в могилу. Эти минуты вся жизнь должна остановиться. Будут петь невидимые голоса похоронный гимн, будет бить телеграфная лента: «Ленин умер, Ленин умер... Ленин умер, но дело его живёт...»

В этот миг весь мир с нами слился в одном глубоко траурном чувстве.

Мы хоронили Ленина...

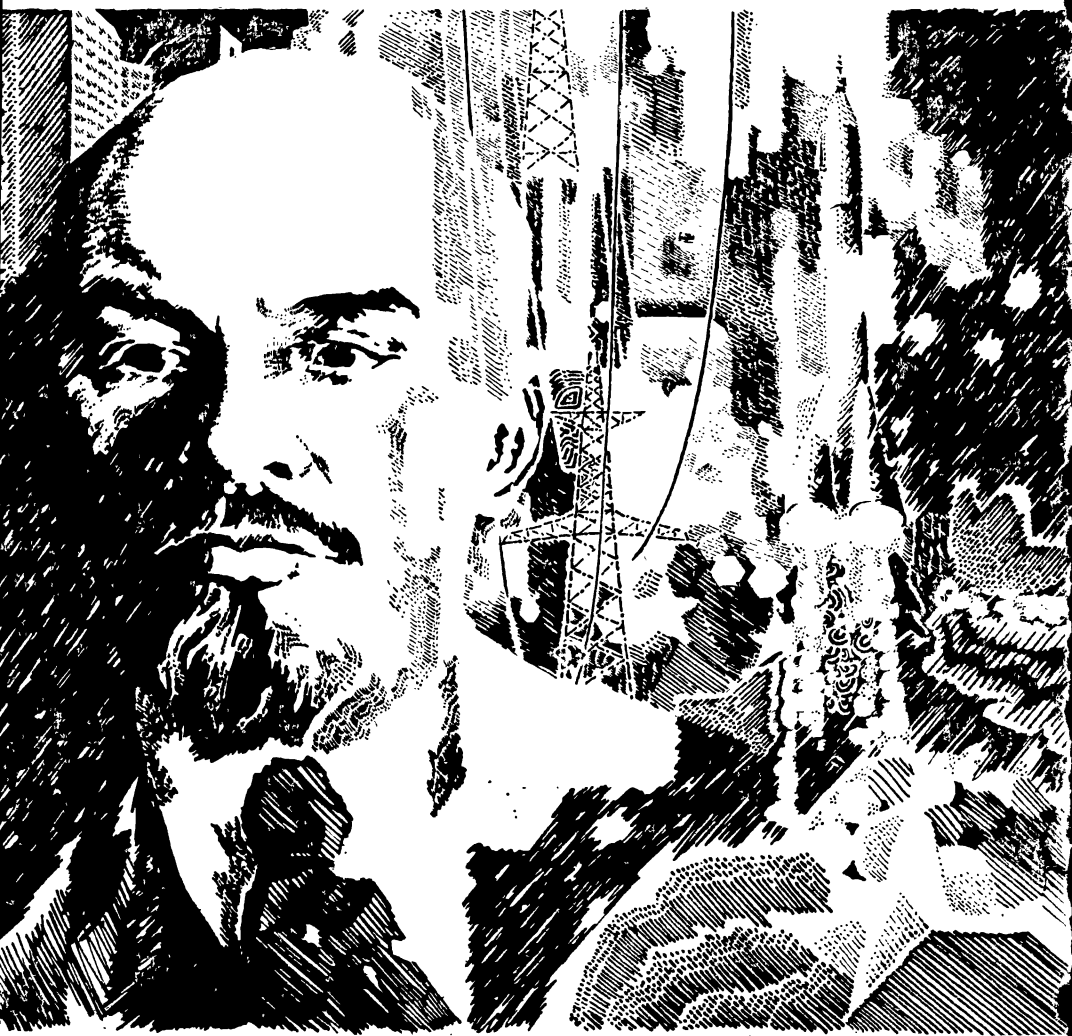
**ПАРТБИЛЕТ № 224332**

Весь мир грабастают рабочие ручищи,  
Всю землю щупают — в руках чего-то нет...  
— Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь?  
И голос скорбный мне ответил:

— Партбилет...

Один лишь маленький.., а сердце задрожало.  
Такой беды большой ещё никто не знал!  
Вчера, вчера лишь я в руках его держала,  
Но смерть ударила — и партбилет упал...  
Эй, пролетарии! Во все стучите двери!  
Неужли нет его и смерть уж так права?  
Один лишь маленький, один билет потерял,  
А в боевых рядах — зияющий провал...  
Я слушал Партию и боль её почуял.  
Но сталью мускулов наполнилась рука:  
— Ты слышишь, Партия? Тебе, тебе кричу я!  
Тебя приветствует рабочий от станка.  
Я в Партию иду. Я — сын Страны Советов.  
Ты слышишь, Партия? Даю тебе обет:  
Пройдут лишь месяцы — сто тысяч партбилетов  
Заменят ленинский утраченный билет.

ВЕЧНО  
ЖИВОЙ





Не объять  
его деяний поле:  
Это — сходки в предоктябрьской мгле,  
Это — грозный выход из подполья,  
Это — штабы в Смольном и Кремле.

Это — с ним играющие дети.  
Это — окрылённость на века.  
Это — след на царственном паркете  
От худых лаптишек ходака.

Это — шум турбины в захоlustье  
И в тайге — фабричная труба.  
Это — гроздь гнева, а не грусти  
В пробуждённом разуме раба.

Это — трудолюбь-горожане.  
Дух единства.  
Преданность сердец,  
И — чистосердечность обожанья:  
— Мы  
берём  
тебя  
за образец!

Уилтон Джон Браун<sup>1</sup>

### ТАМ, ГДЕ СТОЯЛ ЛЕНИН...

Есть в России такие места,  
По которым с волненьем проходят,  
И священными их неспроста  
Называют в народе.

«Там, где Ленин стоял...»  
«Там, где Ленин родился...»  
«Там, где огненно-ал  
Стяг простреленный взвился...»

---

<sup>1</sup> Уилтон Джон Браун — австралийский рабочий поэт.

Есть в России места...  
Из далёких чужбин с уважением высоким  
К ним идут на поклон неспроста  
Бесконечным безмолвным потоком.

Люди разных наречий и стран —  
И рабочий,  
и фермер,  
и зодчий —  
Мы спешим сквозь жару и буран,  
Чтоб увидеть святыню воочию.  
Здесь стоять —  
означает не только молчать  
И не сдерживать сердце,  
что яростно бьётся.  
Здесь стоять — это клятву бессмертную дать:  
Жить,  
как Ленин,  
как Ленин,  
бороться!

А. Скрыпник

## СТЕЖКА НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ

...Письмо было написано на тетрадной странице в клеточку и сложено треугольником. Такие письма писали в войну. Гриша долго вертел его в руках, не решаясь распечатать.

— Не мне это письмо,— говорил он почтальону,— нет у меня родных на Украине.

Почтальон рассердился:

— Фамилия твоя? Зовут Григорием? Значит, тебе...

Гриша распечатал письмо и стал читать.

«Здравствуйте, незнакомый Гриша! Пишет вам одна девушка из села Аскароро, Нина Сенина. Может, я и ошибаюсь и это письмо не вам — извините. Я увидела в газете вашу фотографию как лучшего каменщика. Лицо ваше мне показалось знакомым, и я решила к вам обратиться с вопросом.

Три года назад у нас в селе прихватили воров. Они забрались в кладовку одного колхозника. Трое убежали, а одного поймали и сильно побили. А потом бросили его на улице. Моя мама шла с поля, подобрала его и привела к себе домой. Мы с мамой положили его на лавке, так как у него всё время шла кровь из носа. Он жил у нас три дня. Мне кажется, что это были вы. Помните, ещё вы просили, чтоб я достала вам книжку про какого-то Рыжика, а у нас в школе такой книги не было. И вы ещё долго не хотели говорить, как вас зовут. Вы боялись, чтобы



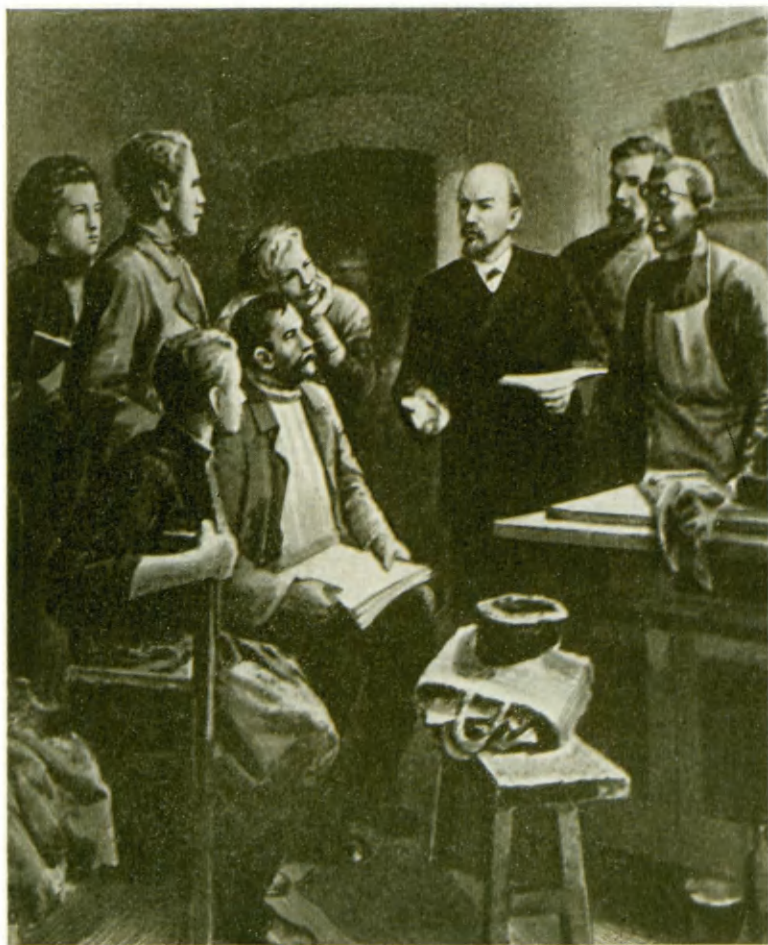
Ленин в год окончания гимназии. 1887 г.



В. И. Ленин в Самаре.  
1890—1891 годы.



Ленин в юности. Худ. В. Прагер.



Первая листовка. Худ. Ф Голубков.



В. И. Ленин в подполье.  
Худ. Е. Кибрик.



Ленин идёт по льду. Худ. Бескаравайный.





**В. И. Ленин на трибуне.**  
**Худ. А. Герасимов.**



**Октябрьский ветер. Худ. М. Девятков.**



В Смольном. Худ. В. Серов.





В. И. Ленин с мальчиком.  
Худ. **В. Васильев.**



Первый день Советской власти. Худ. **Н. Бабасюк.**



В. И. Ленин у прямого провода. Худ. **И. Грабарь.**



В. И. Ленин у карты ГОЭЛРО. Худ. **Л. Шматько.**



Владимир Ильич Ленин. Худ. Н. Андреев.



В. И. Ленин среди детей.  
Худ. В. Буланкин.



В. И. Ленин на заседании  
III конгресса Коминтерна.  
Июнь—июль 1921 года.



Ходоки у Ленина.  
Худ. В. Серов.



С Лениным — на память.  
В деревне Кашино.  
Худ. Н. Жуков.



Беседа с Ильичём. Худ. А. Широков.



Ранение. Худ. В. Бескаравайный.



Всё налаживается. Худ. Н. Жуков.



Кадр из кинофильма «Прогулка  
Владимира Ильича в Кремле».



В. И. Ленин с крестьянами. Худ. **В. Цыплаков.**



В. И. Ленин  
на Красной площади.  
7 ноября 1919 г.



Наказ Ильича (А. Джангильдин у В. И. Ленина.) Худ. К. Тельжанов.



Открытие первого памятника  
В. И. Ленину в Глуховке.  
22 января 1924 года.

вас снова не били, и на улицу выходили только вечером, когда было темно. Один раз вы вышли и не вернулись.

Сейчас я увидела ваше фото в газете и подумала, что это вы были у нас. И мама тоже так думает. Она говорит: «Я же тогда ещё говорила, что он хороший хлопец». Так что я прошу, если то были вы, напишите, а то мама очень хочет знать.

С приветом Нина».

Гриша отложил письмо...

Отец погиб на фронте. Мать умерла, когда Гриша учился в шестом классе. И вся привычная жизнь сломалась. Сначала он жил у одного родственника, потом у другого, затем попал к соседям. Чувствовал себя мальчишка в жизни неуютно, ожесточился. Тогда его отправили в детский дом.

В детском доме был порядок, ребята ходили чистые, аккуратно одетые, ложились спать, обедали в определённое время. Грише это не нравилось. И ещё очень не хотелось учиться. Гриша убежал из детдома с двумя ребятами.

Добрались до Сарактыша. На станции встретили Кочубея, лет на пять старше Гриши.

Когда стемнело, Кочубей коротко сказал:

— Пошли.

Они долго пробирались какими-то задворками — через лазы в заборах, мимо груды смутно белевших в темноте ящиков. В одном месте остановились, Кочубей осторожно отодвинул какую-то доску и шёпотом приказал:

— Колька и ты. — Он ткнул пальцем в Гришу. — Вы пойдёте.

Гриша инстинктивно упёрся руками в дощатую стенку.

— Куда?

Кочубей наклонился, и Гриша близко возле себя увидел его белые глаза. — Вы пойдёте с Колькой. Не хочешь... — Гриша заметил в правой руке Кочубея финку.

Гриша охнул от страха и полез за Колькой. В темноте они хватали какие-то банки, бросали в корзину. И Гриша всё время не мог унять дрожь в руках.

Так первый раз в жизни Гриша воровал...

С того самого вечера закружило и понесло по дорогам четырнадцатилетнего мальчишку. Замелькали названия станций, городов. Запомнились они Грише по тому, где что брали, где «заваливались», где мокли под дождём. Два раза его ловили и отправляли в детский дом. Оба раза он убегал.

И вновь, как назло, судьба сталкивала его с Кочубеем. Снова дорога. Снова ночёвки на жёстких скамейках вокзалов, насквозь пропитанных неистребимым запахом дезинфекции.

И опять ветер в лицо, и монотонный стук колёс, и грохот буферов на стоянках.

Гриша почему-то всё чаще думает об отце. Он его не помнит. Он знает его по фотографии: крутолобый, усатый, с ме-

далью «За отвагу» на гимнастёрке. «Был бы отец живой...»— вздыхает Гриша. Он лежит на каких-то тюках в полупустом товарном вагоне. Поезд стоит. В щёлку Грише видны тёмная полоска неба и острые звёзды. Ребята сидят неподалеку. Кочубей курит в кулак. Остальные слушают рыжеволосого парнишку в тубетейке, прибившегося к ним где-то под Сибам.

— Мне недавно про интересную книжку говорили,— шёпотом рассказывал парнишка.— «Рыжик» называется.

— Про тебя?— усмехается кто-то.

— Ага,— серьёзно говорит парнишка.— Измотался этот самый Рыжик по свету, не знал, куда приткнуться, а потом встретил его хороший, настоящий такой дядька и сыном своим сделал... Найти б эту книжку.

— Тише ты,— шипит Кочубей.— Идёт кто-то.

Ребята настороженно прислушиваются к голосам на путях. С грохотом лязгают буфера. Поезд трогается. Гриша опять укладывается на спину и чувствует на глазах слёзы... Эх, встретил-ся бы ему настоящий дядька...

Два дня спустя, сидя в зарослях на берегу речушки под Аскаровом, Кочубей напутствовал:

— Ты, Гришка, полезешь. Там кладовка. Будешь подавать в окно.

Обдирая в кровь колени—окно было высоко от земли. Гриша спрыгнул на пол. В ту же минуту открылась дверь кладовки и кто-то крепко схватил Гришу за руку:

— Ах ты, стервец...

— Кочубей! — закричал Гриша, пытаясь вырваться. А его уже били, потом вышвырнули во двор. Он очнулся от того, что кто-то вытирал ему лицо.

— Мама,— сказал Гриша.

Женщина в низко повязанном платочке привела его домой. Он лежал на лавке и не мог поднять головы—из носа шла кровь.

— Ах, ироды,—приговаривала женщина,—разве ж можно так мальчонку...

А белобрысая девочка в ситцевом платьице стояла рядом, широко открыв глаза. Вода из кастрюли, которую она держала в руках, лилась ей на босые ноги, и она не замечала этого.

Потом ночью, тайком он ушёл от них. Он бродил один. Опять воровал и ночевал на вокзалах. И, вспоминая рассказ парнишки о Рыжике, с тоской думал: «Мне б настоящего дядьку, чтоб сыном взял...»

Где-то под Ахтыркой Гриша попал в детскую комнату.

— Я ж ничего не сделал,—пытался он выкрутиться.

— То-то и плохо, что ничего не делаешь,—сказала женщина в милицейской форме. Он наотрез отказался ехать в детский дом, и тогда было решено отправить его в ближайший

колхоз. Там его послали в подпаски к деду Буйнусу.

Дед был маленький, щуплый, с окладистой бородой и острым взглядом ещё не выцветших глаз под торчащими кустиками бровей. Он жил на берегу озера, в десяти километрах от села. Здесь стояла землянка из самана. Дед обмазывал её глиной, выкладывал печку.

— Дедушка,— спрашивает Гриша,— это вы сами землянку строили?

— Сам. А то кто ж?

— А печка зачем? Сейчас же лето.

— Тут дорога рядом. Поедет кто зимой — согреется...

Гриша так устал от голодного мотания в товарняках, что рад был сонной степной тишине. Ему хотелось лежать вот так на солнце целыми днями, закинув руки под голову, но дед возился у землянки, ни на минуту не присаживаясь отдохнуть, и Гриша, чувствуя себя неловко, шёл помогать ему. Дед учил его всему, что знал сам,—косить сено, выбирать пастбища, лечить заболевших овец, и сердился, когда у Гриши что-то не получалось.

Вечерами они сидели у костра. В тёмном небе мерцали звёзды. На озере сонными голосами перекликались птицы. Издалека доносилось неторопливое бормотание машины. Дед рассказывал о себе:

— Выйдем, бывало, в поле, с отцом, царствие ему небесное, запряжёт он быков в плуг и говорит мне: «Ну-ка, становись за плуг, и чтобы мне борозда была как по нитке...». А я вот таким мальчонкой был. И ничего, управлялся...

Дед помолчал. Поднял крышку с кастрюли, висевшей над огнём, помешал ложкой.

— А потом первая империалистическая, революция, гражданская война. Носило меня по всей России: тёмный был, забитый. Но всё ж сражался за наших, за красных, значит. Был в солдатах, Ленина видел. Это когда на Финляндском вокзале было. Слышал небось? Ну как он на броневике выступал. Близо видел. И слышал. Это на всю жизнь счастье.

— А Ленин, он какой?

— Ленин? Ну какой он? Одно слово — Ленин!

Гришка говорил с придыхом:

— Эх, в Москву был! Хоть глазком одним на Мавзолей посмотреть.

Дед назидательно говорил:

— К Ленину человеком надо прийти, чтоб было что за душой, а не шалопаем там каким...

И замолкал. И Гриша тоже замолкал, не зная, имел ли дед в виду его или просто так сказал.

Дед ни о чём не расспрашивал Гришу. Но однажды, когда Гриша приболел, видя, как дед хлопочет вокруг него, он сам, не зная почему, стал вдруг рассказывать ему обо всём: как убе-

жал из дому, как бродил и воровал с Кочубеем, и про книжку о Рыжике тоже рассказал.

И старый Буйнус понял Гришу, понял его тоску о человеке, который взял бы его за руку и повёл по жизни. Понял, но не одобрил.

— А ты сам, сам жизнь свою делать попробуй,—сказал он Грише.— А то что, если, скажем, не встретится тебе такой человек? И пойдёт вся твоя жизнь наперекосяк...

Ближе к осени они вернулись с отарой в село, и дед сказал:

— У меня будешь жить. В школу определяю.

Но Гриша не хотел идти в школу. Дед сказал ему раз, другой, а потом рассердился не на шутку:

— Я ж тебя, паршивец, уму-разуму хочу научить.

И дал Грише крепкого подзатыльника. В тот же день Гриша ушёл из села. Он бродил недолго. Наступили холода, и Грише пришлось совсем плохо. Он всё чаще вспоминал сытую жизнь у озера, длинные ночные разговоры с дедом Буйнусом у костра. Он чувствовал правоту деда, и ему хотелось вернуться к нему, но было стыдно.

На какой-то маленькой станции уже на Украине он заболел. Его подобрали на вокзале с воспалением лёгких, положили в больницу. И здесь, лёжа на жёсткой койке, в комнате, насквозь пропахшей запахом лекарств, он многое передумал о том, как он жил и как ему жить дальше. «А ты сам, сам жизнь свою делать попробуй»,— вспомнились слова деда Буйнуса. И он понял, что, если даже найдётся человек, о котором он мечтал, который подаст ему руку, а сам он не возьмётся за свою жизнь, он всё равно сойдёт с пути. Из больницы Гриша вышел повзрослевшим. Он поехал к дальней родственнице матери в село. Та приняла его. Гриша стал работать скотником на ферме. Тётка ему сказала:

— Учатся все. Вон бригадир мой в школу тоже записался.

Гриша поморщился: учиться не хотелось. Но он всё-таки поступил в седьмой класс вечерней школы. Учился плохо.

Как-то на уроке он случайно оглянулся и увидел председателя колхоза, пожилого семейного человека, который, с трудом преодолевая дремоту, силился вникнуть в слова преподавателя. И Гриша подумал: «Ведь он уже почти старик, ему, наверное, труднее, чем мне, а он всё же учится...» И опять вспомнились слова деда Буйнуса: «К Ленину человеком надо прийти, чтоб было что за душой...»

Однажды в Киеве — это было в те дни, когда они бродили с Кочубеем,—Гриша загляделся на рабочих, выкладывавших карниз огромного здания. Это были весёлые ребята, в забрызганных раствором робах, в пилотках, сделанных из газеты. Кирпичи так и мелькали в их ловких руках, и карниз вырисовывался на глазах. Как завидовал Гриша их ловкости: «Вот бы научиться так...» И потому, окончив седьмой класс, он поступил в



А он ходил в поношенном  
  пальто,  
Жил на пайке,  
Трудился дни и ночи,  
Детдому слал дрова,  
С докладом шёл к рабочим  
И говорил, что выспится  
  потом.

Он жил у дальних гор,  
У безымянных рек,  
В сердцах людей  
Всех стран и поколений.  
И кажется, один лишь  
  человек

Не замечал той славы...  
Это — Ленин.

А. Кулешов

### ЖИВОЙ ЛЕНИН

Когда прощальный марш звучал в Колонном зале  
И по Москве костры горели в зимней мгле,  
Над Ильичём, скорбя, знамёна мы склоняли,  
Но не желали мы отдать его земле.

Не веря в смерть его, сошлись мы в час суровый,  
Посланцы городов, станиц, аулов, сёл.  
Над ним, как над живым, звучало наше слово:  
— Спи, дорогой Ильич, спи, горный наш орёл!

Мы не позволили безжалостной могиле  
Забрать его во тьму, туда, где солнца нет.  
И мы гранитный дом в Москве ему сложили,  
Бесстрашному орлу, на сотни долгих лет.

Любил он высоту — с вершины цель виднее,—  
Стоит гранитный дом у вечных стен Кремля,—  
На Красной площади, храним страною всею,—  
Отсюда, как с горы, вся на виду земля.

Любил он моря шум, любил он на просторе  
В бушующую даль заглядывать вперёд.  
На площади он спит, которая, как море,  
Волнуется, шумит в дни празднеств каждый год.

И в дом к нему идя бескрайной чередой,  
Обвили мы его не траурной каймой,—  
Мы опоясали его живой рекою,  
Навек ему сплетён живой венок людской.



Нет! Понапрасну, смерть, зловеще, дни и ночи,  
Стояла ты над ним, больного стерегла.  
Ты в тот январский день ему закрыла очи,  
Но ты засыпать их землёю не смогла.

Ты не властна над ним, как не властна над теми,  
Кого он посылал на грозные фронты.  
Смеялись над тобой бойцы, идя сквозь темень.  
Хоть их у Сиваша свинцом косила ты.

Ты не имеешь прав на них, как не имела,—  
Имеет только жизнь — одна — права на них.  
А что сказать о нём, чьё праведное дело  
Милльоны за собой ведёт солдат таких?!

Спокойно Ленин спит. На страже — часовые.  
Течёт из года в год к нему поток людской...  
И счёт годам ведут куранты вековые,  
Которые завёл он собственной рукой.

Земля не давит грудь, свет негасимо льётся.  
Он не в глуши, ветвями осенён,  
Он на вершине спит, что площадью зовётся,  
Он в центре мира спит среди родных знамён.

...Всё ярче, что ни год, огни ракет взметённых,  
Всё громче, что ни год, над ним гремит салют.  
Всё чаще воины к ногам его кладут  
Капитализма чёрные знамёна.

(Перевод с белорусского)

Д. Гулиа

## О ЛЕНИНЕ

Безмолвно застыли седые вершины,  
В ущелии дышит пурга...  
Январские ветры пути запушили,  
И след на путях отпечатали шины,  
И горы одеты в снега.  
Под нами —  
Долины в просторах морозных,  
Над нами —  
Снежинок летящие звёзды...  
Сегодня мой внук обратился с вопросом,  
Прочтя календарный листок.  
За школьную парту впервые под осень  
Он сел, «мужичок с ноготок».  
Уютно забравшись ко мне на колени,  
Он просит меня:

— Расскажи.

Вот здесь, под портретом, написано:  
«Ле-нин»...

Кем был он? Что делал? Где жил?

— Он был человеком, как все мы,  
Но больше

В глазах у него доброты.

Он был человеком, как все мы,  
Но больше

В нём мудрости и простоты,  
Но больше

В нём смелости, воли и силы,  
Но больше

В нём солнечной радости было.

И взором орлиным

Сквозь годы, сквозь тучи

Он видел всех дальше,

Он видел всех лучше.

Он с нами трудился, он жил вместе с нами,

И нас научил он мечтать...

И часто с такими, как ты, малышами

Любил в разговоры вступать,

Всегда находя для мальчонки любого

Хорошее,

Нужное,

Верное слово.

Сказал он, чтоб строили новые школы

Везде, и у нас среди скал,

Чтоб так же, как город, сияньем весёлым

Посёлок в горах засверкал.

Всем сердцем желал он, чтоб к нам на вершины

Пришли бы помощники наши — машины.

Он множество знал языков и наречий,

Но лучше всего он постиг

Взволнованный голос сердец человеческих —

Чудесный и трудный язык.

Он всех на земле понимал.

Оттого

Трудящийся мир понимает его.

Нам партию Ленин оставил родную —

Всё ярче сиянье знамён!—

С народом единую, духом стальную,

Великую сердцем, как он...

И пристально смотрит

С недетским волнением

Мой внук в Ильичёвы глаза.

— Я буду как Ленин... Я буду как Ленин...—  
Мальчонка негромко сказал.  
Безмолвно застыли седые вершины,  
В ущелии дышит пурга...  
Январские ветры пути запушили,  
И след на путях отпечатали шины,  
И горы одеты в снега.  
Под нами —  
Долины в просторах морозных,  
Над нами —  
Снежинок летящие звёзды...

Л. Попова

### АНЬ ТХО

В 1957 году Ленинград посетила делегация  
писателей народного Вьетнама.  
Среди них была поэтесса Ань Тхо.

Когда она к нам в Ленинград попала,  
Ей всё казалось, что она во сне,—  
Она впервые увидела снег,  
Она балет впервые увидела.  
Ей распахнул все залы Эрмитаж,  
С ней — девушкой в восточном красном платье —  
Заговорил великий город наш  
Устами близких ей сестёр и братьев.  
Живой язык её горящих глаз  
Нам был понятен и без перевода:  
«Всё охватить! И сразу же, сейчас,  
Чтоб всё родному передать народу». —  
И помню, как в волнении большим,  
Произнеся чуть слышно имя — «Ленин»,  
Она перед гранитным шалашом  
В Разливе опустила на колени.  
Потом пожала молча руки нам,  
С лицом — таким отважным и красивым,  
Что встал пред нами весь её Вьетнам.  
Весь до конца свободный и счастливый.

Роберт Рождественский

### ПИСЬМО В XXX ВЕК

(Отрывок из поэмы)

Я —  
по собственному велению,—  
сердцу  
в верности  
покаяясь,  
говорю

о Владимире Ленине

и о том,

что главное

в нас.

Вот уже,

разгибаясь под ношей,

вырывается мир

из тьмы!

Начинаются

горы

с подножий.

Начинаемся

с Ленина

мы!

Мы

немало столетий

ждали

и вместили в себя

потому

силу

всех прошедших

восстаний!

Думы

всех Парижских

коммун!..

Неуступчивы.

Вечно заняты.

Мы идём

почти без дорог.

На истории

нет указателей:

«Осторожно!

Крутой

поворот!»...

Повороты встречались

жадные,

пробирающие как озноб.

Даже самых сильных

пошатывало.

Слабых —

вовсе

валило с ног!

Жгли

сомнения.

Шли

опасности,

с четырёх  
надвигались  
сторон...

Но  
была на планете  
партия —  
та,  
которую создал  
он!

Мир  
готов за неё  
поручиться  
перед будущим  
наверняка!

И лежит  
на пульсе Отчизны —  
вечно! —  
Ленинская  
рука.

Он —  
ровесник всех поколений,  
житель Праг,  
Берлинов,  
Гаван.

По широким  
ступеням  
столетий  
поднимается Ленин  
к вам!  
Представляю  
яснее ясности,  
как смыкают  
ваши  
ряды  
люди  
Ленинской  
гениальности,  
люди Ленинской  
чистоты.  
Не один,  
не двое,  
а множество!  
Вырастающие,  
как леса,

и по всей Вселенной  
разносятся  
их спокойные голоса...  
Что ж,  
для этого  
мы и трудимся.  
Терпим холод,  
Шагаем в зной...  
Ведь ещё только начал  
раскручиваться  
и раскачиваться  
шар земной!  
Прозвучи,  
сигнал наступления!  
Солнце  
яростное,  
свети!..  
Всё ещё  
впереди!  
И Ленин,  
будто молодость.  
впереди!

Всеволод Рождественский

## ЛЕНИН

Великий гений русского народа  
Лепил его открытые черты.  
В его лице родимая природа  
Отражена в величье красоты:

Могучей Волги плавные просторы,  
Не знающая края ширь степей,  
Леса, поля, долины, реки, горы —  
Весь облик светлой Родины моей.

В слегка раскосом глаз его прищуре,  
В крутом надлобье, в крепкой лепке лба,  
Во всей его стремительной фигуре  
Отражена народная судьба.

Он — и порыв, и трезвый пламень воли,  
Он — зоркий ум, пронзающий века,  
И всё твоё спокойное раздолье,  
Прославленная русская река!

Грозой разбушевавшейся стихии  
Из тьмы веков, ведущей нас на свет.  
Мудрец, создатель, сердце всей России.  
Бессмертной революции поэт.

Он, для людей завоевавший счастье,  
Рождённое в тревогах бурных дней,  
На высоте народной мудрой власти  
Был самым человечным из людей.

М. Лисянский

### **КОСМОНАВТ ПРИХОДИТ К ИЛЬИЧУ**

Космонавт приходит к Ильичу,  
Перед стартом хочет с ним проститься  
И в ответ на «Завтра я лечу»  
Услыхать «Счастливо возвратиться».

Входит он в кремлёвский кабинет.  
Два окна. Рабочий стол. Конторка.  
Свечи — если вдруг погаснет свет.  
Книжные шкафы. И книги горкой.

Печь белеет кафелем в углу,  
Карта в узкой рамке возле печи.  
Шаг. Второй. Подходит он к столу,  
И встаёт Ильич ему навстречу.

Показались лишними слова.  
Улыбается Ильич знакомо...  
Завтра будет далеко Москва,  
Будет шар земной родимым домом.

Космонавт приходит к Ильичу  
Без официального доклада.  
Он молчит. Я тоже помолчу.  
Всё понятно. Значит, слов не надо.

Б. Кежун

### **СЕРДЦЕ ИЛЬИЧА**

В дни великих строек,  
В дни борьбы суровой,  
Майскими громами  
В мире грохоча,  
Всюду раздаётся  
Ленинское слово.

Всюду гордо бьётся  
Сердце Ильича!  
Сталь кипит в мартенах —  
Море огневое,  
Зорька в синем небе  
Встала, горяча:  
Это светит миру  
Вешнею порою,  
Светит дорогое  
Сердце Ильича!  
Тракторы проходят  
Ширью полевою,  
Волга в грудь бетона  
Плещет, клокоча:  
Это гулко бьётся  
Вечное, живое,  
Вечно трудовое  
Сердце Ильича!  
Багрянеют звёзды  
В небе над Москвою,  
Пламенея, вьётся  
Флаг из кумача:  
Это тоже бьётся  
Вечное, живое,  
Вечно молодое  
Сердце Ильича!

М. Львов

\* \* \*

На Отчизны цветенье,  
На людей  
оглянись:  
Продолжается Ленин!  
Он теперь — ленинизм!

От столиц  
до селений —  
Изумительна жизнь!  
Продолжается Ленин!  
Он теперь — ленинизм!

Сколько дел и волнений!  
Только знай не ленись.  
Продолжается Ленин!  
Он теперь — ленинизм!



Красный мрамор ступеней.  
Помолчи. Поклонись.  
Продолжается Ленин!  
Он теперь — ленинизм!

От лица поколенья  
Быть, как он, поклянись.  
Продолжается Ленин!  
Он теперь — ленинизм!

В. Анохин

## ПОДАРОК НАБОРЩИКА

...Каждый день в Махачкалу, в дом, где живёт наборщик городской типографии имени Кирова Александр Горшков, приходят десятки писем.

«Спасибо вам за подарок народу»,—пишут рыбаки Каспия.

«То, что вы сделали,— это большое благородное дело. Приезжайте к нам в гости и расскажите о своей работе»,— просят мурманские пионеры.

«Ваше творение — это крупица народной любви к нашему Ильичу»,—говорят шахтёры Донбасса.

Не думал наборщик, что его скромный труд найдёт такой отклик в душе народа. И поэтому его ответы на письма очень немногословны.

Чем же прославился скромный наборщик? Как заслужил благодарность и уважение у незнакомых людей?

...Однажды на выставке народного искусства увидел он красочный ковёр ручной работы с портретом В. И. Ленина. Соткали его ловкие женские руки в далёком туркменском ауле.

— Этот ковёр вышивали десять лет,— пояснил экскурсовод.

— Десять лет?..— удивился Горшков, осторожно поглаживая бархатную поверхность.

— Раньше это был бедный аул,—сказал экскурсовод. — Советская власть принесла туда новую жизнь. Этот ковёр выткан от всего сердца.

А рядом увидел Горшков вазу, филигранно выточенную А. Гурьевым из моржового клыка, тоже запечатлевшую образ вождя. В центре зала возвышалась большая скульптура. Она изображала на минуту присевшего Ленина, которому нужно что-то срочно записать на листке бумаги. Он улыбался своим мыслям

и, слегка сощураясь, смотрел вперёд. Эта пятиметровая статуя была выточена из кавказского орехового дерева И. Стуловым.

Наборщик не знал этих людей, чьи золотые руки создали выдающиеся произведения искусства. Но ему передавалось тепло их сердец, жар души. В этот светлый зал дар любви и уважения к вождю принёс нанайский охотник и туркменская колхозница, сибирский лесоруб и московский рабочий, балтийский рыбак и слесарь из Смоленска.

Медленно возвращался домой Горшков, вспоминал увиденное, не переставая восхищаться блестящей работой умельцев. А через несколько месяцев товарищи по работе собрались у него дома и с удивлением рассматривали необыкновенный портрет Владимира Ильича Ленина, созданный руками наборщика.

Портрет был не нарисован и не выткан цветными нитками. Он был набран ручным способом из нескольких тысяч светлых и тёмных типографских линеек. Нарисовать портрет очень трудно, но во много раз сложнее выложить его из маленьких и больших линеек, заменяя ими штрих карандаша или пера, мазок кисти. С помощью светлых и тёмных линеек различной величины Горшков вырисовывал из металла дорогие черты Ленина, по несколько раз переделывая и начиная всё сначала.

Это была кропотливая, трудоёмкая работа. Приходилось рассчитывать до одного пункта, до одного миллиметра, срезать лишний металл.

Художник, создавая портрет пером, карандашом или кистью, накладывает на холст или бумагу целую гамму разнообразных мазков, штрихов, линий, точек, добиваясь нужной гармонии света и тени.

Наборщик выполнял портрет из тысячи линеек разной величины, но все они были прямые. Он ставил их только горизонтально.

Если смазать этот типографский набор краской и наложить лист бумаги, то отпечатается прекрасно выполненный, чёткий портрет вождя. Не сразу догадаешься, что это оттиск с набора, а не мастерский рисунок пером.

Этот уникальный портрет был напечатан в газете «Известия» 15 апреля 1965 года. В своём письме в редакцию наборщик А. Горшков писал: «Великому вождю революции посвящают свой труд художники и скульпторы, прозаики и поэты, журналисты и учёные. Я не художник, а простой наборщик городской типографии имени Кирова в Махачкале. Но уже давно я задумал сделать портрет Владимира Ильича. И вот портрет готов. Пусть это будет мой скромный подарок к 95-й годовщине со дня рождения Ильича».

Портрет В. И. Ленина, созданный наборщиком из Махачкалы,— уникальный и единственный в мире.

## «ПРАВДУ» ЧИТАЕТ ЛЕНИН

С юности давней запомнилось мне,  
Сердце моё наполняя волненьем,  
Старое фото на светлой стене —  
«Правду» читает Ленин.

Входит рассвет в пробудившийся дом,  
В первых лучах, в озаренье весеннем,  
Вижу с утра за рабочим столом —  
«Правду» читает Ленин.

Вижу глаза его с блеском живым.  
Силу мечтаний и славу свершений,  
Домны, плотины встают перед ним —  
«Правду» читает Ленин.

Дальние дали с вершины видны,  
За поколеньем идёт поколение,  
Шелест пшеницы в краю целины —  
«Правду» читает Ленин.

Правда сильнее угроз и неправд,  
В ней — и дерзание и вдохновение.  
За космонавтом летит космонавт —  
«Правду» читает Ленин.

Солнце идёт по огромной стране,  
Неугасимо, как наше стремленье,  
Мир просыпается. Радостно мне —  
«Правду» читает Ленин.

(Перевод с белорусского)

Е. Мар

## ОРДЕН ЛЕНИНА

У Владимира Ильича Ленина не было орденов.

Ленин спит вечным сном в Мавзолее. И на груди его алеет лишь маленький алый флажок. Он горит словно огонёк.

Это знак народного избранника, члена Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

И всё же, когда страна провожала Ленина в последний путь и гроб его стоял в Колонном зале Дома Союзов в Москве, все видели два ордена Красного Знамени на груди Ленина и ещё такой же орден, навечно прикреплённый к венку, стоявшему у изголовья. История этих орденов стала впоследствии известна.

Товарищ Владимира Ильича, старый большевик, снял с себя

полученный в боях орден и прикрепил к груди Ленина. Он это сделал ещё в Горках.

А затем в Колонном зале, где страна прощалась с Владимиром Ильичём, из бесконечных людских рядов, проходивших мимо, вышел человек на костылях и протянул часовому свой боевой орден. Он просил положить этот орден на грудь Ленина. И даже не назвал себя этот воин.

Орден Красного Знамени, прикреплённый к венку, что стоял у изголовья Ленина, принадлежал воинской части. Его вместе с венком оставили у гроба Ленина слушатели курсов Высшего командного состава. Там учились многие наши прославленные в боях командиры. Это был как бы их общий орден.

Прошло много лет после того, как ушёл от нас Владимир Ильич. Страна Советов стала сильной и могучей державой. Зажглись огни Днепровской гидроэлектростанции имени В. И. Ленина, намеченной ещё по плану ГОЭЛРО. Сошли с конвейера гигантского тракторного завода на Волге первые машины, и домы Магнитки выдали свой первый чугун. Обычный труд простых людей, как это и предвидел Владимир Ильич Ленин, стал делом высокого героизма. Тогда-то и был учреждён орден Ленина — самый первый, самый высший среди орденов нашей страны...

Под чеканным из драгоценной платины изображением Ленина вы увидите на ордене серп и молот и золотые хлебные колосья. Они словно сошли сюда с герба нашей великой Родины.

А рядом с изображением Ленина светит красная звёздочка — Советская Армия стоит на страже мирного труда.

Взгляните на орден Ленина!

Владимир Ильич смотрит на вас и зовёт вперёд!

## СЛОВО О ВЕЛИКОМ ЗАКОНЕ

В Стране Советов родился новый человек. И с первой же минуты появления на свет его жизнь, здоровье, мирный сон и радости охраняет Великий Закон нашего государства — Конституция Союза Советских Социалистических Республик.

Этот новый гражданин пользуется всеми правами члена невиданного в истории человеческого содружества людей, которое получило гордое название Советский Народ.

У маленького гражданина пока только одна обязанность — хорошо кушать, чтобы прибавлять в весе и росте, крепко встать на ноги.

Подрастает человек, произносит первое волшебное слово «мама», делает первые шаги в жизни, постигает всеми своими пятью чувствами окружающий его мир добра и заботы, знакомится с первым цветком и первой снежинкой, слушает напев колыбельной.

В детском саду познаёт радость товарищества и обретает новое, присущее советскому человеку чувство дружбы, коллективизма, учится быть самостоятельным. «Давай помогу», — предлагает товарищ. «Я — сам, я — сам», — упрямо твердит малыш, справляясь с непослушными шнурками. А все сообща возводят из кубиков дома и дворцы, перекидывают мосты через дождевые ручейки, сооружают плотины, пускают в плавание белые кораблики. А то усядутся за столом, и каждый из разноцветных пуговок акварели извлекает кисточкой и наносит на бумагу свою первую мечту. Эта мечта всегда крылата, лучиста и добра.

Всё, что обогащает ум ребёнка — будит его воображение, раскрывает красоту звуков и красок, приучает к творческому труду, укрепляет здоровье — тоже обеспечено Законом нашей страны, обо всём этом заботится наше общество — советский народ.

Но вот наступает Семилетие. В светлое сентябрьское утро подросший гражданин с букетом цветов и ранцем идёт в школу, чтобы воспользоваться своим правом на образование. И трудно сказать, кто в этот час взволнован больше — первоклассник или его родители и педагоги, на которых Законом возложена обязанность воспитывать детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества. Право на образование гарантировано Конституцией и обеспечивается государством бесплатным обучением, бесплатными учебниками, светлой просторной школой, лабораториями и спортивными залами, библиотеками и наглядными пособиями. Звучит первый звонок. Он призывает не толь-

ко сесть за парту, он напоминает об обязанности, которая возлагается на юного советского гражданина Конституцией. Первая, очень серьёзная решающая дальнейшую судьбу человека, гражданская обязанность — прилежно учиться, получить полноценное среднее образование. Он обязан стать образованным, много знающим человеком, готовым к труду.

Да здравствует такая обязанность!

О таких правах и обязанностях мечтают миллионы детей и их родители во многих странах, где обществом правят капиталисты. На нашей планете восемьсот миллионов человек неграмотных. Только в Англии, население которой почти в пять раз меньше, чем в нашей стране, два миллиона неграмотных, мужчин и женщин.

В дореволюционной России всего шестьдесят лет назад две трети взрослого населения были неграмотными, и люди вместо своей фамилии выводили карандашом на бумаге чёрный крест.

О правах и обязанностях, которые теперь записаны в нашей Конституции, мечтал Владимир Ильич Ленин, когда создавал партию, собирал силы рабочего класса на штурм капитализма.

Накапливая знания в школе, юный гражданин Страны Советов участвует в общественной жизни. Уже в первом классе он приобщается к великой ленинской гвардии — становится октябрёнком. Под красным знаменем у памятника Ленину он торжественно клянётся, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина:

«...Горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза...»...

Летом улицы наших городов оглашаются весёлыми звуками горнов. В сопровождении почётного эскорта милицейских мотоциклистов идут вереницы, целые поезда автобусов, украшенные флажками, звенящие пионерскими песнями. Дети едут отдыхать в пионерские лагеря. И это право на здоровый, весёлый отдых обеспечено Законом.

На берегу моря или в лесу у тихой речки дети приобщаются к чуду природы, её красоте. На всю жизнь остаётся в памяти пламя первого пионерского костра, вечерняя песня соловья. Иные на утренней заре наблюдают, как сбрасывает с себя зелёные скорлупки и раскрывает сонные смятые лепестки мак и, разглаженный солнечными лучами, вспыхивает пионерским галстуком в зелёной траве. А то соберутся ребята у старой берёзы, искалеченной осколками снарядов, что стоит в окружении белоствольных детей своих, и старожилы поведают пионерам о боях, которые вели здесь советские воины или партизаны с фашистами. Красные следопыты пойдут партизанскими тропами, разыщут стреляные гильзы, каски, покрытые ржавчиной, заберутся в заросший кустарником, разрушенный дзот,

приобщаться к великому подвигу нашего народа, равного которому не знало человечество, и, может быть, откроют новое имя героя, впишут новую страничку в историю Великой Отечественной войны. И едва ли у кого поднимется рука, чтобы вырезать ножом на живом теле дерева своё имя и обесчестить его. Если же и найдётся такой, то рука товарища остановит его. Под защитой нашего Закона находится и зелёный мир, зверьё и птицы, населяющие его, фауна рек и морей и даже полевые цветы... Зелёные пионерские патрули стоят на страже этого Закона.

В пионерлагере школьники набираются не только сил и здоровья. В соседнем колхозе пионеры помогут прополоть огородные грядки, собрать в садах урожай или выйдут спозаранку в поле, и, подминая ногами ломкую стерню, подберут колоски и зёрна после комбайнов и за ужином по-иному взглянут на ломоть хлеба, почувствуют его особый запах и вкус. Дежурным не придётся собирать недоеденные куски или подметать на полу крошки. А может быть, именно в пионерлагере некоторые ребята определяют раз и навсегда свою будущую профессию — агронома, комбайнера...

Труд — естественная потребность каждого человека. Смысл жизни советских людей в общественно полезном труде. В нашей стране труд возвеличен до подвига. Звание Героя Социалистического Труда — самый почётный титул советского человека.

Право на труд, то есть на получение работы с оплатой в соответствии с количеством и качеством труда, гарантируется Законом.

Удивительно гуманный, создающий уверенность в завтрашнем дне Закон, непостижимый в капиталистическом обществе.

Стало таким привычным и естественным в нашей стране право человека на работу. Только старики помнят и понимают страшный смысл выведенных у нас из употребления слов — «безработица», «биржа труда», у которой днями и ночами простаивали в очереди, чтобы получить хоть какую-нибудь работу. В капиталистическом мире всегда миллионы безработных рук тоскуют по труду, миллионы людей жаждут работы, чтобы обеспечить пропитание себе и семье. Только в США семь миллионов безработных. В капиталистическом мире нет уверенности, что сможешь трудиться по призванию, получить работу по профессии.

Наш новый Закон гарантирует не только право на работу, но и право на выбор профессии. Человек сам волен найти своё призвание, и государство ему в этом поможет при условии, что это будет труд на пользу общества.

Но, выбрав себе профессию, советский человек обязан добросовестно трудиться, соблюдать трудовую и производствен-

ную дисциплину, беречь и укреплять социалистическую собственность.

Права и обязанности советского человека неразрывно связаны, неотделимы одно от другого...

Чтобы гарантировать Законом советскому человеку право на образование, право на труд и выбор профессии, право на отдых, охрану здоровья и обеспечение в старости, право на жильё и на достойный образ жизни человека нашего социалистического общества, нужно было создать мощную промышленность, преобразовать сельское хозяйство в коллективное, снабдить его машинами и удобрениями, развить науку и культуру, накопить огромные богатства. Для этого потребовались годы и годы напряжённого труда всего советского народа...

Могущество и процветание нашей Родины — это главная гарантия прав советского человека, гарантия безопасности нашей страны.

Новая Конституция обязывает каждого гражданина оберегать интересы Советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета. Наше многонациональное государство, в котором десятки наций и народностей связаны узами братской дружбы и доверия, проводит ленинскую политику мира, выступает за прочный мир, заботится о безопасности народов и честное международное сотрудничество. В СССР пропаганда войны считается преступлением и запрещена Законом...

Каждая строка нового Закона, который является законом и твоей жизни, юный читатель, проникнута заботой о человеке труда, о его благополучии и, в первую очередь, о юном поколении, о его будущем, о его роли и месте в настоящем...

«Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР», — гласит Конституция.

Для этой цели созданы Вооружённые Силы и установлена всеобщая воинская обязанность.

«Воинская служба в рядах Вооружённых Сил СССР — почётная обязанность советских граждан» — говорится в Законе. И это прежде всего относится к молодёжи.

Каждый год сотни тысяч молодых воинов дают торжественную клятву на верность служения народу и Родине:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином...»...

...По новой Конституции молодые люди в восемнадцать лет имеют право не только избирать, но и быть избранными народными депутатами. Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран гражданин, достигший двадцати одного года.

По Конституции 1936 года в Верховный Совет СССР право



быть избранным имели граждане только по достижении двадцати трёх лет...

Великое счастье быть гражданином Союза Советских Социалистических Республик — страны первооткрывателей и первопроходцев. В нашей стране впервые победила социалистическая революция и человек труда стал хозяином своей судьбы. Наше государство с первых дней своего существования боролось за мир во всём мире. В Советском Союзе была построена первая в мире атомная электростанция, советский человек первым поднялся в космос, первым показал человечеству обратную сторону Луны, советский атомный ледокол «Арктика» первым проник сквозь льды на вершину планеты — Северный полюс. Вслед за ним сейчас вышел его брат-богатырь, ледокол «Сибирь». И всё это во имя блага человека, во имя прогресса.

«Фантастично... Невероятно... Непостижимо... Грандиозно...» — пишут газеты разных стран о наших достижениях.

В США — этой передовой промышленной капиталистической державе — была изобретена первая атомная бомба и две бомбы были сброшены на японские города Хиросиму и Нагасаки. Они уничтожили тысячи мирных жителей. Последствия взрыва этих бомб до сих пор обрекают сотни японских детей на тяжкие недуги. В США сейчас создаётся ещё более страшное оружие — нейтронная бомба, которая способна уничтожить всё живое на Земле.

«Чудовищно... Бесчеловечно... Запретить производство нейтронной бомбы... Избавить человечество от угрозы уничтожения...» — требуют люди доброй воли. И первым голос протеста против этого страшного оружия поднял Советский Союз.

Союз Советских Социалистических Республик... Советы... Знакомые с детства, привычные, родные слова.

Слово «Советы» вошло во все языки мира. Его невозможно перевести, потому что нет равного по значению и смыслу этому слову, рождённому в огне революции в России...

«Вся власть в СССР принадлежит народу» — провозглашает новая Конституция. Эта государственная власть осуществляется через Советы народных депутатов. Более двух миллионов народных представителей в Советах, начиная от сельских и до Верховного Совета СССР, это, по определению Леонида Ильича Брежнева, «могучий коллективный мозг Советской власти», решающий все важные вопросы внутренней жизни страны, международные дела, экономические и политические.

С огромным волнением и бесконечным чувством благодарности читают советские люди в новой Конституции, что «КПСС существует для народа и служит народу».

С первых дней своего существования партия под руководством великого Ленина беззаветно и мудро боролась за свободу

ду и счастье народное. Тюрьмы, ссылки, виселицы и расстрелы не могли сокрушить партию, неразрывными нитями связанную с рабочим классом, с народом. Погибнут одни, на их место другие с лозунгом встанут. «Вперёд!»— призывали рабочие, идя на штурм царизма. Под руководством партии рабочий класс в союзе с крестьянством сокрушил царизм. Социалистическая революция установила власть рабочих и крестьян на одной шестой части земного шара.

И всегда впереди были большевики, коммунисты.

«Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи»— эти ленинские слова записаны в партийном билете каждого коммуниста.

Коммунистическая партия — великая руководящая и направляющая сила советского общества, организующая сила советского народа, его славный авангард.

Высшая цель, к которой Коммунистическая партия ведёт советский народ,— построение бесклассового коммунистического общества.

Эмблемой Советского государства является Государственный герб СССР.

В нём выражены идеи страны социализма, дух нашей Конституции. Скрещенные серп и молот на фоне земного шара означают мирный созидательный труд народа. Лучи восходящего солнца — грядущее будущее, Коммунизм. Золотые полновесные колосья — символ богатства, могущества нашей страны и благосостояния народа. Красная лента, обвивающая снопы колосев, и лозунг на ней «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на пятнадцати языках союзных республик символизируют нерушимый союз и дружбу народов СССР.

Герб венчает пятиконечная красная звезда, являющаяся символом интернациональной солидарности и дружбы трудящихся пяти континентов планеты.

Государственный герб украшает здание Верховного Совета СССР, он укрепляется на зданиях советских представительств за границей. Печатью с изображением Государственного герба скрепляются государственные акты с иностранными государствами.

Вымпелы с Гербом СССР доставлены космическими ракетами на Луну, на Венеру, опущены на дно океана кораблём «Арктика» на Северном полюсе.

Государственный флаг СССР — это красное знамя, в верхнем углу которого, у древка, изображены скрещенные золотые серп и молот — символ мира и труда, над ними пятиконечная звезда в золотом обрамлении — символ дружбы.

Государственный флаг постоянно развевается над куполом здания Верховного Совета СССР в Кремле, над всеми зданиями Советов народных депутатов. Флагами украшают дома в дни особых торжеств и празднеств. Государственный флаг каждое

утро с восходом солнца поднимается на мачтах советских кораблей, в пионерских лагерях.

Государственный флаг СССР был водружён над поверженным фашистским рейхстагом, и теперь это Знамя Победы хранится как священная реликвия в Центральном музее Советской Армии. Государственный флаг СССР, как и воинское знамя Вооружённых Сил нашей страны — это святыня, которую каждый гражданин нашей страны обязан оберегать как честь и гордость нашей Родины.

Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

Главным городом Советского государства Москва стала 12 марта 1918 года, когда правительство Советской Республики во главе с Владимиром Ильичём Лениным переехало из Петрограда в Москву.

«Всем советским людям она дорога как столица нашей Родины, крупнейший центр промышленности, культуры и науки, как символ нашей великой социалистической державы,» — сказал о Москве Леонид Ильич Брежнев.

Москва — город-герой. На её знамени три ордена Ленина и Золотая Звезда, орден Октябрьской революции. Этими наградами Москва удостоена за революционные, трудовые и воинские подвиги москвичей...

7 октября 1977 года посланцы советского народа, делегаты Верховного Совета с большим воодушевлением утвердили Великий Закон победившего социализма. День 7 Октября объявлен всенародным праздником...

Каждый советский человек взыскательно соизмеряет свои дела и поступки, свой труд и образ жизни с положениями нового Закона. Трудящиеся социалистических стран не только горячо приветствуют наш новый Закон, но и рассматривают его как перспективу развития своих стран.

Благодарный советский народ как клятву произносит слова Государственного гимна Союза Советских Социалистических Республик:

В победе бессмертных идей коммунизма  
Мы видим грядущее нашей страны,  
И Красному знамени славной Отчизны  
Мы будем всегда беззаветно верны!

## РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ ЛЕНИНЫМ

Грудой дел,  
                    суматохой явлений  
день отошёл,  
                    постепенно стемнев.  
Двое в комнате.  
                    Я  
                                и Ленин —  
фотографией  
                    на белой стене.  
Рот открыт  
                    в напряжённой речи,  
усов  
                    щетинка  
                                вздёрнулась ввысь,  
в складках лба  
                                зажата  
  человечья,  
в огромный лоб  
                                огромная мысль.  
Должно быть,  
                    под ним  
                                проходят тысячи...  
Лес флагов...  
                    рук трава...  
Я встал со стула,  
                    радостью высвечен,  
хочется —  
                    идти,  
                    приветствовать,  
                                рапортовать!  
«Товарищ Ленин,  
                    я вам докладываю  
не по службе,  
                    а по душе.  
Товарищ Ленин,  
                    работа адовая  
будет  
                    сделана  
                                и делается уже.  
                    одеваем нищ и голь,  
ширится  
                    добыча  
                                угля и руды...

А рядом с этим,  
                                конечно,  
  много,  
много  
                        разной  
                                дряни и ерунды.  
Устаёшь  
                                отбиваться и отгрызаться.  
Многие  
                        без вас  
                                отбились от рук.  
Очень  
                        много  
                                разных мерзавцев  
ходят  
                        по нашей земле  
  и вокруг.  
Нету  
                им  
                        ни числа,  
  ни клички,  
целая  
                        лента типов  
  тянется.  
Кулаки  
                        и волокитчики,  
подхалимы,  
                        сектанты  
  и пьяницы,—  
ходят,  
                гордо  
                                выпятив груди,  
в ручках сплошь  
  и в значках нагрудных...  
Мы их  
                        всех,  
                                конечно, скрутим,  
но всех  
                        скрутить  
  ужасно трудно.  
Товарищ Ленин,  
                                по фабрикам дымным,

по землям,  
покрытым  
и снегом  
и жнивьем,  
вашим,  
товарищ,  
сердцем  
и именем  
думаем,  
дышим,  
боремся  
и живём!..»

**ЛЕНИН  
И ТЕПЕРЬ  
ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ.  
НАШЕ ЗНАНИЕ —  
СИЛА  
И ОРУЖИЕ.**

**В л а д и м и р   М а я к о в с к и й**





## СОДЕРЖАНИЕ

В. Маяковский. Отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин»	3	записка	77
В. Саянов. Заря	5	Е. Мирер. Маленькому другу	80
А. И. Ульянова. Окончание гимназии	6	П. Замойский. Письмо Ильичу (отрывок из рассказа)	82
Н. Богданов. Кругосветка	9	С. Есенин, Анна Снегина (отрывок из поэмы)	85
З. Воскресенская. Кольца дружбы	16	Е. Мар. Ранение	86
З. Воскресенская. Визитное платье	19	Е. Смирнова. У больного Ильича	88
Л. Ошанин. Над родным Симбирском	23	А. Аросев. «Ну что, как Ильич?»	89
П. Железнов. Непобедимой партии вожатый	24	Н. Островский. «Всем, всем, всем»	93
А. Сурков. Покончив с тревогами жизни подпольной	27	К. Левин. Народ и Ленин	95
П. Капица. Началось	—	Д. Фурманов. Мы хоронили Ильича	100
А. Кононов. Встреча	31	А. Безыменский. Партбилет № 224332	101
В. Маяковский. Ленин в Смольном	35	С. Смирнов. Не объять его деяний поле	103
М. Горький. Это — наш (из очерка «В. И. Ленин»)	37	Уилтон Джон Браун. Там, где стоял Ленин	—
Альберт Рис Вильямс. Необычайное самообладание Ленина (Фрагмент из книги «Ленин — человек и его дело»)	44	А. Скрыпник. Стёжка на Красную площадь	104
Джон Рид. Неудержимо вперёд! (Отрывок из книги «10 дней, которые потрясли мир»)	46	М. Лисянский. Слава	109
Е. Маркин. На могиле матери	47	А. Кулешов. Живой Ленин	110
С. Есенин. Капитан земли	48	Д. Гулиа. О Ленине	111
Н. Погодин. Кремлёвские куранты	51	Л. Попова. Ань Тхо	113
Г. Гоппе, В. Верховский. Разговор о тепле	58	Роберт Рождественский. Письмо в XXX век (отрывок из поэмы)	—
Б. Кежун. Зимой двадцать первого года	61	Всеволод Рождественский. Ленин	116
Е. Мар. Ленин идёт за плугом	62	М. Лисянский. Космонавт приходит к Ильичу	117
М. Каратаев. Простой, мудрый, бессмертный	64	Б. Кежун. Сердце Ильича	—
Расул Гамзатов. Горцы у Ленина	67	М. Львов. На Отчизны цветенье	118
С. Гиль. Скромный и простой	69	В. Анохин. Подарок наборщика	119
Г. Серебрякова	71	П. Бровка. «Правду» читает Ленин	121
В. И. Ленин	71	Е. Мар. Орден Ленина	—
П. Железнов. На II Конгрессе Коминтерна	74	З. Воскресенская. Слово о Великом законе	123
М. Исаковский. Докладная	74	В. Маяковский. Разговор с товарищем Лениным	130

## **САМЫЙ ЧЕЛОВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК**

**Составители: Р. Н. Давыдова, Р. С. Сверчкова, Л. И. Тулешова.**

**Художник Даненов Ж.  
Редактор Гончарова Л. В.  
Художественный редактор Абаев Х. С.  
Технический редактор Зотова Р. П.  
Корректор Молчанова Ж. А.**

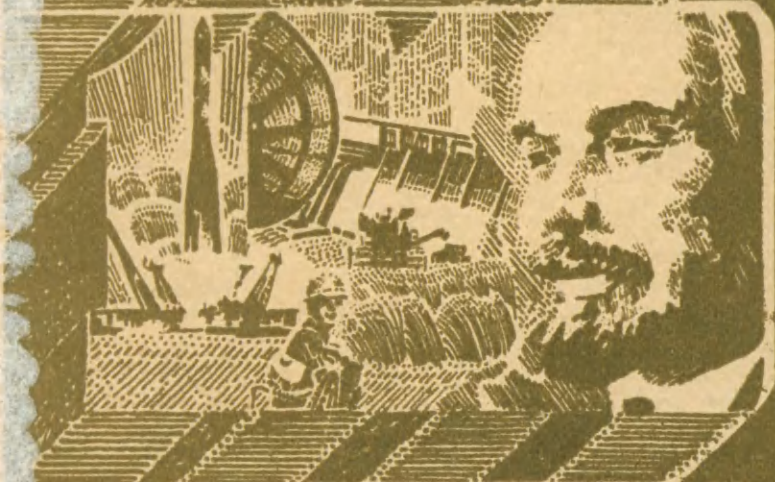
**ИБ № 1463**

Сдано в набор 13.06.80 г. Подписано к печати 8.12.80 г. УГ № 24183.  
Бум. тип. № 1. 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Гарнитура журнально-рубленая. Печать  
высокая. Объем печ. л. 8,5+1,0 цв. вкл.+0,375 цв. форз. Усл.  
печ. л. 8,5+1,0 цв. вкл.+0,375 цв. форз. Уч-изд. л. 8,905+0,728 цв.  
вкл.+0,56 цв. форз. Тираж 118000 экз. Заказ 2077. Цена 50 коп.  
Из-во «Мектеп» Государственного комитета КазССР по делам из-  
дательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата,  
пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфичес-  
ких предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР  
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480002,  
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.

С 60803—059  
404[07]—81 238—80 0103020000

1870



1980

50 к.

1870

1980